Т 64
552
Зырянов.

2007080044

Б5 3/156
Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина

Крестьянское движение[1]

въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи

въ 1843 году.[2]

Очеркъ по документамъ и свидѣтельствамъ очевидцевъ.

I.

Учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ было встрѣчено нашимъ простымъ народомъ съ недовѣріемъ, слѣдствіемъ котораго были вспыхнувшія смуты и волненія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по за-Уралью, въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ, въ 1842 и 1843 годахъ. Первоначальная сутятица происходила въ апрѣлѣ 1843 въ Ирбитскомъ, Камышловскомъ и частію Шадринскомъ уѣздахъ (изъ нихъ о послѣднемъ помѣщена была мною бѣглая замѣтка въ «Пермскомъ Сборникѣ» за 1860 годъ, въ отдѣлѣ IV, на стр 13).

Свѣдѣнія о Шадринской катастрофѣ, удалившейся отъ насъ уже на тридцать пять лѣтъ съ лишкомъ, сверхъ личныхъ наблюденій, взяты мною частью изъ архивныхъ дѣлъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ Шадринскаго уѣзда, къ осмотру которыхъ я былъ допущенъ въ 1852 году, и частью изъ разсказовъ очевидцевъ и современниковъ, помнящихъ это время свѣжо и живо. Подлинныя дѣла о крестьянскихъ волненіяхъ на берегахъ рѣкъ Исети, Течи и Міяса въ 1842 и 1843 годахъ—хранились въ нѣсколькихъ томахъ въ архивѣ Шадринскаго бывшаго уѣзднаго суда, гдѣ, въ сильный пожаръ, испепелившій городъ Шадринскъ въ августѣ 1870, всѣ они сгорѣли безъ остатка.

Изъ тридцати волостей Шадринскаго уѣзда, семь находились въ 1843 въ самомъ вихрѣ волненія, а шесть отбунтовавъ за 11 мѣсяцевъ предъ этимъ въ 1842, находились теперь въ сторонѣ простыми зрителями событія. Въ Шадринскомъ уѣздѣ ни прежде, ни послѣ не было помѣщи-

---

[1]) Авторъ назвалъ свой очеркъ «Картофельнымъ бунтомъ», вѣроятно, подражая М. И. Семевскому. Но, вопервыхъ, это названіе хотя и оглушительное, но выдуманное и въ народѣ неупотребляющееся; вовторыхъ, какъ убѣдится самъ читатель, о картофелѣ говорится въ очеркѣ менѣе всего или почти ничего; въ третьихъ народъ называетъ всѣ эти печальныя событія «заворохою», «бунтовкою», «бунтовымъ годомъ». *Ред.*

[2]) Настоящая статья была напечатана въ 1879 году въ журналѣ Древняя и Новая Россія. Перепечатывая ее въ календарь редакція руководствовалась слѣдующими соображеніями: 1) журналъ, въ которомъ она была напечатана издавался весьма—недолго и крайне мало распространенъ, 2) на страницахъ календаря желательно собрать наиболѣе выдающіяся статьи о Пермскомъ краѣ.

ковъ, а потому населеніе тамошнее не было знакомо съ крѣпостною зависимостью. Только въ селѣ Больше-Канашскомъ были опознаны однимъ владѣльцемъ нѣсколько семей, сбѣжавшихъ сюда для водворенія крестьянъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, къ которымъ пріѣхалъ на осѣдлое житье и самъ помѣщикъ, разсчитывая на пустопорожнія земли; но здѣсь онъ умеръ, а наслѣдники его, за условный выкупъ, освободили крестьянъ отъ обязательныхъ отношеній къ себѣ, и горсть ихъ извѣстная у туземцевъ подъ именемъ «боярскихъ», стала называться съ того времени и теперь называется свободными хлѣбопашцами или государственными крестьянами, водворенными на собственныхъ земляхъ.

Теперь будемъ группировать факты.

I.

Поводы къ волненіямъ.—Челябинскіе слухи.—Дѣйствія временнаго отдѣленія Шадринскаго земскаго суда.—Слобода Батуринская.—Неудачныя мѣры къ усмиренію волненій.—Осада Батуринской церкви.—Безсиліе отрядовъ.—Розыски, истязанія, пытки.

Искры волненія 1842 года въ Шадринскомъ уѣздѣ таились въ народѣ до слѣдующаго, 1843 года. При первой водополицѣ, какъ и прежде, онѣ вспыхнули мгновенно и одновременно въ разныхъ деревняхъ. Еще въ первыхъ числахъ марта 1843 возникли между крестьянами Челябинскаго уѣзда, сосѣдняго съ Шадринскимъ, открытые толки о томъ, что «продаютъ ихъ какому-то барину Кульневу». Прослышавъ объ этомъ, стали они сходиться на самовольные сходы въ своихъ деревняхъ, разглашать возмутительныя бумаги и оказывать мало-по-малу грубость и неповиновеніе мѣстному волостному и сельскому «деревенскому» начальству, явно пренебрегая ихъ распоряженіями. Шадринскій земскій исправникъ Черносвитовъ, извѣстясь о такихъ слухахъ и опасаясь за спокойствіе своего края, по примѣру предшествовавшаго года (такъ какъ нѣкоторыя Челябинскія деревни отстояли отъ Шадринскихъ только а шесть верстъ), донесъ 19 марта Пермскому губернатору И. И. Огареву о полученныхъ имъ свѣдѣніяхъ. Огаревъ передалъ это извѣстіе, въ свою очередь, съ эстафетою Оренбургскому губернатору, а въ Шадринскій уѣздъ послалъ, между тѣмъ, губернскаго лѣсничаго маіора Эллерта, поручивъ ему, совмѣстно съ исправникомъ, принять всѣ мѣры къ удержанію крестьянъ въ повиновеніи, стараясь притомъ въ дѣйствіяхъ и наблюденіяхъ своихъ сохранять единство и избѣгать всякой преждевременной огласки, чтобы не возбудить въ крестьянахъ какого нибудь сомнѣнія и не поколебать ихъ спокойствія.

Шадринскій исправникъ, доставляя отчетъ о слухахъ Пермскому губернатору, имѣлъ уже въ виду, что въ Кислинской волости, Челябин-

скаго уѣзда, распространены въ народѣ какія-то бумаги возмутительнаго свойства, найденныя по обыску у одного крестьянина, по фамиліи Плотникова, въ мѣшкѣ, насыпанномъ пшеницею, и потому, съ возникновеніемъ въ Челябинскомъ уѣздѣ возмущенія, онъ не ручался за спокойствіе и Шадринскаго, такъ какъ граница послѣдняго простиралась слишкомъ на сто верстъ въ поперечникѣ. Такія опасенія его не были напрасны, какъ показали послѣдствія.

Оренбургскій губернаторъ Талызинъ 24 марта увѣдомилъ Огарева, что о безпорядкахъ въ Челябинскомъ уѣздѣ онъ имѣетъ оффиціальныя донесенія мѣстной власти; что онъ боленъ, не можетъ выѣхать самъ на мѣсто, и потому командировалъ туда управляющаго Оренбургскою палатою государственныхъ имуществъ Львова, снабдивъ его наставленіемъ, какъ вести себя при этомъ случаѣ. Притомъ онъ усмотрѣлъ изъ донесеній Челябинскаго уѣзда, что крестьяне не желаютъ противиться волѣ начальства, а не подписываютъ приговоровъ только на разные законные сборы, подозрѣвая ихъ добросовѣстность. Это относилось къ раскладкѣ общественнаго сбора, помѣщеннаго въ окладныхъ листахъ, подъ особою рубрикою, на жалованье должностнымъ лицамъ и на содержаніе волостныхъ и сельскихъ управленій. Затѣмъ «дальнѣйшихъ противодѣйствій непредвидится», заключилъ губернаторъ Талызинъ.

А на дѣлѣ, между тѣмъ, было совсѣмъ другое. Народъ находился въ самомъ возбужденномъ состояніи. Вопервыхъ онъ не сочувствовалъ общественнымъ запашкамъ, завести которыя вдругъ отъ него потребовали. Во-вторыхъ, онъ противился введенію картофеля, неотвѣчавшаго религіозному воззрѣнію на сей овощъ раскольниковъ. Втретьихъ, народъ изумился при видѣ форменныхъ кафтановъ съ галунами и свѣтлыми пуговицами, надѣтыхъ на писарей и мужиковъ-начальниковъ. Все это, вмѣстѣ взятое, окончательно затуманило крестьянскій здравый разсудокъ. Но самымъ важнымъ поводомъ къ волненію послужили пущенныя въ темный народъ подложныя «грамотки», распространенныя неизвѣстными злонамѣренными людьми въ Челябинскомъ уѣздѣ. Эти «грамотки» были очень безграмотны и безтолковы. Образчики ихъ губернаторъ Талызинъ препроводилъ къ начальнику Пермской губерніи. До содержанія ихъ трудно добраться. Тутъ есть и приглашеніе отъ неизвѣстнаго лица волостнымъ и сельскимъ властямъ и другимъ должностнымъ лицамъ оказать пособіе этому неизвѣстному лицу; извѣстіе о передачѣ крестьянъ какому-то господину Куликову или Кульневу, которому будто бы они проданы и должны принадлежать по праву покупки; обѣщаніе имъ тройнаго жалованья и награды крестами и медалями. Въ числѣ прочихъ безсмыслицъ, помѣщено еще, что «господинъ» будетъ требовать отъ поселянъ мужскаго пола большую для него запашку земли и непомѣрные оброки, а женщинъ присудитъ ткать для себя большое количество холста мѣдными бердами и челноками. Впрочемъ, приводимъ цѣликомъ эту чепуху.

1. «Указъ его императорскаго величества самодержца Всероссійскаго и проч. и проч. и прочая. Святѣйшаго правительствующаго синода: слушавъ записку главнаго штаба, приказали: генералъ-губернатору разныхъ орденовъ кавалера генералъ губернатора, военному губернатору, гражданскому губернатору пояснить управляющимъ государственной и казенной, уголовной, гражданской и губернскому правленію; предписать окружнымъ начальникамъ: Стерлитамацкому, Белебейскому, Бузулуцкому, Троицкому, Челябинскому взять большое вліяніе на себя обязанность предлагать волостнымъ правленіямъ, сельскимъ расправамъ и отправиться самолудшимъ помощникамъ взять подписки съ жителей отъ 200 домохозяевъ и представить въ палату государственныхъ имуществъ. Свода законовъ § 258, статьи 487; уложенія Петра Великаго, статьи 1, 3, 4, 7 принадлежатъ сіи крестьяне въ удѣльную контору и распоряжаться будутъ ими. Подписалъ главнаго штаба генералъ фельдмаршалъ, разныхъ орденовъ кавалеръ финансовъ и подлинное его императорскаго величества рукой: Николай Первый».

2. « Предложеніе палатѣ государственныхъ имуществъ волостнымъ правленіямъ и сельскимъ расправамъ. Внушить жителямъ, какъ можно стараться привести къ подпискѣ и говорить, яко бы сѣять двѣ десятины общественнаго хлѣба по запашкѣ, за то стараніе получать тройное жалованье, и ихъ подвести подъ господина министра Куликова и съ каждаго вѣнца съ нихъ будетъ положено работа по три десятины хлѣба: 1 пшеницы, 2 ярицы, 3 овса; по три лехи льну, который обработывать женщинамъ, напрясть, выткать хорошою работою полотна, имѣть снасть, для тканія берда имѣть мѣдныя, и челноки такой же мѣди; и надъ крестьянами будутъ надсмотрщики у ста вѣнцовъ и хлѣба представлять въ магазину господскую и отъ двадцати вѣнцовъ, а если которой не можетъ исполнить сего, то на господскую работу три дня, на себя три дня; на господина положатся урочныя работы. И какъ можно гг. начальники постараются пожалуйста какъ можно и привесть ихъ какимъ нибудь способомъ къ присягѣ; сказать о подушныхъ податяхъ и донести вообще съ рапортомъ присяжные листы и доставить тѣхъ людей, которые будутъ разглашать о семъ жителямъ, того схватить и представить въ окружное правленіе. Пожалуйста, гг. начальники, постарайтесь! Еще какъ вы выполните, то пришлются вамъ за услугу кресты и медали».

Мудрено ли послѣ этой нелѣпицы отупѣть и вскружиться темной головѣ неграмотнаго крестьянина! Онъ вдругъ сдѣлался остороженъ, недовѣрчивъ не только къ ближайшему своему начальству, и въ особенности къ писарямъ, но и къ людямъ разсудка, склонявшимъ его къ порядку и законности. Въ цѣляхъ самозащиты и самоохраны, крестьяне стали вымогать и настоятельно требовать отъ сельскихъ властей мнимый указъ о передачѣ ихъ «господину» и отказались отъ составленія и под-

писи какихъ бы ни было приговоровъ для административныхъ надобностей, говоря при этомъ открыто и гласно, что все это дѣлается «для барина и ложно»[1].

Когда, гдѣ и кѣмъ составлены бумаги возмутительнаго свойства—неизвѣстно и судомъ не раскрыто. По свѣдѣніямъ, имѣвшимся впослѣдствіи въ рукахъ Шадринской военно-судной коммиссіи, обнаруживалось только, что бумаги эти будто бы получены какимъ-то скрывшимся крестьяниномъ отъ неизвѣстнаго арестанта въ Камышловскомъ тюремномъ замкѣ [2]. Но правда ли это—опять неизвѣстно. Характеръ бумагъ, какъ видно изъ нихъ, вообще ядовитый, хотя и безсмысленный и написанъ подъ тонъ мужичій, если не безграмотнымъ дуракомъ, то толковымъ негодяемъ, искавшимъ смуть и безурядья, во вредъ и гибель благосостоянію и спокойствію массы.

Сколько содѣйствовало въ Шадринскомъ уѣздѣ къ распространенію ложныхъ слуховъ и толковъ о мнимомъ удѣлѣ близкое сосѣдство пограничныхъ селеній Челябинскаго уѣзда, столько же помогалъ личными дѣйствіями заводчикъ Челябинскаго бунта, Воскресенскій крестьянинъ Иванъ Ѳадѣшинъ, по прозванію Лысый, постоянно шлявшійся съ проповѣдью объ удѣлѣ по деревнямъ здѣшнимъ для подстрекательства жителей къ возстанію. Пойманный, наконецъ, въ Шадринскѣ и допрошенный тамошнимъ городничимъ, онъ показалъ, что пріѣхалъ сюда въ качествѣ повѣреннаго отъ общества крестьянъ разныхъ волостей, насчетъ причисленія ихъ въ какой-то удѣлъ, для подачи всеподданнѣйшаго прошенія государю. Отсюда Лысый препровожденъ въ Челябинскую военно-судную коммиссію, и тамъ присужденъ въ каторжную работу на продолжительный срокъ.

Апрѣль мѣсяцъ ознаменовывается уже открытыми движеніями крестьянъ въ разныхъ деревняхъ и селеніяхъ Шадринскаго и Челябинскаго уѣздовъ. Въ среду на страстной недѣлѣ великаго поста (7 апрѣля 1843) засѣдатель Батуринской волости доносилъ Шадринскому окружному управленію, что въ селѣ Кабанскомъ и окрестныхъ съ нимъ деревняхъ возникаютъ сильныя безпокойства, составляются сборища для какихъ-то совѣщаній и обнаруживаются угрозы противъ сельскаго начальства. И дѣйствительно: сборища и угрозы эти были опаснаго характера. Они обнаружились въ этотъ день въ двухъ селеніяхъ: Бабанскомъ, Батуринской волости, и Песчано-Таволжанскомъ, Бѣлоярской волости, смежныхъ между собою и съ селомъ Травянскимъ Челябинскаго уѣзда. Въ Таволжанскомъ селѣ до 700 человѣкъ собравшихся крестьянъ ворвались въ

[1] Изъ донесенія Шадринскаго исправника Пермскому губернатору отъ 19 марта 1843, № 75.

[2] Изъ приговора Шадринскаго военнаго суда, составленнаго 28, 29, 30, 31 декабря 1843 года.

сельское управленіе, арестовали писаря, а шкафъ съ дѣлами разбили желѣзнымъ ломомъ и выбросили изъ него дѣла и бумаги, отыскивая въ нихъ какой-то указъ за 1802 годъ, якобы о поступленіи ихъ въ удѣльное вѣдомство. Бумаги и дѣла разбирали и читали здѣсь Челябинскіе грамотѣи, пріѣхавшіе сюда по приглашенію здѣшнихъ крестьянъ. Въ это время одинъ изъ крестьянъ сообщилъ толпѣ, что 8 апрѣля будутъ изъ Шадринска въ Батуринскую слободу тамошніе чиновники, которыхъ надобно допросить «порядкомъ», и потому не худо бы всѣмъ имъ, какъ и собранію Кабанскому, отправиться завтра туда.

Въ Кабанскомъ селѣ 7 апрѣля собрался тоже многолюдный сходъ, куда, для развѣдки происходившаго и прекращенія по-возможности безпорядковъ, Батуринскій волостный писарь Самсонъ Толшинъ послалъ своего старшину Богачева. Его приняли тамъ крестьяне съ видимымъ нерасположеніемъ и явнымъ невниманіемъ. Сперва спросили они его о содержаніи и значеніи прибитыхъ на стѣнахъ таблицъ, о количествѣ слѣдуемыхъ и взыскиваемыхъ съ нихъ податей и повинностей, потомъ спибли его съ верховой лошади и били безжалостнымъ образомъ, спрашивая въ то же время о бердахъ и челнокахъ, совершенно ему неизвѣстныхъ. Когда же отозвался онъ насчетъ послѣднихъ незнаніемъ, раздѣли его до-нага, увели къ колодцу, обливали холодною водою и привязали ко столбу, какъ какого-нибудь преступника. Къ ночи заковали его въ конскія путы (желѣза) и оставили ночевать подъ карауломъ въ крестьянской избѣ. На другой день, по утру 8 апрѣля, повторили они надъ нимъ тѣже истязанія и водили потомъ въ поле къ какому-то логу, гдѣ было у нихъ какое-то секретное сборище для сговора, который, однакожь, тутъ не состоялся Отсюда отправили старшину въ Батуринскую слободу, гдѣ переводили его изъ волости въ расправу, и изъ расправы въ волость, съ безпрерывнымъ требованіемъ того присяжнаго листа, по которому присягалъ онъ «подъ барина». Этотъ несчастный старшина вырвался отъ нихъ, только по усмиреніи волненія.

Въ Батуринской слободѣ, резиденціи волостнаго и сельскаго управленій, сборище крестьянъ 8 апрѣля возросло до значительной цифры по поводу разнесшихся слуховъ о пріѣздѣ сюда въ этотъ день уѣздныхъ чиновниковъ изъ города Шадринска. Кромѣ крестьянъ, составляющихъ собственно Батуринскую волость, много находилось ихъ здѣсь изъ сосѣднихъ волостей: Каргопольской, Бѣлоярской и Уксянской. Отсюда-то и разлился потокъ безпорядковъ во всѣ южныя стороны Шадринскаго уѣзда. расположенныя по правую сторону теченія рѣки Исети въ долинахъ между рѣкъ Течи, Міяса, Барневки и Солодянки.

Не въ шутку встревожились и жители Шадринска отъ Батуринскихъ безпокойствъ, опасаясь вредныхъ послѣдствій ихъ, не менѣе Пугачевскаго бунта, бывшаго здѣсь въ 1774 году.

— Знаете ли вы новость? спрашивали горожане одинъ другаго при встрѣчахъ.

— Нѣтъ, не знаю! было отвѣтомъ.

— Вѣдь за Исетью бунтъ у мужиковъ и хуже прошлогодняго.

— Гдѣ за Исетью?

— Въ нашемъ уѣздѣ, возлѣ Челябинской границы.

— Что вы? да давно ли былъ бунтъ по сю сторону Исети?

— Тотъ былъ да сплылъ, а теперь другой завелся, и получше, говорятъ прежняго.

— О чемъ же мужики бунтуютъ?

— Опять о пресловутомъ удѣлѣ по поводу посѣва картофеля и заведенія хлѣбныхъ общественныхъ запашекъ.

— Да они одурѣли! Кто это имъ натолковалъ объ удѣлѣ, котораго нѣтъ здѣсь, не было и не будетъ.

— Изъ Челябинскаго уѣзда. Тамошніе мужики давно столковались на сходахъ, чтобы не допускать боярскаго господства, и вотъ теперь открыто объявили себя противъ всякаго начальства.

— Это я слышалъ. Что же дѣлаетъ наше чиновничество? Отчего не ѣдетъ оно прекращать безпорядки?

— Исправникъ вернулся только изъ-за рѣки, и ѣдетъ опять въ Батурину, какъ слышно.

— Надо ѣхать ему, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Конечно. Съ мужиками вѣдь, какъ съ баранами, скоро не сладишь.

Уѣздное чиновничество ждало волненія не съ Батуринской стороны, а со стороны Верхтеченской, со стороны юго-западной, гдѣ селенія Песчанскаго общества ближе прилегали къ деревнямъ Челябинскимъ, гдѣ чаще производились сношенія крестьянъ между собою и гдѣ наблюдалъ тогда за порядкомъ и спокойствіемъ Шадринскій исправникъ Черносвитовъ. Но волненіе вспыхнуло совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, и именно въ селахъ: Песчано-Тавалжанскомъ и Кабанскомъ, какъ выше мы замѣтили.

Помощникъ окружнаго начальника—Данилевскій, ѣздившій съ исправникомъ для содѣйствія ему въ Верхтеченскую волость, по возвращеніи оттуда, донесъ окружному начальнику, что въ волостяхъ Верхтеченской, Уксянской и Бѣлоярской, въ которыхъ онъ былъ, нашелъ крестьянъ въ тревожномъ духѣ, расположенномъ къ упорному сопротивленію: они собираются толпами изъ разныхъ мѣстъ и идутъ въ центры волостей массами или партіями, съ кольями, ружьями и пиками. Данилевскій увѣщевалъ и вразумлялъ ихъ, но они не обратили на это никакого вниманія, а напротивъ, «произносили грубости и дерзости». Въ деревнѣ же Лебяжьей, Уксянской волости, Данилевскій былъ окруженъ толпою крестьянъ, отказавшихъ ему въ дачѣ лошадей, и съ трудомъ могъ высвободиться отъ нихъ и выѣхать изъ деревни.

Въ Великій четвергъ (8 апрѣля) временное отдѣленіе Шадринскаго земскаго суда, составленное изъ исправника Черносвитова, стряпчаго Рѣшетникова, пристава 1-го стана Пантелеймонова и окружнаго начальника Кирхнера, отправилось по утру въ Батуринскую слободу, въ сопровожденіи наскоро вытребованнаго отъ начальника мѣстной инвалидной команды отряда вооруженныхъ солдатъ, въ числѣ 30 человѣкъ, подъ конвоемъ которыхъ исправникъ и окружной начальникъ выѣхали впередъ въ одномъ экипажѣ, какъ друзья и пріятели, а стряпчій и приставъ послѣ нихъ. Въ Макаровскомъ селѣ, отстоящемъ отъ Шадринска въ 12 верстахъ, рѣчка Барневка, на правомъ берегу которой были расположены жилья крестьянскія, находилась въ самомъ разливѣ и бурлила; переправы чрезъ нее не существовало, и мостъ, сооруженный раньше въ виду волненія, оказался уничтоженнымъ. Исправникъ, съ окружнымъ начальникомъ, едва добился переправы, произведенной кое-какъ посредствомъ спѣшно-сколоченнаго парома, и хотя и приказалъ онъ потомъ Макаровцамъ возстановить тотчасъ сообщеніе чрезъ Барневку, но крестьяне приняли его распоряженіе съ полнымъ невниманіемъ и, разумѣется, не исполнили.

По дорогѣ къ Батуринской слободѣ, куда ѣхали члены временнаго отдѣленія, встрѣчались имъ верховые крестьяне, мчавшіеся въ село Макарьевское, для наряда людей на сходку; и хотя исправникъ ворочалъ ихъ, но они не слушались и продолжали свой путь, въ полномъ убѣжденіи, что никакого начальства у нихъ теперь нѣтъ, а есть одинъ только начальникъ: міръ, общество, громада, которые рѣшили уже свергнуть съ себя иго притѣсненій и возстановить порядокъ и законность— самосудомъ.

Гнѣздо и центръ волненій сосредоточивались въ слободѣ Батуринской, отстоящей отъ Шадринска на 25 верстъ. Батуринское село расположено по обѣимъ берегамъ маловодной и грязной рѣчки Солодянки, лѣвый берегъ которой утопаетъ въ низахъ и болотахъ, сопровождающихся нозьмами (норы, впадины) и гнилостными испареніями, а правый берегъ, болѣе заселенъ крестьянскими строеніями, подъ грудами скалья и соломы, постепенно возвышаясь къ югу, вдругъ у самой церкви раскидывается пространство, открытою площадью, имѣющею привлекательный видъ, а рядомъ съ ней замыкается скотскимъ выгономъ, полями и перелѣсками. Среди этой-то возвышенной площади стояла и стоитъ каменная двухъ-этажная церковь, красивой архитектуры, съ двухъ-ярусною колокольнею и двухъ-сторонними балконами, съ которыхъ горизонтъ видится весьма далеко особенно въ ясный, тихій день. Съ одной стороны прилегали къ церкви площадь съ деревянными помѣщеніями волостнаго и сельскаго управленій, съ другой—разстилался скотскій выгонъ, а съ прочихъ—находились деревянные домы и постройки жителей, подъ скальемъ (берестою) дранью и массою соломы.

Здѣсь, на площади, 8 апрѣля происходилъ сборъ крестьянъ, простиравшійся до трехъ или четырехъ тысячъ. Толпы ихъ, разбившись на кучки и партіи, шумѣли; слышались вездѣ похвальбы и угрозы, но нигдѣ порядочнаго слова и разсудительнаго голоса Какая-то злоба обуяла крестьянъ, и они готовы были на самый отчаянный поступокъ, незнавшій границъ. Пріѣздъ чиновниковъ былъ встрѣченъ съ затаеннымъ злорадствомъ, но наружно оказывалась имъ притворная привѣтливость

Исправникъ Черносвитовъ, майоръ въ отставкѣ, имѣлъ физическій недостатокъ—корковую ногу взамѣнъ природной, потерянной, имъ въ военной службѣ; но этотъ недостатокъ искупался у него съ избыткомъ смѣлостью, бойкостью и неустрашимостью. Такими же свойствами обладалъ и другъ-пріятель его окружный начальникъ Кирхнеръ (Викентій Егоровичъ), съ которымъ вмѣстѣ усмирили они подобныя же волненія въ сѣверныхъ волостяхъ Шадринскаго уѣзда, за одиннадцать мѣсяцевъ предъ этимъ. Знакомые съ характеромъ возстанія и мѣрами усмиренія возставшихъ, они хотѣли дѣйствовать и здѣсь, въ Батуринскомъ селѣ, быстротою и смѣлостью: но жестоко ошиблись въ своихъ разсчетахъ и неожиданно столкнулись съ необычайною отвагою и удалью мужичьею.

На бѣглые разспросы чиновниковъ о причинахъ сборища народнаго крестьяне отвѣчали имъ, что поводомъ къ общественному собранію служитъ всеобщій слухъ, разнесшійся недавно, о приписке ихъ, помимо-высочайшей воли, къ какому-то барину, отдаться и принадлежать которому нѣтъ у нихъ ни охоты, ни желанія; что потому они хотѣли бы отыскать бумаги, касающіяся этого дѣла и хранящіяся у волостныхъ и сельскихъ начальниковъ, у писарей, поповъ и дьяковъ. Доказательства этого желанія и требованія толпы находились уже предъ глазами чиновниковъ: многочисленные страдальцы изъ должностныхъ лицъ, варварски измученные, обнаженные, содержавшіеся на привязи у столбовъ и стѣнъ оградныхъ, подъ градомъ плевковъ и побоевъ поливаемые холодною водою изъ колодцевъ. Подобная участь могла постигнуть и уѣздныхъ чиновниковъ, такъ какъ крестьяне положительно намѣревались овладѣть ими и подвергнуть ихъ пыткамъ и истязаніямъ, какъ доносилъ объ этомъ Пермскому губернатору совѣтникъ губернскаго правленія Соболевъ (17 апрѣля 1843, № 13).

Опасность такого рода для чиновниковъ уже проглядывала и сквозила изъ-за той неумѣлой маскировки, выражавшей имъ притворную подчиненность Толпа начинала уже настоятельно требовать отъ нихъ немедленнаго уничтоженія управленія государственными имуществами и возстановленія прежняго порядка; уничтоженія шитыхъ кафтановъ съ галунами и свѣтлыми пуговками у писарей и начальниковъ и прекращенія жалованья имъ, которое раньше не назначалось безъ мірской воли. Чиновники стояли въ кругу толпы подъ прикрытіемъ отряда солдатъ, вооруженныхъ заряженными ружьями; но экипажи ихъ на-

ходились въ отдаленіи. Говоръ и шумъ увеличивались, гамъ возросталъ, и убѣжденія чиновниковъ, старавшихся изо всѣхъ силъ вразумить неразумныхъ, уносились вѣтромъ, безъ всякихъ послѣдствій. Начинались произноситься уже угрозы, а Батуринскаго голову и засѣдателя, пріѣхавшихъ съ чиновниками, вырвали мужики насильно изъ рукъ команды, немогшей защитить ихъ, и тутъ же подвергли ихъ мучительной пыткѣ, издѣваясь надъ ними съ хохотомъ и бранью. Чиновникамъ же въ глаза и громко говорили, что они «живодеры», «обиралы», «міропродавцы» и «міроѣды». Наконецъ, одинъ крестьянинъ съ крикомъ ухватился-было за воротъ вицъ-мундира окружнаго начальника и хотѣлъ втащить его въ толпу, но былъ во-время остановленъ движеніемъ штыка рядоваго Романова. Толпа между тѣмъ неистово кричала: [illegible]

— Брать его надо, что на него смотрѣть! Туда же къ заплоту, гдѣ голова съ засѣдателемъ: пусть узнаютъ тамъ мужичій судъ!

Опасность положенія чиновниковъ вынудила команду сдѣлать движеніе къ защитѣ ихъ. Но и крестьяне, стоявшіе сзади толпы, наскоро похватали въ руки палки и колья изъ моментально разобранной ими ограды волостнаго правленія и приготовились такимъ образомъ на отчаянный бой и драку. [illegible]

Картина вышла очень печальная! Съ одной стороны—густая толпа крестьянъ, ожесточенная, фанатизованная ложными слухами, съ другой—блюстители порядка, охваченные и оцѣпленные ею со всѣхъ сторонъ, и команда солдатъ со взятымъ на руку ружьемъ—враждебно измѣряли другъ друга глазами и нетерпѣливо ждали исхода. Борьба казалась неизбѣжною, дурныя послѣдствія которой могли неблагопріятно отразиться на однихъ чиновникахъ, начинавшихъ вслѣдствіе того бояться за себя и трусить не на шутку. Чтобы удержаться въ границахъ приличія, они тотчасъ измѣнили тактику обращенія: изъ начальническаго тона перешли въ мягкій, дружескій тонъ кротости и снисхожденія, не раздражая и *не запугивая, надѣясь возбудить тѣмъ въ толпѣ какое-нибудь сознаніе и здравомысліе. Но здравомыслія и сознанія, къ сожалѣнію, не было уже* въ народѣ: полнѣйшее безуміе овладѣло имъ.

Минута была критическая! Но въ это самое время вдругъ послышался звонъ колокольцевъ, раздавшійся по направленію Шадринской дороги. На этомъ звонѣ остановилось общее вниманіе какъ толпы, такъ и команды съ чиновниками. Это ѣхали остальные члены временнаго отдѣленія: становой приставъ и уѣздный стряпчій. Толпа встрѣтила и окружила ихъ также, какъ и исправника, со всѣхъ сторонъ, причемъ разсыльнаго на козлахъ у пристава тотчасъ схватила и передала побоямъ, за то что онъ свой братъ—крестьянинъ, а сдѣлался отступникомъ и измѣнникомъ «міру». У самого пристава взяли крестьяне, безъ всякой церемоніи, насильно, портфель съ дѣлами и вынули изъ кармановъ

сюртука разныя бумаги. Отъ исправника и окружнаго начальника потребовали письменное удостовѣреніе о непринадлежности крестьянъ къ крѣпостному вѣдомству, «къ удѣлу», въ чемъ невидя ничего противнаго долгу службы и разсчитывая выиграть время для успокоенія крестьянскихъ умовъ, они согласились и написали удостовѣреніе за общимъ подписомъ; но уничтожить сельскія управленія, жалованье старшинамъ, головамъ, вахтерамъ и сборщикамъ, шитые кафтаны съ позументами и свѣтлыми пуговицами, на которые сильно налегали крестьяне, они, конечно, отказались, ссылаясь на то, что это не въ ихъ власти.

Бумага, выданная чиновниками, какъ будто успокоила толпу, большинство которой перевалило къ становому приставу и уѣздному стряпчему; около же исправника толпа порѣдѣла и уменьшилась на столько, что онъ, разговаривая съ нею, непримѣтнымъ образомъ могъ подвинуться къ близь лежащему крестьянскому дому, съ намѣреніемъ занять въ немъ квартиру, такъ какъ крестьяне, на требованіе его объ отводѣ квартиры, рѣзко отказали ему въ томъ, говоря, что онъ и окружный начальникъ могутъ съ удобствомъ размѣститься и отдохнуть на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они стоятъ и находятся, и что другой приличной квартиры для нихъ нѣтъ во всемъ селѣ Батуринскомъ Кромѣ этого слышались такіе голоса, которые настоятельно требовали, чтобы привязать ихъ на ночь къ огороду или заковать въ желѣза [1]). Однакожъ, исправникъ грудью прокладывалъ себѣ впередъ дорогу и воспользовавшись приглашеніемъ гостепріимнаго хозяина близь лежащаго дома, подвернувшагося ему подъ руку, удачно отретировался изъ толпы въ ограду и занялъ домъ въ сопровожденіи окружнаго начальника и команды солдатъ, изъ которыхъ двухъ рядовыхъ, поставленныхъ на часы, крестьяне сейчасъ же взяли въ плѣнъ и на другой день прогнали ихъ изъ Батуринскаго села прямо въ ихъ команду, въ городъ Шадринскъ, куда они и явились къ инвалидному начальнику.

Толпа, недовольная маневромъ исправника, окружила квартиру его живою цѣпью, сыпала на него и товарища его брань всякаго рода, попреки и угрозы. За то исправникъ внутри квартиры завелъ вполнѣ осадный порядокъ, размѣстивъ стрѣлковъ во всѣхъ отверстіяхъ, на чердакѣ, въ дверяхъ и окнахъ, а мужикамъ сказалъ рѣшительнымъ тономъ, что онъ будетъ стрѣлять во всякаго, кто только захочетъ изъ нихъ сдѣлать ему насиліе или вредъ Толпа отвѣчала ругательствомъ.

Становой приставъ и уѣздный стряпчій были счастливѣе исправника на счетъ квартиры, которую отвели имъ сами крестьяне и предоставили имъ свободу отдохнуть и успокоиться послѣ трудовъ ихъ праведныхъ. При нихъ находились четыре солдата, сопровождавшіе ихъ въ дорогѣ и неуспѣвшіе соединиться здѣсь съ командою.

---

[1]) Изъ донесенія Пермскому губернатору совѣтника правленія Соболева, отъ 19 апрѣля 1843, № 13.

Ночью исправникъ осмотрѣлъ патроны команды и нашелъ изъ числа таковыхъ годныхъ къ употребленію только на четыре выстрѣла каждому; отпущено патроновъ было немного, не для всѣхъ солдатъ, да и то, по странному стеченію обстоятельствъ, тѣмъ именно изъ нихъ, у которыхъ калибры ружей не соотвѣтствовали величинѣ пуль. Изъ тридцати ружей, имѣвшихся въ рукахъ солдатъ, можно было стрѣлять только изъ шестнадцати. Ночь провели чиновники въ страхѣ и трепетѣ,— особенно исправникъ и окружной начальникъ, какъ болѣе обратившіе на себя вниманіе поборниковъ мятежа, приставившихъ ко квартирѣ ихъ караулъ для досмотра. По словамъ протокола временнаго отдѣленія земскаго суда, одинъ страхъ умереть отъ пули уничтожилъ сильную дерзость бунтовщиковъ. Но зато возникло въ нихъ адское намѣреніе сжечь квартиру ихъ вмѣстѣ съ ними; и если это не было приведено въ исполненіе, то потому только, что вѣтеръ дулъ прямо на Батуринскую слободу и грозилъ истребленіемъ ея. Издѣвавшись съ улицы надъ чиновниками разными насмѣшками и бранью, крестьяне требовали ихъ выхода изъ квартиры, или выдачи хозяина дома, съ семействомъ. Разумѣется, это не было исполнено, и вотъ потому-то и явилась мысль зажечь домъ и вытащить всѣхъ ихъ оттуда.

Съ разсвѣтомъ 9 апрѣля были вызваны охотники изъ толпы, которые и начали штурмовать квартиру чиновниковъ въ двери и окна. Защита штыками не могла помочь въ этомъ случаѣ, а потому исправникъ, спасая жизнь свою и товарищей его, велѣлъ произвести нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ изъ оконъ и чердака, гдѣ занималъ постъ Кирхнеръ (окружной начальникъ), а самъ онъ охранялъ въ это время низъ дома. При первыхъ выстрѣлахъ напоръ толпы ослабѣлъ; но уничтоженъ вовсе не былъ и вслѣдъ за тѣмъ возобновился съ новымъ ожесточеніемъ и яростью. Наконецъ повторившіеся ружейные выстрѣлы съ чердака и изъ оконъ заставили бунтовщиковъ отказаться отъ своего предпріятія и разбѣжаться по площади за церковь, гдѣ находилась многолюдная толпа крестьянъ изъ разныхъ волостей и селеній, незнавшая на что рѣшиться. Такимъ образомъ, хотя крестьянскій штурмъ былъ отбитъ, но опасность нисколько не устранялась: крестьяне ежечасно могли вновь придумать что-нибудь къ стѣсненію и осадѣ «баръ», какъ они называли ихъ.

—Жаль только солдатушекъ, говорили они: безвинно бѣдные страждутъ.

—Вѣрно слово говорите вы, братцы, что безвинно, поддакивали другіе: за чужіе грѣхи на муки идутъ.

—Притѣснители наши грабятъ, царя обманутъ, міръ обдерутъ и продадутъ, а солдатскими спинами обергаются.

Выстрѣлами, пущенными исправникомъ въ толпу, нѣсколько человѣкъ было ранено, но сколько именно —сказать мы не знаемъ, потому

что ничего не нашли о томъ въ оффиціальныхъ данныхъ, а въ народной памяти счетъ таковыхъ затерялся. Убитыхъ же не должно полагать, такъ какъ въ мѣстныхъ лѣтописяхъ о нихъ не говорится ни слова.

Вслѣдъ за штурмомъ, пришли крестьяне къ чиновникамъ съ разными вопросами, требованіями и закончили подъ конецъ ихъ дерзостями и угрозами опять сжечь ихъ съ домомъ. Отъ становаго пристава и уѣзднаго стряпчаго потребовали они немедленнаго выѣзда ихъ изъ Батуринской слободы въ Шадринскъ, вмѣстѣ съ исправникомъ и окружнымъ начальникомъ, а сами обѣщались послѣ того разойтись по домамъ. Чиновники угадывали въ предложеніи этомъ цѣль поимки ихъ по дорогѣ во время ихъ проѣзда на обывательскихъ лошадахъ, что удобно было сдѣлать, потомучто мосты и переправы черезъ рѣки и лужи вездѣ были тогда или сняты или уничтожены, а въ лѣсахъ и кустарникахъ могли залечь засады и выбрать удобную минуту къ захвату слугъ царскихъ. Забрать же въ руки чиновниковъ хотѣлось мужикамъ во чтобы ни стало, въ особенности исправника съ окружнымъ начальникомъ, которые не пользовались симпатіею ихъ, какъ слывшіе за людей свирѣпыхъ и безчеловѣчныхъ. Эту репутацію они, дѣйствительно, подтвердили рядомъ своихъ дѣйствій въ Шадринскѣ съ начала усмиренія ими предшествовавшихъ волненій крестьянскихъ въ 1842 году, о чемъ громко трубила молва народная, и говорили всѣ и каждый открыто и гласно. Въ доказательство любви ихъ къ безчеловѣчнымъ поркамъ, приводился въ примѣръ проѣздъ Кирхнера по Шадринскому уѣзду, гдѣ онъ въ волостяхъ и сельскихъ обществахъ, подобно пресловутому Лоскутову въ Сибири, публично на площадяхъ въ присутствіи многолюдныхъ сходовъ полосовалъ и хлесталъ такъ называемыхъ «порочныхъ» крестьянъ, безъ счета и безъ пощады, до того жестоко, что въ заштатномъ городѣ Далматовѣ одинъ изъ такихъ, вырвавшись какъ-то изъ стѣнъ кутузки, бросился на плотину Пазимовской мельницы, а съ нея прямо въ воду (въ омутъ), съ твердымъ намѣреніемъ утопиться. Но, къ несчастію, его спасли: безчувственный, онъ былъ вытащенъ на берегъ, приведенъ въ память и на другой день страшно отполосованъ. Многіе отъ такихъ истязаній умерли, какъ говорили крестьяне. А отставный коллежскій секретарь Павловъ, привлеченный къ дѣлу о волненіяхъ, какъ очевидецъ, прямо писалъ въ своихъ объясненіяхъ суду, слѣдующія слова, подслушанныя имъ во время производившейся генеральной порки:

— Эка, парень, страсть! Тово и смекай, что задеретъ до смерти. Вотъ этотъ злодѣй такъ тиранилъ Тебенева-то парня Ваську (изъ села Широковскаго), что дѣтина сталъ хезнуть (чахнуть), да и умеръ отъ стежи-то (отъ стегашья, драпья розгами).

Около полудня стряпчій прислалъ записку исправнику, въ которой извѣщалъ, что крестьяне желаютъ выдворить ихъ изъ села Батуринскаго, а сами обѣщаютъ разойтись по домамъ. Исправникъ понялъ въ

чемъ дѣло, и потому тотчасъ далъ безпрекословное согласіе на выѣздъ, съ тѣмъ, чтобы лошади были приготовлены имъ за селеніемъ, а они всѣ, чиновники и команда, выйдутъ туда пѣшкомъ. Сдѣлка, однакожъ, не состоялась, за недовѣрчивостью съ обѣихъ сторонъ. Къ вечеру только отхлынула толпа къ церкви и за церковь и стала ждать выѣзда чиновниковъ. Стрянчій и приставъ со своей стороны, тоже разгадавъ цѣль крестьянъ, съ какою предлагали они имъ немедленный выѣздъ, успѣли какъ-то тонкими путями отдалить толпу, окружавшую квартиру ихъ, къ волости, а сами перешли въ это время въ квартиру исправника. Отсюда, соединенные уже, они всѣ вмѣстѣ съ командою перешли въ церковь и по общему согласію положили ожидать въ ней военной подмоги изъ города Екатеринбурга, куда о высылкѣ таковой послалъ исправникъ къ начальнику Уральскаго хребта, еще до выѣзда своего изъ Шадринска, 8 апрѣля. Подмога эта ожидалась, по разсчету исправника, ни какъ не далѣе 12 или 13 числа.

Въ церковь сошлись ранѣе чиновниковъ члены причта съ семействами и нѣкоторые изъ крестьянъ-домохозяевъ, непричастныхъ къ бунту; но провіанта и воды, заготовленныхъ ими 9 апрѣля, оказывалось очень мало для продовольствія всѣхъ людей, а выходъ изъ церкви, между тѣмъ, былъ загражденъ крестьянами.

Въ Шадринскѣ начали уже носиться недобрые слухи о Батуринскихъ смутахъ и неполадкахъ съ чиновниками; но вѣрнаго, однакожъ, ничего тамъ еще не знали, кромѣ догадокъ такого сорта, что если бы волненіе было усмирено, то сношенія и сообщенія съ за-Исетскою сторопою тоже были бы возстановлены; но этого въ данную минуту не оказывается, то и бунтъ, стало быть, существуетъ. Подлѣсничій Владиміръ Фроловъ, изъ молодыхъ и бойкихъ оберъ-офицеровъ, «съ пикомъ баринъ», какъ говорили Шадринцы, вызвался 9 апрѣля провести въ помощь членамъ временнаго отдѣленія отрядъ Башкирскихъ казаковъ, состоящій изъ 32 человѣкъ, набранныхъ на скорую руку изъ Ичкинскихъ юртъ. Но все оружіе этихъ воиновъ заключалось въ нагайкѣ, нѣсколькихъ карабинахъ и пикахъ; дисциплины ни какой, бодрости духа также, напротивъ, замѣчалась печаль, страхъ и уныніе—эти спутники трусости. Идти прямою дорогою къ центру волненія чрезъ Макаровскую станцію Фроловъ не пожелалъ, потому что переправы тамъ не было: мостъ черезъ р. Варневку былъ уничтоженъ, да и самая рѣчка находилась въ разливѣ; а мужики по сторонамъ дороги, какъ заключалъ Фроловъ, сидѣли въ засадѣ, чтобы подстрѣливать импровизованныхъ казаковъ. Поэтому Фроловъ избралъ окольній путь и пошелъ проселками, съ намѣреніемъ достичь Батуринской слободы вечеромъ того же дня.

Съ тоскою и грустью ѣхалъ туда предводитель отряда. На пути онъ получилъ вѣрное свѣдѣніе, что члены временнаго отдѣленія заперлись въ церкви и охраняются только малочисленною командою солдатъ.

Могъ ли быть онъ полезенъ своимъ товарищамъ? Могъ ли онъ оказать какую нибудь имъ помощь? Едвали.... въ виду распущенности его команды, которая самымъ наглядным образомъ свидѣтельствовала объ этомъ. И дѣйствительно: пріѣхавъ въ Батуринскую слободу, онъ не бросился съ отрядомъ въ средину многолюдной толпы волнующихся крестьянъ и не разогналъ ихъ, а промчался карьеромъ прямо въ церковь и заперся въ ней со своими казаками, и магометане, соединясь, такимъ образомъ, съ православными подъ однимъ знаменемъ креста, стали на стражѣ своей жизни и своего охраненія отъ лютой смерти. Лошади были оставлены въ церковной оградѣ пастись, подъ прикрытіемъ ружейныхъ дулъ, выглядывавшихъ изъ окопъ и дверей церковныхъ.

Не радостью и привѣтомъ былъ встрѣченъ осажденными ихъ защитникъ Фроловъ съ его дружиною, а ропотомъ и горемъ, потому что продовольствія съ собою онъ не привезъ, а у осажденныхъ и такъ уже не было ни воды, ни хлѣба; слѣдовательно, предстояла впереди непріятная перспектива голодовки. Къ тому же у казаковъ Ичкинскихъ мало было патроновъ, не у всѣхъ находились карабины, пики же и нагайки ни куда не годились. Оставалось просить продовольствія у крестьянъ. Но они грубо отказали, и грозили уморить всѣхъ ихъ въ церкви голодомъ. Нужно было обезпечиться продовольствіемъ во что бы то ни стало, иначе угрозы крестьянъ могли исполниться надъ ними самими собою. Рѣшили послать на фуражировку команду, которой и удалось захватить и доставить немного сѣна, хлѣба, воды, два мѣшка муки и кадку масла. Всѣхъ запертыхъ въ церкви находилось въ это время до 150 человѣкъ обоего пола.

Девятое число апрѣля прошло спокойно, безъ происшествія. Только у волнующихся крестьянъ продолжались споры и драки между собою; но тѣмъ не менѣе они крѣпко смотрѣли за церковью и выходами изъ нея. Въ свою очередь принимали мѣры предосторожности и осажденные. Патроны, какіе были у солдатъ въ небольшомъ количествѣ, немедленно были разсортированы ими, пули разрублены на-двое, карабины осмотрѣны, заряжены и дано казакамъ по одному запасному патрону; всѣхъ же патроновъ было до 400. Укрѣпленіе и защиту церковной входной двери исправникъ принялъ на себя, а оберегать окна въ верхней церкви предоставилъ окружному начальнику; прочіе чиновники получили свои посты и назначенія и съ самоотверженіемъ, вынужденнымъ опасностью положенія, рѣшились лучше погибнуть въ церкви, чѣмъ отдаться въ руки толпы, площады отъ которой ждать было нельзя и невозможно.

Утромъ въ Великую субботу (10 апрѣля) толпы снова стали появляться въ слободѣ Батуринской и къ вечеру возросли они до шести или болѣе тысячи человѣкъ, по словамъ протокола временнаго отдѣленія. Передвигаясь по площади съ одного мѣста на другое, они разбивали домы

церковниковъ и обывателей и грабили ихъ имущества [1]), а противъ осажденныхъ ничего рѣшительнаго не предпринимали, кромѣ угрозъ и ругательствъ. На ночь блокада церкви приняла нѣкоторый видъ правильности: стрѣлки засѣли кругомъ площади и заняли сильнѣе выходы къ рѣчкѣ Солодянкѣ; а остальная толпа разошлась по селу.

Ночь на праздникъ Пасхи (11 апрѣля) прошла тихо. Въ церкви среди осажденныхъ оказался съ вечера еще недостатокъ въ водѣ. Попытка достать ее была невозможна. Разсвѣтъ Свѣтлаго Христова Воскресенья согналъ толпы снова на площадь, гдѣ они въ глазахъ у осажденныхъ въ саженяхъ 100, начали истязать и мучить нѣсколькихъ страдальцевъ, обливая ихъ водою, обросывая грязью и бичуя. Чтобы снять блокаду съ рѣчки, по вызову подлѣсничаго Фролова и по общему согласію чиновниковъ, было поручено ему сдѣлать на толпу аттаку съ казаками. Но толпа мужественно и храбро отразила эту аттаку, и легко даже отрѣзала бы его отъ церкви, еслибы не побоялась ружейнаго огня. Дорога къ водѣ не была очищена Фроловымъ, по многолюдству толпы, высыпавшей изъ всѣхъ домовъ и закоулковъ съ ружьями, пиками, кольями и батогами. Въ 10 часовъ подошло нѣсколько человѣкъ къ церкви съ просьбою къ чиновникамъ выйти на балконъ для какихъ-то переговоровъ. Когда же вышелъ на балконъ окружный начальникъ, съ нѣсколькими рядовыми, стрѣлки изъ толпы открыли огонь по немъ, и толпа стала постепенно приближаться къ церкви, но была разогнана выстрѣлами осажденныхъ.

Церковныя двери не представлялись благонадежными къ защитѣ, по непрочности деревянной конструкціи ихъ, и въ случаѣ дружнаго натиска толпы, не выдержали бы напора; дѣйствовать же въ помощь имъ съ верха было невозможно. Поэтому-то исправникъ и взялъ защиту дверей на себя, какъ человѣкъ военный и опытный. Между тѣмъ на площади въ движеніяхъ толпы стала появляться правильность размѣщенія ея и водворяться дисциплина; видно было, что распоряжается знатокъ военнаго дѣла. Около 4-хъ часовъ явственно обнаружились въ толпѣ слѣды военныхъ приготовленій и эволюцій, благодаря выступленію на сцену отставныхъ и безсрочныхъ солдатъ, скрывавшихся до этого времени за спинами крестьянъ. Вслѣдъ затѣмъ часть крестьянской пѣхоты приблизилась къ церкви и понятно стала противъ церковныхъ дверей, а другая часть размѣстилась по дорогѣ къ рѣчкѣ Солодянкѣ; конница же поскакала внизъ села и заняла частью берега рѣчки, а большая половина выѣхала вонъ изъ селенія къ лѣсу, окружающему дорогу, идущую изъ

---

[1]) У священника Іоанна Капустина (отца начальника Іерусалимской миссіи архимандрита Антонина) разграблено тогда имущества на 173 р. 31½ к., у діакона на 731 р. 77 к., у дьячка на 21 р. 91¼ к., у писаря Сам. Толщина на 693 р. 62¼ к. У разныхъ жителей Батуринскихъ, не принимавшихъ участія въ волненіяхъ, въ отместку за то, тоже расхищено имущество и растащены пожитки, а хлѣбъ и продукты употреблены въ пищу людямъ и лошадямъ.

Шадринска въ слободу Батуринскую. Вскорѣ по дорогѣ этой показалась масса народа. Это былъ отрядъ изъ 70 человѣкъ Башкиръ, сопровождаемыхъ приставомъ 3 стана Адамомъ Людвиговичемъ Ласкинымъ, шедшимъ сюда на выручку осажденнымъ.

Ласкинъ (покойный уже), робкій и вялый по натурѣ, едва проявилъ свое существованіе въ полицейской службѣ, и если былъ извѣстенъ въ народѣ, то какъ зять Шадринскаго коммерсанта и городскаго головы Зота Черепанова. Онъ принялъ порученіе отъ земскаго суда взять команду казаковъ, сформированную изъ Мещеряковъ и Башкирцевъ Кысылбайскихъ, Терюткихъ и Ичкинскихъ юртъ, въ числѣ 72 человѣкъ, которыхъ онъ нашелъ въ селѣ Барневскомъ, резиденціи перваго стана. Эти воины представляли жалкій видъ, не имѣли почти вооруженія, за немногими исключеніями. А потому, прежде всего, Ласкинъ вынужденъ былъ вооружить казаковъ ружьями, пистолетами, пиками, саблями и снабдить потомъ ихъ патронами, и тогда уже выступить съ ними въ походъ. 11 апрѣля въ 12 часу дня выѣхалъ отрядъ изъ села Барневскаго въ Батуринское, съ четырьмя человѣками провожатыхъ изъ туземныхъ крестьянъ, которые вели Ласкина прямою дорогою по деревнямъ. Но въ деревняхъ этихъ не оказалось жителей, и домы были не только пусты но и заперты, а встрѣчныхъ или попутныхъ по дорогѣ не попадалось. Ласкинъ по примѣру подлѣсничаго Фролова не желалъ мѣряться силами съ толпою возмутившихся крестьянъ, или дѣйствовать на нее словомъ и вразумленіемъ, а прямо хотѣлъ пробраться къ осажденнымъ въ церковь; но встрѣтилъ на пути непреодолимое препятствіе: переправы черезъ бурливую рѣку Солодянку не было, мостъ былъ разобранъ, а по берегамъ и сторонамъ стояли толпы волнующихся крестьянъ. Ласкинъ приказалъ провожатымъ изъ Барневскаго села возстановить мостъ; но они скрылись отъ него: «дали тягу» въ виду опасности. Приступившихъ затѣмъ къ работѣ казаковъ отстрѣливали крестьяне съ берега выстрѣлами, сперва безъ всякаго вреда для нихъ, но когда пальба усилилась изъ-за домовъ и засадъ и двое изъ отряда оказались ранеными, казаки пали духомъ, сробѣли, смѣшались, разстроились и бросились въ разсыпную, на утекъ--по дорогѣ къ Шадринску. За ними послѣдовали урядники и наконецъ самъ Ласкинъ, какъ невольникъ, въ открытомъ экипажѣ. Осажденные, издали завидѣвъ съ колокольни отрядъ казаковъ, хотѣли на встрѣчу ему выслать для соединенія съ нимъ своихъ казаковъ, приведенныхъ Фроловымъ; но скоро должны были разочароваться во всякомъ успѣхѣ и потерять всякую надежду на помощь извнѣ, въ виду бѣгства вспомогательнаго отряда. Ласкинъ не обладалъ ни какою энергіею, силою характера, и, какъ вялый, робкій, не могъ принудить казаковъ, но, какъ автоматъ, ѣхалъ онъ за ними въ экипажѣ, безмолвный, безпомощный, съ понуренною головою. Онъ, въ донесеніи своемъ Шадринскому уѣздному суду (отъ 12 апрѣля 1843, № 902) говорилъ, между про

чимъ, что: въ полѣ, куда убѣжалъ отрядъ его изъ Батуринской слободы, онъ хотѣлъ остановиться и ждать подкрѣпленія силы. Но какого подкрѣпленія и откуда сталъ бы его ждать Ласкинъ, мы рѣшительно не знаемъ, потому что вблизи Шадринска никакого нигдѣ тогда не было подкрѣпленія; а если команду изъ Екатеринбурга, затребованную исправникомъ, ждали, то эта команда была уже вовсе не простое подкрѣпленіе, а достаточная противъ бунтовщиковъ сила,—какъ и оказалось впослѣдствіи. Впрочемъ Ласкинъ не остановился въ полѣ, какъ хотѣлъ и думалъ, а возвратился въ село Барневское и засѣлъ тамъ ожидать исхода событій, подъ прикрытіемъ своего Башкирскаго отряда, потеря котораго въ знаменитомъ походѣ на Батуринскую слободу оказалась въ 16 человѣкъ, изъ которыхъ 6 легко раненыхъ явились сюда вслѣдъ за отрядомъ, а остальные пришли послѣ; убитыхъ изъ нихъ никого не было. Но переполохъ между Башкирами былъ страшный: крестьяне гнали и преслѣдовали ихъ съ ревомъ, гамомъ и смѣхомъ, а засѣвшіе въ перелѣскахъ и рощахъ березовыхъ поддерживали пальбу, для вящаго эффекта и пущей отсрастки. Самого Ласкина, по личному завѣренію его, покушались мужики захватить и убить, но ограничились только ямщикомъ его Иваномъ Авдѣевымъ, крестьяниномъ изъ села Соровскаго, иначе Мезенскаго, который возилъ его по-наряду въ Батуринскую слободу: этого ямщика избили бунтовщики такъ безчеловѣчно, что, спустя два мѣсяца послѣ побоевъ, онъ умеръ.

Надъ постыднымъ бѣгствомъ Башкирцевъ весьма смѣялись тогда и послѣ сами крестьяне, называя въ насмѣшку ихъ табуномъ барановъ, выгнанныхъ изъ Киргизской степи.

Допося о своихъ дѣйствіяхъ земскому суду, приставъ Ласкинъ просилъ для успѣшнаго укрощенія бунтовщиковъ, дошедшихъ уже до ожесточенія, вытребовать значительное число регулярнаго, съ артиллеріею, войска, такъ какъ численность скопищъ постоянно ростетъ и увеличивается; съ казаками же, лишенными дисциплины и хорошаго вооруженія, не усмирить взбунтовавшихся. По донесенію Ласкина, волненіе распространилось между крестьянами другихъ волостей: Бѣлоярской, Каргопольской, Уксянской, Верхтеченской и Бродокалмацкой, не говоря уже о значительныхъ партіяхъ крестьянъ, прибывшихъ изъ сосѣднихъ селеній Челябинскаго уѣзда.

За урядъ-хорунжій Ягафаръ Ибрамовъ, командовавшій отрядомъ козаковъ, въ свою очередь, донесъ земскому суду, что, при обратномъ слѣдованіи команды изъ села Батуринскаго, около деревни Осокиной до 200 человѣкъ собравшихся крестьянъ, напавъ на команду, сшибли съ лошадей 5 человѣкъ козаковъ, причинили имъ жестокіе побои, одному указательный палецъ и правую руку прокололи пикой, голову спереди пробили коломъ, а правую косицу—дуломъ и отняли лошадь и другія вещи; другому правый глазъ повредили палкою и стегали его плетьми,

а лошадь, съ другими вещами – отобрали; третьяго топтали ногами; всѣхъ же прочихъ рапили и увѣчили, какъ могли, въ звѣрскомъ изступленіи, и отнимали лошадей и вещи. Самого Ягафара Ибрагимова тоже спихнули съ лошади и проколили ей пикою правую холку и лѣвую ногу; кромѣ того разсѣкли у него голову саблею, били палками и ружьями и отняли коня, сѣдло, портупею серебряную, подушку, шапку, арапчикъ, перчатки, плеть, пистолетъ и саблю.

Что происходило въ окрестныхъ мѣстностяхъ около Батуринской слободы и въ другихъ частяхъ Шадринскаго уѣзда—члены временнаго отдѣленія, содержимые въ осадѣ, ничего не знали и не могли знать, потомучто никакихъ сношеній со внѣшнимъ міромъ дѣлать имъ не дозволялось: пропуска и выпуска въ Шадринскъ или изъ Шадринска не существовало для нихъ, и самые мосты черезъ рѣчки Солодянку и Барневку были сняты и уничтожены, а по бокамъ дороги, сверхъ того, стояли видѣ сторожевые пикеты и бдительно наблюдали за всѣми идущими и ѣдущими. Точно также не приходило къ осажденнымъ и осаждающимъ никакихъ извѣстій на счетъ воинской команды, затребованной изъ Екатеринбурга, которую ожидали чиновники съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ. Между тѣмъ толпы народныя возросли въ селѣ Батуринскомъ до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Переѣзжая отсюда вездѣ и всюду по окрестнымъ деревнямъ и селеніямъ, крестьяне эти возмущали тамъ всѣхъ другихъ, а здѣсь въ Батуринскомъ селѣ крѣпко держали въ осадѣ чиновниковъ и, изъ хвастовства, не рѣдко предъ глазами ихъ молодцовато гарцовали и скакали во всю прыть на лошадяхъ. Духъ мятежа по заѣстью въ южной полосѣ Шадринскаго уѣзда былъ почти всеобщій, за немногими исключеніями. Нарочные посланцы, вершники, или сами вожаки волненія постоянно ѣздили изъ деревни въ деревню, изъ слободы въ слободу и старательно понуждали тамъ крестьянъ къ возстанію, гнали ихъ на сходы, на совѣщанія, употребляли вездѣ насиліе и побои, требовали вооруженія ружьями, пиками или дубьями, что считалось доказательствомъ участія; ножи насаживались на оконечники дреколій, ножницы прикрѣплялись къ деревяннымъ палкамъ, косы вколачивались въ дубины, и кузнецы деревенскіе во многихъ мѣстахъ исключительно были заняты сформировкою и выработкою подобнаго орудія. Даже дѣти и женщины способствовали разгулу крестьянскихъ страстей и съ живымъ участіемъ выслушивали разсказы ихъ о подвигахъ волнующихся крестьянъ, когда тѣ возвращались домой и передавали имъ подробности о ходѣ дѣла. Въ Бѣлкульскомъ же обществѣ, Бродокалматской волости, участіе дѣтей въ волненіяхъ выразилось самымъ плачевнымъ эпизодомъ. Двѣ малолѣтнія подруги, сошедшіеся въ домъ одной изъ нихъ, во время отсутствія изъ него большаковъ, вздумали открыть войну между собою, по примѣру ихъ отцевъ, воевавшихъ за свободу, и одна изъ нихъ взяла для того ухватъ, а другая—ножъ, насаженный на древкѣ, въ родѣ пики,

й стали обоюдно нападать одна на другую, отражая въ тоже время удары противной стороны; наконецъ кончили они тѣмъ, что одна изъ нихъ, вооруженная ножемъ, проткнула другой брюхо, и та вскорѣ умерла

12 апрѣля крестьяне сильнѣе обложили Батуринскую церковь. Мука и масло у осажденныхъ хотя были еще въ небольшемъ количествѣ, но воды —ни капли; и жажда, какъ нарочно, томила нѣкоторыхъ, особенно дѣтей, до крайняго изнеможенія. При самопожертвованіи чиновниковъ, какъ гласитъ протоколъ ихъ, ропотъ не возросталъ. Такъ наступила ночь на 13 апрѣля. Правильное движеніе крестьянской массы, ободренной разбитіемъ отряда Ласкина, съ вечера грозило еще чемъ-то рѣшительнымъ, и осажденные приготовлялись къ отчаянной оборонѣ, несмотря на истощеніе силъ ихъ. Ночь была темная; въ воздухѣ стояла тишина; небо заволокало облаками). Стрѣлки изъ толпы придвинулись къ деревянной оградѣ церкви и открыли огонь въ окна верхняго этажа ея: пули ихъ хотя не вредили людямъ, но заставили снять постъ съ верха крыльца, куда изъ-за полѣнницы дрбвъ направленъ былъ сильный огонь. Это было признакомъ начала приступа къ двери, что и подтвердилось въ первомъ часу ночи открытіемъ крестьянами огня по двумъ амбразурамъ, просѣченнымъ исправникомъ въ дверяхъ. Темнота мѣшала имъ удачно стрѣлять и наносить вредъ осажденнымъ, особенно въ малыя отверстія. Тогда они бросились штурмовать дверь сплою и ручными ударами, но—безуспѣшно. Спустя полчаса, они удалились, захвативъ съ собою козачьихъ лошадей изъ церковной ограды. Много помогъ при этой защитѣ осажденныхъ перекрестный огонь, открытый изъ верхней церкви; но вообще спасеніе ихъ зависѣло на этотъ разъ, какъ гласитъ протоколъ ихъ, сколько отъ хладнокровія, стойкости и мужества ихъ столько же и отъ совершеннаго исполненія ими своихъ обязанностей. Экипажи чиновниковъ попались въ руки крестьянамъ и были немедленно истреблены ими.

Такимъ образомъ ночь пасхальная проведена осажденными тревожно и безпокойно. Разсвѣтъ слѣдующаго дня принесъ имъ горестную вѣсть о недостаткѣ пищи; голодъ и жажда были невыносимы, вой женщинъ, плачь дѣтей, изнеможеніе команды и самихъ чиновниковъ, просьбы постороннихъ лицъ о выпускѣ ихъ изъ церкви и отказъ имъ въ томъ, сдѣланный исправникомъ—все это продолжалось и возрастало почти безпрерывно, весь день и съ утра до вечера. Ночь на 14 число прошла спокойно; только осажденнымъ казалась она безконечно долга и томительна. Утромъ стало замѣтно какое-то особенное движеніе въ толпѣ, подобнаго которому до этой поры не бывало: какой-то будто переполохъ и тревога царили въ ней, что выразилось въ спѣшномъ пріѣздѣ нѣсколькихъ всадниковъ, вслѣдъ за которыми часть массы немедленно двинулась за рѣчку Солодянку, по дорогѣ къ Шадрпнску, гдѣ видны были распоряженія о засадѣ пѣхоты въ лѣсу и конницы за лѣсомъ. Часамъ къ тремъ

пополудни опять прискакали въ станъ гонцы, и позиція засады была перемѣнена: изъ за рѣчки толпы пѣшихъ переведены на правый берегъ ея и построены въ боевый порядокъ развернутымъ фронтомъ въ три шеренги; конные стояли сначала въ колоннахъ, а потомъ развернулись и стали въ двѣ шеренги. Такимъ образомъ, вся ихъ позиція заняла пространство болѣе версты. Распорядителями массы, простиравшейся до 5000 человѣкъ, были очевидно отпускные солдаты, принявшіе живое участіе въ волненіяхъ и хотѣвшіе водворить въ ней военный строй и распорядокъ. Осажденные пристально наблюдали за движеніемъ на площади и старательно наводили подзорную (зрительную) трубу на Шадринскую дорогу, гдѣ ничего видно не было, кромѣ лѣса.

Исправникъ, какъ старшій по чину и служебному положенію, бдительно сторожилъ; энергія его и товарищей по осадѣ не знала устали. Козаки, по распоряженію его, помѣстились въ верхней церкви и даже въ алтарѣ, почему антиминсъ былъ вынесенъ изъ нея въ нижній алтарь, гдѣ хранился онъ до самаго прекращенія всѣхъ неурядицъ. Впрочемъ, въ обоихъ храмахъ ни что не тронуто съ мѣста и поврежденій никакихъ не сдѣлано, кромѣ выбитыхъ въ верхней церкви стеколъ въ окнахъ счетомъ до 40. Въ алтарь нижней церкви, гдѣ священноцерковнослужители находились безотлучно, кромѣ трехъ солдатъ для караула при окнахъ, никто изъ иновѣрныхъ и женщинъ не входилъ, и стрѣльбы изъ него, за исключеніемъ паперти, произволимо не было.

Въ домѣ священника Капустина перевернуто было все вверхъ дномъ, вслѣдствіе розысканія; впослѣдствіи на полу найдена крестильница, св. муро и слей въ сосудахъ. У дьякона похищены: серебряный новый недошитый орарь и церковная печать; у дьячка Переберина разбитъ весь скарбъ, и самъ онъ былъ схваченъ и избитъ безчеловѣчно. Онъ при началѣ нападенія, по простотѣ своей, изъ чувства самосохраненія, заперся-было въ своемъ домѣ и не хотѣлъ пустить ни кого изъ лѣзшихъ къ нему крестьянъ. Это, разумѣется, вызвало подозрѣніе и ожесточеніе одни изъ крестьянъ стали выбивать окна, другіе вышибать двери стягомъ и вырубать топорами; когда же ворвались въ домъ, схватили дьячка и, подвергая сперва побоямъ и пыткамъ, а потомъ почти полумертваго привязали къ оградной стѣнѣ «околѣвать какъ собаку, по выраженію ихъ. Домъ его, между тѣмъ, обыскали тщательно, скарбъ и пожитки разбили; самого его выспрашивали, чтобы сказалъ, гдѣ дѣла объ удѣлѣ; но когда получили отрицательный отвѣтъ, повели-было его на рѣчку морозить водой, однако, они, почему то не привели въ исполненіе своей угрозы и привязали его опять къ огороду у волости. Здѣсь нашелся добрый человѣкъ, который отвязалъ Переберина отъ огорода и перевелъ въ волость,—а оттуда былъ отпущенъ онъ на ночлегъ въ домъ какого-то прихожанина. Въ это время пріѣхали члены временнаго отдѣленія въ Батуринскую слободу (8 апрѣля), и онъ, пользуясь сумятицею,

успѣлъ перебраться съ семействомъ своимъ въ церковь, гдѣ и оставался во все время крестьянскихъ волненій;

Малолѣтнюю дочь пономаря Попова подъ угрозами спрашивали крестьяне о дѣлахъ удѣла и водили, для острастки, на кладбище, требуя отъ нея:

— Скажи, если знаешь, о дѣлахъ отца, вѣдь видѣла, поди, куда онъ пряталъ ихъ?

— Не знаю отвѣчала дѣвочка, заливаясь слезами.

Два засѣдателя волостнаго правленія подверглись пыткамъ, истязаніямъ и мученіямъ. Голова Батурпнскій Булычевъ, выхваченный изъ рукъ чиновниковъ, какъ пріѣхавшій съ ними изъ города, былъ битъ, мученъ и привязанъ на ночь къ огороду въ одной рубашкѣ, гдѣ выстоялъ онъ сряду 18 часовъ.

Сельскаго писаря Батурпнской управы, бывшаго 9 апрѣля въ церкви на молитвѣ, вызвали оттуда въ толпу, схватили его, подвергли пыткѣ: били руками, таскали за волосы, теребили за платье, пинали ногами, плевали въ глаза, бросали грязью въ лицо, обливали водою, изорвали на немъ рубашку и шаровары и держали затѣмъ его на привязи у огорода, прицѣпленнаго за руки и ноги, при чемъ били палками по спинѣ и поясницѣ. Эта операція повторялась надъ нимъ нѣсколько разъ впродолженіе 4—5 дней; такъ какъ указовъ объ удѣлѣ онъ никакихъ не сказывалъ, и въ управскихъ дѣлахъ, гдѣ заставляли его рыться, ни какихъ не находилъ. Когда же пришелъ онъ отъ побоевъ въ безчувствіе, увезли его сперва въ деревню Лашкову, а потомъ въ деревню Колесникову, гдѣ и оставался онъ до конца волненій.

Волостнымъ писаремъ въ Батурпнской волости служилъ въ 1843 г. Далматовскій мѣщанинъ Самсонъ Толшинъ, старавшійся своею внѣшностью не походить на «мужика», постоянно бритый, стриженый; его крестьяне не совсѣмъ долюбливали. Опредѣленіе и увольненіе писарей зависѣло въ то время отъ власти окружнаго начальника, помимо воли и усмотрѣнія крестьянскаго общества, какъ водилось это прежде учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, когда оно (общество) вволю упивалось виномъ и объѣдалось «заѣдками» съ писарей при ихъ подрядахъ, не говоря уже о запискиваніяхъ и поклонахъ послѣднихъ, потерявшихъ теперь значеніе. Къ тому же писари, какъ люди особаго, такъ сказать, класса, нерѣдко щеголяли своими форменными кафтанами; кафтаны эти они, сверхъ мѣры и положенія, обшивали широчайшими серебряными галунами и обсаживали гербовыми блестящими пуговицами; что придавало имъ вполнѣ видъ «барскій» или «чиновничій», а крестьяне между тѣмъ, косились на это и раздражались. Съ прекращеніемъ всякой зависимости отъ крестьянскихъ обществъ, писари, какъ люди дерзкіе и полуграмотные, образовали какую то отдѣльную касту въ народѣ: прпнимались только предъ непосредственнымъ своимъ начальствомъ, а предъ

крестьянами — кичались, гордились, и даже сибаритствовали, захватывая и забирая въ свои руки все, что встрѣчали или видѣли возможнымъ для захвата. О ямщикахъ же и обывательскихъ лошадяхъ, стоящихъ на станціяхъ, нечего и говорить: они были въ постоянномъ разгонѣ у писарей, для ихъ домашнихъ надобностей и даже прихотей, безъ всякаго ограниченія, счета и контроля. Въ такомъ же точно положеніи находились къ нимъ и разсыльные, десятскіе или «ходаки» при управахъ и волостяхъ, употреблявшіеся ими въ личныя для себя послуги; изъ нихъ многіе жили постоянно при домахъ или квартирахъ ихъ, на правахъ служителей и работниковъ, а въ правленіяхъ бывали они только случайно, временно, какъ гости. Между тѣмъ люди эти назначались сельскими обществами по выбору, за очередь, на годичный или полугодичный срокъ, смотря по ведущемуся обычаю. Однимъ словомъ, писари смотрѣли на себя, какъ на необходимое звѣно въ служебной іерархіи, и были глубоко убѣждены, что въ нихъ вся суть и все значеніе, и что не они для крестьянъ, а крестьяне для нихъ созданы, на потребу и удовольствіе писарей. При небольшомъ жалованьи, опредѣленномъ окладами и штатами, писарямъ не только жить было не чѣмъ и содержать свои семейства, едва-едва льзя было только существовать и сводить концы съ концами, не смотря на дешевизну тогда жизненныхъ припасовъ. Между тѣмъ жили они въ селеніяхъ лучше всѣхъ, жили роскошно, сытно, привольно, въ довольствѣ, въ достаткѣ, имѣя большіе домы или обширныя квартиры, почтенное количество рогатаго скота, лошадей, даже экипажи и иногда значительныя запашки. Гдѣ все это бралось ими и откуда получалось? Разгадка не трудна: съ народа бралось, съ народа и получалось. На истинно богатырскихъ его плечахъ лежали не одни писаря, съ возмутительными выѣздами ихъ за разными сборами и поборами, окрещенными названіями: «петровскаго», «осеннаго», «праздничнаго», «славленаго», «супрятокъ», «копотихъ», «помочей» и т. п., но и попы, дьяконы, дьячки, пономари, просфирни, сироты разныя, писарши, помощницы, головы, осенники, становскіе прислужники, пѣвцы, отставные или служилые приказные, жены ихъ, дѣти, и такъ далѣе словомъ—вереница неисчислимая!... Вся эта плеяда «наѣздниковъ» требовала и просила отъ мужичьяго кошеля не только пить и ѣсть, но, какъ видно на писаряхъ, и жить въ сытости и довольствѣ; крестьяне, любя-не-любя, скрѣпя сердце, должны были давать и давать до безкопечности, опасаясь въ противномъ случаѣ навлечь на себя гнѣвъ ихъ или услышать рѣчь непечатную. Оставалось, стало быть, одно и тоже: удовлетворять и ублаготворять всѣхъ всѣмъ, что возможно, не говоря уже о личныхъ послугахъ въ зимнихъ и лѣтнихъ работахъ, во время пахоты, боронъбы, косьбы и гребли травы, жнитвы, клажи хлѣба, вывозки споповъ, сѣна лѣса и т. п. При дѣлахъ же случайныхъ, административныхъ, тяжебныхъ или другихъ, возникающихъ или

могущихъ возникнуть какъ нибудь, въ разсчетъ ни что это не принималось, и бралось все снова.

Въ такомъ то вотъ отношеніи стали къ народу писаря. Мудрено ли слѣдовательно, послѣ этого, что они остановили на себѣ особенное вниманіе взволновавшихся крестьянъ? Всѣ писаря, болѣе или менѣе, за немногими исключеніями, считались притѣснителями народа, хотя и вышли изъ среды его же, но большей части сиротъ и бобылей, но потеряли солидарность съ нимъ и возбудили въ немъ охлажденіе къ себѣ, нерасположеніе, отчужденіе и полнѣйшее недовѣріе. А гдѣ возникаетъ недовѣріе, тамъ, какъ извѣстно, рвутся всякія связи, замѣняются антипатіею, холодностью и отвращеніемъ, если не раздраженіемъ. Въ данномъ случаѣ играла роль уже не одна антипатія и нелюбовь народная къ писарямъ, но выступило на первый планъ и чувство раздраженія, искавшее себѣ выхода.

Такъ случилось и съ Батуринскимъ волостнымъ писаремъ Самсономъ Толшинымъ, о которомъ упомянули мы выше и котораго накрыла бы бѣда лихая недуманно-негаданно, такъ какъ онъ хотя боялся ея, но былъ уже внѣ ея, въ церкви, засѣлъ и заперся съ другими утромъ 8 апрѣля. Но съ пріѣздомъ тогда членовъ временнаго отдѣленія, Толшинъ долженъ былъ выйти оттуда, какъ подчиненный, и отдаться подъ охрану ихъ и воинской команды, прибывшей съ ними. Крестьяне, занявшись чиновниками, не обратили въ этотъ день вниманія на Толшина, и онъ, свободный, не былъ ни кѣмъ тронутъ. Назавтра уже, въ Великую пятницу (9 апрѣля) вспомнили его и, нашедши въ церкви, потребовали народу на крыльцо, а онъ вмѣсто того ушелъ въ алтарь и сдѣлался тамъ вдругъ безпамятнымъ и безчувственнымъ. Серце его, тоскуя, било тревогу, а духъ падалъ и обуревался страхомъ. Въ такомъ видѣ вывели его мужики изъ алтаря подъ руки и доставили въ волость, сопровождая дорогою встрясками, толчками и подзатыльниками. Здѣсь грозно потребовали они отъ него тотъ указъ, которымъ прикрѣплены они къ удѣлу, за что взялъ онъ съ барина, по словамъ ихъ, бочонокъ золота и пудъ ассигнацій. Отговоркамъ и отрицаніямъ Толшина не вѣрили, а требовали одного, чтобы сказалъ онъ, гдѣ удѣльныя дѣла, говоря: «ты, не побоясь Бога, продалъ міръ и польстился на мзду, а отъ міра можно бы быть сытому да довольному, потому что пилъ и ѣлъ готовое— мірское, трудовъ же своихъ прилагалъ для того немного.

Предъ волостью, на площади, сряду шесть разъ привязывали Толшина къ огороду и обливали водою съ головы до ногъ, били руками и палками по головѣ и по всѣму тѣлу, плевали въ глаза, таскали три раза къ рѣчкѣ Солодянкѣ, гдѣ связаннаго и обнаженнаго бросали въ нее и передергивали на веревкахъ въ мутной водѣ. А грязи въ рѣчкѣ было по-колѣно. Надобно удивляться терпѣнію этого человѣка, съ какимъ выпесъ онъ всѣ эти пытки, такъ какъ сложенія былъ онъ сан-

гвинческаго, слабаго, и физическою крѣпостью не пользовался. Этимъ, впрочемъ, не кончились мученія писаря. Многократно еще переводили его съ ругательствами изъ волости къ огороду, отъ огорода къ рѣчкѣ, отъ рѣчки опять къ рѣчкѣ и обратно. Жену его пришедшую къ нему на площадь, тащили къ рѣчкѣ топить и рвали на немъ одежду, съ яростью великою.

—Бейте ихъ собакъ! кричали въ толпѣ. Не жаль міропродавцевъ, хоть и издохнутъ.

—Несите шилья, ребята! неслись голоса. Проколоть надо башки-то у головы и писаря.

— На калену доску посадить ихъ надо: тамъ скорѣе скажутъ правду—матку.

Настоящая угроза была непустая и, благодаря только человѣколюбію какихъ-то двухъ неизвѣстныхъ крестьянъ, осталась неприведенною въ исполненіе. Подъ вечеръ увезли писаря въ деревню Лашкову и сковали тамъ вмѣстѣ съ головою Булычевымъ, нога за ногу, конскими путами, за неимѣніемъ кандаловъ. Здѣсь безцеремонно сговаривались крестьяне убить обоихъ, какъ противниковъ народныхъ, за измѣну міру. Но сговоръ ихъ остался на этотъ разъ одною угрозою. Отсюда увезли писаря сперва въ деревню Колесникову, а потомъ въ деревню Пески, гдѣ и держали его въ крестьянскихъ избахъ, подъ карауломъ, какъ арестанта. Избитый и обнаженный, онъ едва переводилъ духъ, ожидая ежеминутно смерти, и мучили ужасно, а снисхожденія и сострадація ни отъ кого не встрѣчалъ.

Въ деревнѣ Пескахъ скоро разнесся слухъ, будто исправникъ, окружной начальникъ и стряпчій съ командою рѣжутъ въ Батуринской слободѣ маленькихъ ребятъ и вѣшаютъ ихъ черезъ огородъ. Въ отвѣтъ на этотъ слухъ писарь опять былъ выведенъ и битъ плетьми, привязанный у воротнаго столба, гдѣ бабы и дѣвки, собравшись въ кучу, забавлялись и глумились надъ нимъ. Отсюда возили Толшина въ лѣсъ версты за двѣ, гдѣ, пробывши до 6 часовъ вечера, обратили потомъ въ деревню и оставили почевать въ холодной избѣ, а ноги опять заковали въ желѣза. На другій день, въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенья (11 апрѣля), повезли его снова въ деревню Колесникову; но съ дороги повернули въ село Кабанское, наполненное тоже толпами волнующихся крестьянъ, встрѣтившихъ его побоями и бранью. Отсюда перевозили его по разнымъ деревнямъ, то въ Егоршу, то въ Хмѣлеушку, то въ село Кабанское, и изъ послѣдняго только былъ препровожденъ онъ полицейскимъ сотскимъ 16 апрѣля въ Батуринскую слободу, усмиренную уже ротою Екатеринбургскихъ солдатъ. Во все время этихъ переѣздовъ Толшинъ былъ въ костюмѣ праотца Адама, скованъ, связанъ, терпѣлъ холодъ, голодъ и жажду. Впослѣдствіи за такія страданія, по представленію начальства, былъ награжденъ онъ серебряною медалью въ петлицу.

Жена его Александра, вбѣжавъ въ толпу въ началѣ волненія, схватила его въ охабку и слезно требовала выдать ей его, какъ человѣка ни въ чемъ неповинпаго; но была оттолкнута отъ него крестьянами повалена на землю и награждена ударами, не говоря уже о ругательствахъ; и если бы не сжалился надъ нею одинъ добрый крестьянинъ, уведшій ее домой, то быть бы ей на привязи у огорода, подъ потокомъ воды, къ чему являлась уже полнѣйшая готовность у нѣкоторыхъ, такъ какъ храбрость ея не приходилась имъ по нраву.

Помощникъ писаря Аѳанасій Могильниковъ подвергнутъ былъ подобнымъ же мученіямъ и истязаніямъ. Точно такие терпѣли пытки и побои сотскіе, десятскіе, старосты, выборные и всѣ тѣ лица, которыя не примкнули къ волненію и не участвовали въ немъ. За то послѣдніе съ твердостью выпесли побои и преслѣдованія и до конца не измѣнили долгу и законности, не смотря на весь ужасъ распространившейся сумятицы.

II.

Волненія въ селахъ Кабанскомъ, Мпигалевскомъ и Макаровскомъ.

Въ Кабанскомъ селѣ, какъ извѣстно намъ, взрывъ народныхъ страстей разразился 7 апрѣля, сперва надъ мѣстнымъ Батуринскимъ сельскимъ старшиною Богачевымъ, пріѣхавшимъ сюда для развѣдокъ. На другій день крестьяне ушли въ Батуринскую слободу для встрѣчи чиновниковъ, а церковный причтъ заперся въ церкви и сидѣлъ въ ней два дня, безъ пищи и питья. Голодъ вынудилъ наконецъ священника и причетниковъ выйти 10 апрѣля на площадь, въ облаченіи и со крестомъ, для увѣщанія и убѣжденія крестьянъ. Но здѣсь были взяты они крестьянами насильно и увезены въ деревню Заозерную, гдѣ содержались подъ карауломъ до 15 апрѣля. Здѣсь, ругая ихъ, крестьяне безпрестанно требовали и вымогали у нихъ, чтобы они выдали имъ «удѣльныя и картофельныя дѣла»; въ противномъ случаѣ, грозили ихъ бить и мучить, какъ міропродавцевъ и міроѣдовъ. Церковь въ это время была обыскана, но поврежденій въ ней никакихъ не сдѣлано. Между собою крестьяне составили записку, названную ими «мірскимъ приговоромъ», которая гласила, чтобы впредь отъ будущаго какого нибудь нападенія другъ за друга стоять и другъ друга не выдавать. А крестьяне деревни Максимовой въ подобной же запискѣ, названной ими «подпискою», возложили на себя строгую обязанность «стоять за Бога, за великаго государя, другъ за друга до послѣдней капли крови».

Въ Мпигалевскомъ обществѣ, Батуринской волости, толпа ринулась на сельскаго писаря Ивана Добрынина, того самаго, который былъ уже въ подобной передрягѣ за одиннадцать мѣсяцевъ передъ этимъ въ Зате-

чепскомъ обществѣ, Далматовской волости[1]), и потребовала отъ него дѣла объ отпискѣ крестьянъ «подъ барина». Писарь еле-живый отъ страха, малограмотный, робкій и трусливый, едва выговаривалъ увѣренія, что ничего этого нѣтъ, что народъ обманули злые люди, и что онъ готовъ поклясться небомъ и землею, что до нихъ дошли ложные слухи, и что онъ говоритъ правду.

— Слушайте его, варнаки! отвѣчали мужики. Развѣ есть у писарей крестъ на вороту? Это вѣдь міроѣды, взяточники, алчники, отца роднаго продадутъ, и деньги хоть съ кого возьмутъ и на винѣ пропьютъ.

— Знаемъ мы васъ ахаверзниковъ, поддакивали голоса. Сколько нибудь пили вы ужь мірскую кровь, и не одна тысяча, поди, пролила изъ-за васъ слезы, душа ваша ненасытна все и голодна; давай де, вотъ, продадимъ міръ на ногахъ весь съ головы на голову и станемъ получать за то жалованье.

Сельскаго старшину и добросовѣстнаго при сельской расправѣ, захвативъ подвергали крестьяне побоямъ, какъ и писаря Добрынина, потомъ повели всѣхъ ихъ къ колодезю и обливали долго водою. Въ расправѣ дѣла и бумаги перерыли, пересмотрѣли черезъ своихъ граматниковъ, и писаря хлестали плетьми. Наконецъ условились вести начальниковъ пѣшкомъ въ Батуринскую слободу, гдѣ происходилъ главный ихъ сходъ и съѣздъ. Дорогою стегали и били ихъ, чтобы скорѣе шли и не задерживали вершниковъ. Весь походъ этотъ представлялъ картину варварства. Въ деревнѣ Рыбниковой, за версту до слободы, привязали ихъ къ огороду и держали дотолѣ, пока не навели справокъ въ волости о ходѣ дѣла, а потомъ перевели ихъ въ Батуринское село, гдѣ опять привязали къ огороду, били и обливали холодною водою, плевали въ глаза, обросывали грязью и драли волосы изъ бороды и головы. Писарь изнемогъ и окоченѣлъ отъ побоевъ и холодной воды и потому былъ помѣщенъ на время въ зданіи волости, откуда, пользуясь оплошностью надзора, успѣлъ онъ перебѣжать въ церковь, гдѣ и сидѣлъ цѣлый и невредимый до конца волненій.

Ту же самую пытку вынесъ помощникъ Добрынина, Алексѣй Митюковъ происходившій изъ государственныхъ крестьянъ Далматовской волости; а самъ Добрынинъ былъ изъ мастеровыхъ какого-то Уральскаго завода. Мы знали лично Добрынина. Это былъ человѣкъ глупый, запуганный, приниженный заводскою жизнью и малограмотный, хотя и писалъ мало-мальски; онъ умѣлъ только, съ особеннымъ подобострастіемъ, низко кланяться и безпрестанно приговаривать: «слушаюсь», «хорошо-съ», «какъ прикажете-съ», «такъ-съ», «чего изволите». За то жена у него была бой-баба, громогласная и властолюбивая, и оттого

---

[1]) См. «Пермскій Сборникъ» 1860 года, книжка 2.

разумѣется держала его постоянно подъ башмакомъ.

Въ Макаровскомъ селѣ, Батуринской волости, отстоящемъ отъ Шадринска въ 12 верстахъ, расположенномъ на правомъ берегу рѣчки Барневки, волненія возникли съ первыхъ дней Страстной недѣли. Старшина, староста и писарь съ помощникомъ укрылись въ церковь и заперлись въ ней. Смута, разумѣется, отъ удаленія ихъ разрослась еще больше: это бѣгство невольно навело крестьянъ на сомнѣнія и подозрѣнія Крестьяне такъ разсуждали между собою:

— Правымъ людямъ не для чего прятаться и нечего бояться А неправые, виноватые,—тѣ вотъ бѣгутъ и прячутся, опасаясь расплаты. Такъ, видно, и наши начальники чуютъ за собой неполадку,—ну! и давай Богъ ноги, чтобы спрятаться отъ общества!

Въ церкви сидѣли начальники за крѣпкимъ запоромъ изнутри, въ полной безопасности. 9 апрѣля, въ Великую пятницу, большія двери съ запада были, однакожь, отворены, и прихожане призывались къ церковной службѣ колокольнымъ звономъ. Сборъ молящихся оказался значительный, но изъ числа ихъ многіе не за тѣмъ пришли, чтобы молиться, а пришли съ недоброю мыслью – схватить начальниковъ, и потому стояли въ храмѣ небрежно, безъ вниманія и въ шапкахъ. Начальники въ это время сидѣли взапертн, за замками, въ холодной церкви, неотдѣланной еще и неосвященной. Служба утренняя прошла безъ помѣхи. Во время службы священникъ и дьяконъ читали попеременно поученія къ народу и въ концѣ всего первый изъ нихъ сказалъ прихожанамъ:

— Больше отъ насъ ничего не ждите; кромѣ чтенія и пѣнія церковнаго, ничего больше не будетъ.

И народъ, съ шумомъ и гамомъ, вышелъ изъ храма въ безпорядкѣ.

Во время чтенія часовъ, Макаровцы вошли въ церковь опять шумною толпою и потребовали настоятельно выдачи писаря и начальниковъ. Но просьба ихъ не могла быть удовлетворена, въ виду недобрыхъ ихъ намѣреній; потому, естественно, шумъ ихъ усилнвался, гамъ росъ и помѣха свободному совершенію богослуженія до того возросла, что невольно вынудила священника прекратить службу. Строитель церкви, видя безпорядокъ, хотѣлъ скрыться отъ толпы въ сторожку, но былъ схваченъ и вытащенъ на улицу, гдѣ за невыдачу начальниковъ, грозила она ему истязаніями и отправкою на расправу «къ міру», въ Батуринскую слободу Духовенство, исполняя долгъ совѣсти, вышло въ облаченіи и со крестомъ, въ сопутствіи двухъ иконъ, несомыхъ старушками, на площадь, для убѣжденія крестьянъ оставить строителя и прекратить безчинства. Это дѣйствительно повліяло на нихъ, и строитель былъ выпущенъ и уведенъ причтомъ въ церковь, гдѣ онъ же заперъ вслѣдъ за собою двери входныя. Дьякона, въ стихарѣ и съ кадиломъ, во время крестнаго хода, увела домой жена его, подъ предлогомъ ка-

кого-то неотложнаго дѣла. Утреня, въ Великую субботу совершена безъ особенныхъ препятствій; только нѣкоторые изъ коноводовъ удерживали другихъ, непричастныхъ къ бунту, отъ цѣлованія плащаницы:

— Не прикладывайтесь, не прикладывайтесь! Это-то и есть та самая присяга, чтобы быть намъ подъ господиномъ.

Большинство подчинялось такому приказанію и, пятясь назадъ, уклонялось отъ цѣлованія плащаницы, не смотря на то, что Макарьевскій приходъ славился издавна благочестіемъ и приверженностью къ церкви.

Съ окончаніемъ утрени, священникъ Филиппъ Смирновъ, не прекращая службы, прочиталъ тотчасъ входную молитву и началъ отправлять часы. Толпа не расходились и требовала отъ него съ грубостью выдачи начальниковъ, а за то, что не удовлетворялъ домогательству, обзывала его «заодинщикомъ» и единомышленникомъ начальства. Служба, между тѣмъ, продолжалась и особенно поученія изъ книгъ читались въ этотъ день почти до самаго вечера. Но мужики глумились надъ усердіемъ попа и дьякона, говоря имъ съ насмѣшкою:

— Эхъ, нашла на нихъ охота служить! Кабы всегда такъ было— дѣло бы другое, а то вѣдь съ недѣли на недѣлю служатъ, да и то силой-неволей, нехотя; а случись треба,—и ходи тогда за ними безъ шапки, съ поклонами—не скоро поворотишь и вызовешь: время да не время, скажутъ вамъ.

— Эхъ, эхъ! Не такъ бы жить-то надо.

Церковь стояла въ это время полная, съ открытыми дверями, и люди входили и выходили ихъ нея безпрепятственно, смѣняясь одни другими. По окончаніи литургіи, какъ священникъ пріобщался, крестьянинъ Каргопольской волости, Матвѣй Емельяновъ, небрежно вошедшій въ церковь, ставъ предъ царскими вратами, громко кричалъ къ отцу Филиппу:

— Беззаконникъ, міропродавецъ, кровопивецъ!

— Кому ты говоришь? скромно спросилъ тотъ изъ алтаря.

— Тебѣ.

— Если бы ты помнилъ, что Господь за сіи слова можетъ поразить тебя на семъ же мѣстѣ, то ты ни какъ не согласился бы произносить столь дерзко-оскорбительныя слова, и если ты еще болѣе хочешь быть дерзкимъ, то приступи къ святому престолу.

Емельяновъ прокричалъ еще что-то и вышелъ изъ храма.

Строителю приказывали крестьяне выпустить начальниковъ изъ холодной церкви.

— Я не могу этого сдѣлать, отвѣчалъ онъ. Потому не могу сдѣлать, что сидятъ начальники за запоромъ, а запоръ у нихъ двойной: и изнутри и снаружи.

— Ломай двери! кричали мужики, ты строитель, можешь изломать и починить.

— Неладно, братцы, ломать церковныя двери: сочтутъ озорничествомъ и станутъ судить, да и Бога я боюсь за насиліе надъ храмомъ Божіимъ.

Какъ неладно?! когда міръ велитъ! Ты стало быть вмѣстѣ съ попомъ и начальниками продалъ насъ барину? Ломай двери! мы велимъ тебѣ, мы и въ отвѣтѣ.

— Ломай, ломай! неслись сзади неистовые голоса.

— Ломать двери нехитро, батюшки, да хитро отвѣтъ за нихъ давать. Надо впередъ спроситься у отца Филиппа и взять у него благословеніе.

Раздался зовъ обращенный къ священнику, который вышелъ изъ алтаря и увидѣлъ строителя въ толпѣ крестьянъ, на колѣняхъ среди ихъ, умоляющимъ отца Филиппа дать ему благословеніе на сломаніе дверей у холоднаго храма, по требованію общества. Но отецъ Филиппъ не далъ ему благословенія и убѣдилъ его не ломать дверей и не осквернять тѣмъ святости мѣста. Тогда строитель упалъ ницъ на полъ и, навзрыдъ заплакавши, сказалъ прихожанамъ:

– Дѣлайте со мною что хотите, а церковныя двери ломать я не стану,

Строителя оставили буяны и обратились съ такими же требованіями къ церковному старостѣ Сухорукову, который оказался сговорчивѣе строителя и безпрекословно принялся тотчасъ же разбивать двери у холодной церкви, съ пособіемъ желѣзной пешни. Но сломать таковую, однакожь, не могъ. Тогда возмутители стали расходиться одинъ за другимъ, церковь вскорѣ опустѣла. Но староста торчалъ до самаго вечера. Церковники подозрѣвали его въ соединеніи съ толпою. Послѣ ухода старосты, церковь окончательно была заперта изнутри, съ прекращеніемъ входа въ нее извнѣ; за то снаружи охранялась она постояннымъ карауломъ и вблизи ея толпился народъ всякаго пола и возраста. Въ день Свѣтлаго Воскресенія, утреню служили церковники одни, безъ прихожанъ, за запертыми дверями; только начальники были выпущены изъ холодной церкви въ теплую и держали здѣсь иконы, а сами плакали на-взрыдъ. Строитель шелъ-было къ утрени, но былъ остановленъ у церкви стражею, приказавшею ему вернуться обратно. Онъ, услышавъ въ церкви пѣніе, ударилъ въ колоколъ къ службѣ разъ десять, за что схваченъ былъ стражниками, привязанъ къ огороду и битъ безчеловѣчно.

Для совершенія литургіи не было въ храмѣ ни просфоръ, ни вина, о приносѣ которыхъ хотя священникъ просилъ стражу, окружавшую церковь, но она отказалась на-отрѣзъ, сказавъ: «что нынѣ за служба! что за молепіе»! Въ половинѣ дня выпущенъ былъ изъ церкви, по собственному желанію, помощникъ писаря Петровъ. Священникъ Смирновъ въ ризѣ, со крестомъ въ рукахъ, пошелъ въ домъ свой для свиданія съ женою и дѣтьми, куда и былъ пропущенъ онъ стражею свободно; а об-

ратно уйти ему ужь не удалось, потому что былъ задержанъ поборниками волненія, которые требовали отъ него указъ объ удѣлѣ и картофелѣ, съ большимъ гербомъ и золотымъ орломъ, и принуждали спять ризу, угрожая въ противномъ случаѣ отослать его въ Батурипскую слободу, гдѣ мірская громада спуска ему не дастъ. Подвели потомъ его къ сѣверпымъ дверямъ холодной церкви и заставили звать оттуда начальниковъ, изъ которыхъ старшина и сельскій староста вышли сами и добровольно отдались въ руки бунтующихъ крестьянъ. Вслѣдъ за ними вышелъ пономарь Кыштымовъ, который перешелъ въ домъ священника и пробылъ тамъ спокойно весь день ни кѣмъ петронутый. Послѣ вечера, крестьяне взяли священника, со крестомъ и въ облаченіи, подъ караулъ въ расправу, гдѣ и ночевалъ опъ на 12 апрѣля. На другой день, поутру, церковный староста Сухоруковъ вырвалъ насильно у священника крестъ изъ рукъ и, взявъ спятую уже самимъ священникомъ ризу, отнесъ въ церковь и положилъ тамъ на престолъ; между тѣмъ входить въ алтарь, онъ не имѣлъ права по церковнымъ правиламъ, какъ двоеженецъ. Писарь остался въ холодной церкви одинъ и, изъ боязни побоевъ, выходить не смѣлъ. Вечеромъ священника и пономаря выпустили, для исправленія неотложныхъ требъ, случившихся въ приходѣ, послѣ которыхъ дозволили быть имъ въ домахъ своихъ, подъ охрапою караула, взявъ впрочемъ, при этомъ съ нихъ пнсьменныя записи такого рода, чтобы за напесенныя имъ міромъ обиды пска имъ на крестьянъ не подавать.

Наконецъ выпущенъ былъ изъ церкви и послѣдній: писарь Степанъ Алексѣевъ, истощенный и измореннный холодомъ, голодомъ и страхомъ. Не нашутку заболѣвшій, онъ былъ исповѣданъ и пріобщенъ священникомъ и оставленъ на попеченіи родныхъ; впрочемъ, крестьяне его не тронули. Въ домѣ священника и пономаря въ то время, когда были задержаны они въ управѣ, произведены обыски крестьянами, съ угрозами ихъ семействамъ. Дьяконъ же съ дьячкомъ, страннымъ случаемъ, во все время сумятицы, пользовались полнѣйшею свободою, и никто ихъ не трогалъ. Разгадка этого скрывалась въ ихъ двухсмысленномъ поведеніи.

Церковный староста Сухоруковъ промоталъ при этомъ церковныхъ денегъ 56 р. 96 1/7 к. и нѣсколько книгъ, какъ оказалось по свидѣтельству имущества благочиннымъ о. Гедеоновымъ, въ чемъ самъ староста не сознавалъ себя, однакожь, виновнымъ, на томъ простомъ основаніи, что онъ былъ человѣкъ неграмотный, своеручныхъ записей не велъ, а всѣ денежныя записи по книгамъ дѣлали церковники, равно какъ и приходъ и расходъ суммъ производился подъ ихъ наблюденіемъ и руководствомъ, а опъ стоялъ только при этомъ простымъ посредникомъ связующимъ обычай съ формализмомъ.

III.

Смуты въ слободѣ Каргопольской.—Голова Вторушинъ.—Неуваженіе къ церкви —Безчинства и обыски.—Священникъ Василій Константскій.—Села: Бакланское и Устьмяесское.

Въ предѣлахъ Каргопольской волости спокойствіе удержалось до самой Страстной недѣли, опричь темныхъ, отрывочныхъ слуховъ, бродившихъ въ народѣ въ неопредѣленной формѣ, доносившихся сюда изъ сопредѣльнаго Окуньяго общества, Челябинскаго уѣзда. Человѣкъ чувствующій на себѣ тяжесть какую нибудь, обыкновенно стремится удалить ее, или сбросить; такъ и здѣсь крестьяне Бакланскаго общества ѣздили для развѣдокъ 8 апрѣля въ село Батуринское, гдѣ не только нашли подтвержденіе въ дѣйствительности бродившихъ слуховъ о закрѣпощеніи ихъ и картофелѣ, но и видѣли своими глазами всѣ тѣ суровыя мѣры, какія предпринимали, или были намѣрены предпринять Батуринскіе съѣзды къ раскрытію истины и сверженію съ себя мнимаго гнета барскаго. Теперь понятно, съ какимъ настроеніемъ вернулись Баклапцы восвояси, такъ какъ видѣли самолично примѣръ весьма прилипчивый и заразительный.

На другой же день, 9 апрѣля волненія возникли во всѣхъ деревняхъ Бакланскаго общества, и толпа крестьянъ въ числѣ 100 человѣкъ, захвативъ съ собою волостнаго голову Вторушина, уроженца деревни Долгой, отправились съ гамомъ и шумомъ въ слободу Каргопольскую, резиденцію волостнаго правленія, гдѣ слухъ о Батуринскихъ волненіяхъ посился уже довольно явственно. Писаря мѣстные, вслѣдствіи этого по утру того же дня успѣли уѣхать въ Шадринскъ.

Первымъ словомъ прибывшихъ Баклапцевъ былъ вопросъ:

— Гдѣ писари Антропъ (Кузпецовъ), Макѣевъ и Чернавскій?

— Уѣхали.

— Куда?

— Въ Шадринскъ.

— Погоню за ними послать! догнать ихъ, воротить! Слышатъ за собой невзгоду, татъ и убираются поскорѣе, знаютъ видно, чьи копки мясо съѣли.

Погоня за писарями дѣйствительно была собрана и послана. Но одинъ изъ посланцевъ—засѣдатель Поповъ встрѣтилъ въ дорогѣ неожиданную преграду въ новой толпѣ, ѣхавшей въ село Каргопольское, которая задержала его и вернула обратно съ бранью:

— Что на него облагаться и вѣрить ему, когда онъ съ писарями одной свиньи мясо, кричали мужики. Видишь съ охотою погналъ онъ, чтобы самому ловчѣе улизнуть изъ мірскихъ рукъ. Міропродавецъ, вѣдь, онъ продалъ за-одно съ писарями да господами весь міръ подъ барина,

за то дали ему фунтъ ассигнацій и форменный кафтанъ съ позументами и свѣтлыми пуговками.

— Скажи указъ? говорили ему другіе. Скажи, вѣдь, тебѣ извѣстно про него.

— Не знаю ничего, батюшки, отвѣчалъ Поповъ.

- Врешь! знаешь, да затаиваешь.

Затѣмъ сняли засѣдателя съ лошади и привязали къ столбу, противъ зданія волости, гдѣ, по примѣру Батуринскихъ истязаній, обливали его водою, плевали въ лицо, бросали грязью и награждали тумаками и подзатыльниками, что повторяли надъ нимъ многократно сряду по нѣскольку дней, а ночами держали подъ стражею. Только въ день Свѣтлаго Воскресенія дозволили ему сходить домой и похристосоваться съ родными.

Добросовѣстнаго сельской управы Ѳеоктистова, тогда же схваченнаго, связали веревкою, загнувъ руки за спину, и повѣсили на спину къ имѣвшемуся въ волостномъ правленіи шкафу, такъ-что ноги его не доставали до пола; онъ оставался въ висячемъ положеніи до самаго вечера безъ чувствъ. 10 апрѣля, среди улицы били его, изорвали на немъ рубашку, привязали къ столбу, обливали водою и бросали въ глаза грязью, приговаривая такъ:

— Не продавай съ писарями да попами тайно міръ, не бери фунтъ ассигнацій: полюбилъ сладкое, люби теперь и горькое.

Другаго засѣдателя по части хозяйственной, вытребованнаго головою Вторушинымъ, подвергли тѣмъ же пыткамъ и мученіямъ, безъ всякой пощады и состраданія.

Вечеромъ 9 апрѣля вспомнился крестьянамъ мѣстный священникъ Каргопольскаго села, о. Василій Константскій, звать котораго въ общественное собраніе послали они людей дерзкихъ, преимущественно изъ раскольниковъ, такъ какъ волость здѣшняя особенно ими обиловала,— произведшихъ тотчасъ по приходѣ въ церковь дебоширство и гамъ необычайный.

— Гдѣ попъ Василій? кричалъ одинъ изъ нихъ.

Священникъ вышелъ изъ алтаря. Раскольникъ, не говоря ни слова, схватилъ съ азартомъ отца Василія и потащилъ его на улицу, но былъ во время остановленъ дьякономъ и церковнымъ старостою. Тогда онъ бросился на другаго священника Алексѣя Гедеонова и, схвативши сперва за руку его, потомъ за рясу, хотѣлъ тащить и его также изъ церкви на улицу, но изорвалъ только на немъ рукава у рясы. Божественная служба была этимъ остановлена, пѣніе и чтеніе прекращено.

Поутру этого дня отецъ Василій ѣздилъ въ село Бакланское для исповѣди къ духовнику своему тамошнему священнику Василію Богомолову. Въ деревнѣ Русаковой, будучи проѣздомъ, увидѣлъ онъ множество людей бѣгущихъ и скачущихъ на верховыхъ лошадяхъ къ дому

сельскаго старшины, которые на вопросъ его, «что происходитъ у нихъ», отвѣчали, что старшина продалъ все общество господину Киселеву, и они теперь не государственные, а господскіе. Попытка его разувѣрить ихъ въ неосновательности этого предположенія осталась тщетною. Здѣсь встрѣтилъ онъ брата своего, священника Аѳанасія Константскаго, съ которымъ вмѣстѣ и поѣхалъ въ село Баклапское.

И въ Бакланскомъ селѣ увидѣли они ту же кутерьму, тѣ же волненія и тѣ же сборища крестьянъ, раздѣлившихся на группы, въ числѣ не менѣе 300 человѣкъ, которые, остановивъ ихъ, спрашивали:

— Правда ли и вѣрно ли, что они ужь не государственные люди, а господскіе?

Священники увѣряли ихъ, что всѣ слухи о томъ ложны, и разглашенія такія неосновательны. Но крестьяне ни чему не хотѣли вѣрить и, приказавши отцу Василію раздѣться, отыскивали у него указъ о минмомъ удѣлѣ.

По возвращеніи отсюда въ свой приходъ, о. Василій не былъ спокоенъ, и сердце тоскливо вѣщало ему о чемъ-то недобромъ. Это недоброе вскорѣ выразилось въ приходѣ новой толпы крестьянъ къ церкви, въ числѣ не менѣе 200 человѣкъ, сопровождаемыхъ волостнымъ головою Вторушинымъ и помощникомъ писаря Мокѣевымъ, изъ которыхъ первый обратился къ священнику съ вопросомъ:

— Не совѣтовалъ ли ты, отецъ Василій, помощнику укрыться отъ нихъ?

— Нѣтъ! отвѣчалъ тотъ.

— Такъ выйди же, отецъ Василій, на улицу, продолжалъ голова, потолкуй съ міромъ, міръ теперь тутъ въ сборѣ стоитъ у церкви и желаетъ съ тобою поговорить.

— Хорошо, я выйду.

Облачившись въ ризы, онъ вышелъ со крестомъ и евангеліемъ, въ сопровожденіи причта, на церковное крыльцо, гдѣ, расположившись предъ налоемъ, болѣе часа убѣждалъ, совокупно съ товарищами, собравшихся крестьянъ оставить пагубныя заблужденія. Слова его какъ будто оказали успѣхъ, потому что крестьяне стали расходиться одинъ послѣ другаго, съ обѣщаніемъ протпать Бакланцевъ кольями, когда тѣ придутъ смущать Утренняя служба 10 апрѣля совершена церковниками безъ помѣхи и безъ препятствія. Въ обѣдню пріѣхали Бакланцы къ волости, и, какъ нашли тутъ мало людей, сами разсыпались по окрестнымъ деревнямъ для смущенія и созыва ихъ на сходку. Добросовѣстные Каргопольцы нашли лучшимъ скрыться въ это время: кто въ лѣсъ, кто въ овинъ, кто на пашню; большинство же осталось дома и примкнуло къ толпѣ крестьянъ, собравшихся у волости на лѣвомъ берегу рѣки Міяса. Безжалостныя пытки начались. Священника Константскаго неоднократно вызывали изъ церкви въ общество, и покушались даже силою выта-

щить. Но часъ его страданій еще не насталъ. Утромъ въ первый день Пасхи была отправлена радостная утреня обычнымъ чередомъ, только крестнаго хода кругомъ церкви не было сдѣлано, изъ опасенія безчинствъ и насилія. Отецъ Константскій читалъ собравшемуся народу поученіе о слѣдствіяхъ мятежа и бунта по синодальной книгѣ. Съ разсвѣтомъ, въ 5 часовъ утра, ворвалась толпа съ шумомъ и ревомъ, и ринулась на правый клиросъ, гдѣ укрывались три прихожанина (убѣжавшіе отъ бунта), которыхъ схватили буяны за волосы и увлекли къ волости на мученіе. Благовѣстъ къ обѣднѣ продолжался недолго отъ вмѣшательства въ дѣло звонарей возмутившихся крестьянъ, гнавшихъ ихъ съ колокольни. Послѣ литургіи отецъ Василій опять убѣждалъ съ амвона прихожанъ образумиться, пока еще есть время и не поддаваться обольщеніямъ, которыя приведутъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Но толпа шумѣла и не слушала. Дьячекъ, по требованію ея, выложилъ и выдалъ ей архивныя бумаги, которыя тутъ же разсматривались и читались чрезъ писаря Устьміясской сельской расправы. Видя, что въ архивѣ церковномъ нѣтъ никакихъ подходящихъ бумагъ, мужики яростно завопили:

— Раздѣвайся попъ! снимай ризы!

— Кто надѣлъ, тотъ и право имѣетъ раздѣть, отвѣчалъ отецъ Василій.

— Раздѣвайся, раздѣвайся! говорятъ добромъ тебѣ, не спасешься вѣдь подъ ризами: велятъ, такъ снимай ихъ! Раздѣвайся, раздѣвайся!

Священникъ оставилъ безъ вниманія дикій крикъ крестьянъ и продолжалъ обличать слѣпое невѣжество ихъ, доказывая имъ худыя послѣдствія безразсудствъ ихъ. Но одинъ изъ ярыхъ крикуновъ, смѣлый на руку, выхватя крестъ у отца Василія, спѣшно скинулъ съ него и ризу; прочую же одежду снялъ онъ съ себя ужь самъ. Тогда повели его къ волости: кто билъ его руками, кто дергалъ за волосы, кто толкалъ, кто пиналъ, кто плевалъ, кто тыкалъ кулаками, кто гоготалъ, а кто бранилъ, изрыгая слова площадныя и цинническія. На сколько могъ защищалъ его въ это время изо всей толпы одинъ только прихожанинъ Черепановъ, имѣвшій добрый нравъ и добрую душу; но единоличная защита его въ массѣ волновавшагося народа значила то же, что капля въ морѣ. Кругомъ царили ожесточеніе и раздраженіе. Руководили имъ преимущественно Бакланскіе мужики, бывшіе здѣсь главными запѣвалами, а за ними увлеклись и другіе. У волости спрашивали они у отца Василія указъ объ «удѣлѣ», о «картофелѣ» и объ «общественной запашкѣ», другіе ревѣли ему: «продалъ пасъ, продалъ»! И послѣ ругательствъ привлекли его къ конскому столбу, гдѣ, раздѣвши предварительно до нага, привязали его кушакомъ (опольскою) и лили по немногу на голову холодную воду; иные бросали въ лицо грязью, иные запихивали ее въ ротъ ему, а иные теребили за волосы и бороду, требуя указать, гдѣ «указъ о баринѣ», подъ котораго подводятъ міръ?

Въ этомъ прискорбномъ событіи оказался измѣнившимъ своему долгу голова Каргопольской волости, Иванъ Вторушинъ, который, вмѣсто того, чтобы сдерживать крестьянъ отъ волненія и прекращать ихъ заблужденія, всецѣло предался крестьянамъ и во все время народной смятицы служилъ орудіемъ безпорядковъ, безусловно вѣруя въ правоту и искренность всякихъ крестьянскихъ толковъ на счетъ удѣла. Безграмотный, онъ считался изъ числа передовыхъ въ ряду своихъ сельчанъ. Въ данномъ случаѣ онъ былъ жертвою своего отца Петра Вторушина, требовавшаго отъ него помощи міру, такъ какъ и онъ, Петръ, вполнѣ вѣрилъ распространившимся слухамъ объ удѣлѣ»; этотъ «удѣлъ», по понятіямъ крестьянъ, выражался главнымъ образомъ въ требованіи общественныхъ запашекъ для неприкосновенныхъ запасовъ, шитыхъ кафтанахъ и картофелѣ. Такого же взгляда держался и Вторушинъ, убѣжденный въ правотѣ народной обороны. Имя «заворохи», какъ называли крестьяне свой самосудъ противъ чиновныхъ властей и писарей. Старикъ Вторушинъ нетолько требовалъ, но приказывалъ сыну, заставлялъ его не выдавать міръ, стоять за общественные интересы. И вотъ онъ, какъ послушный отцу сынъ, отчаянно кинулся въ волну смуты и, разумѣется, сгубилъ въ концѣ концевъ буйную голову свою. Собственно руководителемъ или запѣваломъ безпорядковъ онъ не былъ: ни изъ мѣстныхъ архивовъ, ни изъ изустныхъ преданій не видно и не слышно, чтобы онъ принималъ верховое участіе. Напротивъ онъ былъ, какъ выше замѣчено, только орудіемъ коноводовъ возстанія, преимущественно въ области исполнительной, въ высылкѣ или вызовѣ людей, въ сосредоточеніи сборищъ, въ поимкѣ подозрительныхъ лицъ, въ обыскахъ и розыскахъ бумагъ, и т. п. Но, вѣдь, и это много значило въ то горячее время, потому что давало какое-то право возмущенію, давало силу ему, хотя Вторушинъ и сидѣлъ въ волости, какъ пѣсъ, безмолвный и безотвѣтный. Должностная печать его, по словамъ очевидцевъ, находилась въ общемъ достояніи и распоряженіи у всей толпы; хозяйничали ею всѣ и каждый, кто только хотѣлъ или имѣлъ надобность. Грамотѣи деревенскіе писали, между тѣмъ, отъ его имени приказы въ селенія о высылкахъ людей и на сходы и извѣстія сосѣдямъ сопредѣльныхъ волостей о происходящихъ дѣйствіяхъ въ ихъ станѣ; а Вторушинъ прикладывалъ только печать къ этимъ послапіямъ, или прикладывали другіе за него, какъ за согласника Отъ сосѣдей, наоборотъ, получались повѣстки о томъ, что у нихъ дѣлается и съ постояннною просьбою о помощи, выражаемою всегда лаконически: «помогайте, сторожитесь! съѣзжайтесь управляться сообща»! По селеніямъ ѣздили вожаки съ дубьемъ и ружьями и жестокими угрозами, выпуждали крестьянъ къ бунту и къ свозу въ Батуринскую слободу, огнестрѣльнаго оружія, потребнаго тамъ для войны съ солдатами и казаками. Въ такомъ же точно смыслѣ развозились въ сосѣднія деревни послапія и приказанія и изъ Каргопольскаго волостнаго

правленія, утвержденныя печатью головы, въ силу которыхъ изъ Каргопольской волости свезено было въ Батуринскую слободу нѣсколько возовъ разнаго оружія, пикъ, косъ и ножей на деревкахъ, дробовиковъ, винтовокъ, пистолетовъ и т п. Кузницы въ деревняхъ завалены были работою и постоянно приготовляли оружіе для крестьянъ, требовавшихъ его для открытой войны съ отрядами. Грустно было смотрѣть на толпы и стоянки обезумѣвшаго народа, невѣрившаго, въ порывѣ увлеченія и ярости, никакимъ добрымъ совѣтамъ и внушеніямъ. Одно непреклонное желаніе его сосредоточивалось на томъ, чтобы отбить «удѣлъ» во что бы то ни стало, удалить «крѣпостную зависимость», отклонить «барина». Большаго онъ не искалъ и не требовалъ. А чтобы убѣдить его, что «удѣла» для него никакого нѣтъ, «барина» не существуетъ, и что реформа государственныхъ имуществъ измѣнитъ только порядокъ управленія, не касаясь строя и быта крестьянскаго,—не доставало силы туземной, не было авторитетовъ, заслуживающихъ довѣрія Между тѣмъ раскольники, ненавистники картофеля, этого «яблока добра и зла», и вообще всякихъ новыхъ порядковъ, несогласныхъ съ теченіемъ ихъ жизни, какъ люди старины и рутины, подливали при этомъ въ огонь масла, доказывая текстами священнаго писанія кончину міра и признаки наступающаго антихристова пришествія.

Мудрено ли было въ чаду злой смуты потерять голову жалкому Вторушину, безграмотному и легковѣрному! Въ селѣ Песчанскомъ 22 апрѣля управляющій Пермскою палатою государственныхъ имуществъ Кузьминскій торжественно въ собраніи народа сложилъ съ него должность головы и снялъ кафтанъ. При чемъ найдено было при немъ пять записокъ, характеризующихъ его дѣйствія. Вотъ эти записки:

1. «Въ село Каргопольское общественникачъ! Извѣщаемъ, что былъ сегодня у насъ нарочный изъ Мингалей, неизвѣстно какой, и проспилъ туда начальниковъ нашихъ: старшину, старосту, вахтура и писаря, съ печатками, и спрашивалъ у насъ, что станете ли принимать старыхъ начальниковъ, а по имени его зовутъ Иванъ Осиповъ Сухоруковъ, и ни какой у него записки нѣтъ. Да-къ постарайтесь»[1])!

2. «Старосты и общественники просятъ выслать изъ всѣхъ деревень общественниковъ со 150 человѣкъ. Изъ Батуринской были у насъ нарочные и сказали, что сулятся сюда казаки. Иванъ Петровичъ! подержи вѣсть Осиповцамъ»[2]).

3. «Иванъ Петровичъ![3]) еще какъ можно въ Батурину людей скоряя просятъ—есть выѣздови».

4. «Въ Каргапольское всѣмъ общественникамъ даютъ знать напи:

---

[1]) Записка эта должна быть изъ села Вакланскаго, какъ средняго между деревнею Мингалями и селомъ Каргопольскимъ.

[2]) Оттуда же. Деревня Осиповка принадлежала къ Маслянской волости.

[3]) Эта—голова Вторушинъ.

староста и всѣ общественники, что пріѣхалъ нарочный изъ Батуринской сегодни и видѣли нашихъ писарей Яковлева, Евстрапа (Кузпецова—Арбитскаго мѣщанина), помощника и вашего сельскаго писаря, которые выѣзжали изъ Барневской и стрѣляли въ нашихъ общественниковъ, и просимъ васъ, чтобы выслать въ Батурину на помогъ, и ежели станите высылать, то высылайте съ орудіей, у кого какая есть. Пожалуйста, какъ можно скорѣе, и еще просимъ васъ выслать хорошихъ людей человѣкъ 10 для совѣту сюда».

5. «Нарочному Каргопольской волости, разнымъ селеніямъ! Батуринской волости мірское общество проситъ усердно для вспомоществованія и защиты прибыть въ Батуринскую волость оной Каргопольской волости въ прибавокъ количества людей, потому что команда идетъ Башкирцевъ. Какъ можно поспѣшите безо всякаго уже сомнѣнія»[1]).

Посмотримъ теперь на отца Василья Константскаго, находящагося въ кругу волнующихся крестьянъ.

Сцена на волостной площади. Онъ стоитъ избитый на привязи у столба, крестьяне требуютъ у него указъ объ удѣлѣ.

— Да нѣтъ у насъ пи какихъ указовъ, говоритъ онъ, а есть только распоряженіе министра.

— Какое распоряженіе? какого министра?

— Распоряженіе министра государственныхъ имуществъ, данное палатѣ объ открытіи училищъ.

— То-то и надобно намъ, то-то и разыскиваемъ мы! закричали крестьяне, обрадованные открытіемъ. Скорѣе давай намъ? Отвязывайте его, старики! Пусть ведетъ онъ насъ въ свой домъ и выдастъ намъ указъ!

Толпа отдѣлилась и повела священника въ его домъ. Мѣсто же его у столба занялъ другой священникъ Алексѣй Гедеоновъ. На обратномъ пути тащили отца Василья за веревку, обмотанную кругомъ его тѣла, а крестьянинъ Харинъ ударомъ кулака сшибъ его съ ногъ и привелъ въ безчувствіе, доволокли его до волости и бросили съ берега въ рѣку Мiясъ, гдѣ стоялъ онъ по шею въ водѣ, съ часъ, испытываемый и вынуждаемый открыть мнимый указъ о мнимомъ барипѣ. Этого мало. Выведши его изъ воды, столкнули опять въ Миясъ, съ плотины моста, вершина котораго находилась на двѣ сажени выше горизонта воды, и держали въ немъ еще съ полчаса. Вода была нестерпимо холодна, и священникъ совершенно оцѣпенѣлый, едва переводилъ духъ, почему и былъ переведенъ для согрѣва въ зданіе волости.

Часть крестьянъ, отдѣлившаяся отъ толпы, обыскивала въ это время дома церковниковъ, не исключая никого, и особенно домъ Константскаго, полагая спрятанными въ ихъ бумаги «о барипѣ», такъ какъ Константскій подалъ поводъ къ подозрѣніямъ, сказавъ о министерскомъ распоряженіи на счетъ открытія училищъ.

— Искать надобно, старики, бумаги! говорили крестьяне. Коли одну самъ онъ сказалъ, есть стало быть и другія, Да съ чего такъ стали выходить пыпѣ бумаги отъ министра, а не отъ царя и не отъ синода?

Вниманіе толпы обратилось къ церкви, гдѣ могли быть съ удобствомъ, по мнѣнію крестьянъ, скрыты бумаги, и гдѣ причетники нерѣдко въ лѣтнюю пору, въ предосторожность отъ пожаровъ, хранили свое имущество. Въ ней обыкновенно и осмотрѣно было все и вездѣ самымъ тщательнымъ образомъ, не исключая алтаря, въ которомъ заглянуто даже подъ святый престолъ и жертвенникъ. Распоряженіе министерства объ открытіи училищъ въ крестьянскихъ селеніяхъ, найденное въ домѣ священника Константскаго, послужило новымъ поводомъ къ поискамъ и дознаніямъ причинъ затайки его, какъ вреднаго для нихъ; прочитать же его, однако, никто изъ крестьянъ не хотѣлъ; а напротивъ, обратившись къ причту, съ азартомъ спрашивали крестьяне:

— Почему не сказалъ онъ своевременно обществу о найденной бумагѣ?

Причтъ съ дьякономъ клялся Богомъ, что предписанія того онъ не зналъ и говорилъ всѣмъ и каждому, что отецъ Василій скрылъ отъ него таковое и что всѣ бумаги находятся у него[1]).

Спросили отца Василья.

— Точно, причтъ не зналъ о томъ распоряженіи, сказалъ онъ; ибо училище ввѣрено мнѣ одному, по дѣлъ у меня никакихъ другихъ нѣтъ.

— Отецъ Василій и жалованье получаетъ отъ Министра за училище, прибавилъ дьяконъ.

Тоже подтвердили и причетники.

— Правда, значитъ, выходитъ наружу, говорили крестьяне. Если бы попъ не спряталъ куда нибудь указъ объ удѣлѣ, то дьяконъ съ причетниками не стали бы обалтывать его безъ причины. Искать надобно указъ, и искать у попа.

Новый взрывъ ожесточенія противъ священника выразился въ повтореніи пытокъ и мученій, продолжавшихся вплоть до вечера. Благодаря только заступничеству добрыхъ людей, оказавшихся въ той же толпѣ, священникъ имѣлъ возможность отдохнуть и оправиться. За то нѣсколько человѣкъ изъ числа его заступниковъ тутъ же были подвергнуты истязаніямъ и побоямъ, съ привязью къ столбамъ и заплотамъ, у которыхъ находилось всѣхъ страдальцевъ до 50 человѣкъ. Народа же было въ сборѣ изъ разныхъ деревень и селеній болѣе 1000.

Дьяконъ воспользовался свободою послѣ сдѣланной имъ исповѣди,

---

[1]) Изъ рапорта отца Василья Константскаго Аркадію, архіепископу Пермскому и Верхотурскому.

причетники тоже; изъ нихъ только дьячка Торопова побили крестьяне, а на дьякона вылили одно ведро воды; домы ихъ находились, однакожь, подъ карауломъ три дня.

Въ числѣ потерпѣвшихъ, послѣ отца Василія, обращалъ на себя особенное вниманіе оспопрививатель Каргопольскаго общества Чердынцовъ, который былъ подвергнутъ жесточайшимъ побоямъ и мученіямъ 9, 10 и 11 апрѣля, и спустя двѣнадцать дней мученикъ этотъ умеръ отъ побоевъ (23 апрѣля). Притѣснителями и ненавистниками его явились по преимуществу раскольники, какъ отвергающіе пользу оспопрививанія и считающіе оспу за знаменіе и печать антихриста, а оспопрививателя—слугою дьявола. Съ ложно- религіозной точки зрѣнія, они представляли себя въ данномъ случаѣ карателями зла и поборниками правды.

Содержателя Тамакульскихъ горъ, доставляющихъ глину для выдѣлки краснаго кирпича, крестьянина Петра Попова схватили крестьяне за произнесенныя имъ слова въ защиту засѣдателя, привязяли къ столбу и держали семь часовъ, какъ сообщника, говоря ему: «не обстоивай засѣдателя! вѣрно, взялъ за то съ господина деньги»? Въ день Свѣтлаго Воскресенія, послѣ утрени, опять схватили его въ церкви за волосы и утащили къ волости, расположенной на берегу рѣки Міяса, гдѣ, привязали его къ столбу, били и обливали водою, приговаривая:

— Не бери въ оброкъ глиняныхъ горъ, за то вѣдь получилъ ты отъ господина деньги.

Затѣмъ грозили утопить Попова въ Міясѣ. Но этого не сдѣлали, а взяли только подъ караулъ въ волость, гдѣ вымогли съ него деньги 60 р., вмѣсто отданныхъ имъ прежде за содержаніе глиняной горы въ кассу волостнаго правленія.

— Деньги хотя ты заплатилъ въ волость, да мы про нихъ не знаемъ, говорили крестьяне Попову. А если заплатилъ ты ихъ дѣйствительно, то и бери съ тѣхъ, кому отдалъ, а намъ въ общество отдай: горы вѣдь держишь наши,—намъ и плати, и по заугольямъ да по заокошкамъ деньги не бросай!

Крестьянинъ Челпановъ битъ былъ за то собственно, что не шелъ онъ въ сборище.

— Ты, видно, за-одно съ попами да начальниками продалъ міръ? говорили ему крестьяне. Оттого и на совѣтъ къ намъ нейдешь.

Ямщика Луппу Махова вытащили изъ церкви, 11 апрѣля, куда онъ пришелъ изъ любопытства посмотрѣть, и со словами: «что ты здѣсь дѣлаешь, кержакъ», вывели его на улицу, били и обливали водой за то, что далъ лошадей писарямъ съѣхать въ Шадринскъ. Луппа былъ истинный раскольникъ изъ такъ называемой «стариковщины», чуждающійся духовенства. Онъ занимался постояннымъ ямщичествомъ при волости, жилъ съ писарями дружно.

Въ Ворпновской единовѣрческой церкви, отстоящей отъ села Каргопольскаго въ двухъ верстахъ, произвели шумъ крестьяне во время отправленія службы, требуя церковнаго старосту. Домъ священника Іоанна Кыштымова подвергли обыску и, найдя тамъ 40-й № «Земледѣльческой газеты», увезли эту газету вмѣстѣ съ Кыштымовымъ въ волость, гдѣ, послѣ прочтенія газеты, отпустили послѣдняго домой, говоря ему при этомъ: «проснмъ батюшка, побывать въ другое время и почитать намъ, бумагъ.

«Земледѣльческая газета», во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили волненія, была разсматриваема, какъ вещь диковинная, служила соблазномъ для крестьянъ и считалась прямо органомъ «удѣльныхъ» или «барскихъ» распоряженій, пока не была она тщательно разсмотрѣна и растолкована крестьянами грамотѣями. Но и тутъ убѣдилось въ безвредности ея (не говоря уже о полезности) только меньшинство, а большинство относилось къ ней враждебно, полагая въ чертежахъ и рисункахъ, сопровождавшихъ текстъ газеты, покушеніе ввести изображенныя въ нихъ сохи, бороны и т. п. въ ихъ хозяйства и тѣмъ нарушить неприкосновенность старыхъ привычекъ ихъ, освященнымъ временемъ и завѣтомъ отцевъ и дѣдовъ, истерпѣвшихъ въ обиходѣ ни какихъ новыхъ элементовъ. Эти газетные листки возились мужиками въ огромныхъ мѣшкахъ изъ одного мѣста въ другое и съ удивленіемъ показывались, какъ рѣдкость, или какъ поводъ и оправданіе для «заворохи».

Священнику Василію Константскому удалось уйти домой вечеромъ 11 апрѣля, гдѣ измученное тѣло его оттерли домашніе виномъ и щеткой, и онъ вздохнулъ свободнѣе. По утру, на другой день, служилъ онъ благодарственный молебенъ за уцѣлѣвшую жизнь свою и, причастившись изъ запасныхъ даровъ, приготовился къ бодрой встрѣчѣ ожидавшихся имъ новыхъ ударовъ судьбы. Позвать его къ волости не замедлили явиться послы. По приходѣ туда, онъ спокойно, съ полнымъ присутствіемъ духа, спросилъ:

— Кто звалъ меня?

Всѣ молчали.

— Кто звалъ меня? повторилъ отецъ Василій.

— Никто не звалъ, послышался голосъ.

Толпа молчала.

Только голова Вторушинъ завелъ съ нимъ разговоръ объ удѣлѣ и укорялъ его за продажу міра «подъ барина». Голова этотъ былъ въ полномъ смыслѣ «мужикъ-простофиля» и, по словамъ рапорта священника Константскаго мѣстному архіерею о происходившихъ въ селѣ Каргопольскомъ безпорядкахъ, малопонятливый, нигдѣ не бывалый, ничего невидавшій, кромѣ сохи ничего не знающій, впрочемъ богобоязненный человѣкъ и рѣдкаго смиренія. Онъ азартно и язвительно заспорилъ съ о. Василіемъ, когда тотъ замѣтилъ ему, что говоритъ онъ рѣчь не хорошую.

Всесоюзная

Кромѣ того Вторушинъ открыто и явно обвинилъ его въ храненіи бумагъ «непростыхъ», какъ, напримѣръ, одной, заключающей въ себѣ названіе разныхъ сѣмянъ, видимо клонящейся къ тому, чтобы мужики сѣяли по ней травы, хлѣбъ и овощи. Константскій разъяснилъ ему, что это прейсъ-курантъ, приложенный къ «Земледѣльческой газетѣ», сѣмянамъ огородныхъ и садовыхъ растеній, разводимыхъ въ Русскихъ садахъ и огородахъ. Затѣмъ далъ понять ему относительно значенія «Земледѣльческой газеты», для чего и какъ разсылается она, и съ какою цѣлью. Но крестьяне, не слушали его, кричали:

— Не вѣримъ теперь мы тебѣ! ты скажешь намъ то, что тебѣ надо, а не то, что намъ нужно. Вышли вы у насъ изъ вѣры всѣ.

— Что вы смотрите на попа? Надо привязать его волосами за хвостъ къ лошади, да и поводить по улицамъ, чтобы поповадливѣе былъ раздался голосъ крестьянина Калмакова.

— Нѣтъ! отвѣчалъ другой. Лучше привяжемте за веревку, да по таскаемте по Міясу отъ берега къ берегу, чтобы выполаскался лучше вишь какой черный!

— Это въ вину поставится вамъ, а не мнѣ. Вы лучше ужь принесите толстую плаху, съ топоромъ, и отсѣките мнѣ голову. Вотъ тогда гласнѣе будетъ о вашомъ поступкѣ, и о моей участи узнаетъ не только Шадринскій уѣздъ, но и вся Россія[1]).

Народъ сталъ выходить на улицу изъ волости. Одинъ изъ крестьянъ велѣлъ отцу Василью идти домой. Но толпа остановила его и приказала ему прочитать ей распоряженіе министерства объ открытіи училища. Онъ повиновался безпрекословно. На пунктѣ, гдѣ говорится объ одеждѣ обучающихся мальчиковъ, крестьяне остановили его и дикими голосами завопили:

— Ты продалъ насъ Киселеву, отъ котораго указъ этотъ у тебя?

— Какъ же продалъ васъ я! Ну, для чего вотъ мучите вы собрата вашего Каргополова?

— За то, что онъ продалъ Каргопольское село.

— За что же Попова?

— Онъ продалъ деревню Тамакульскую.

На счетъ другихъ мужиковъ крестьяне говорили, что они тоже продали деревни: тотъ ту, другой другую, третій третью, и такъ далѣе.

— Когда такъ, то мнѣ-то что же вы оставили на продажу? заключилъ священникъ. Полноте-ко чинить глупости, уймитесь отъ проказъ,— вѣдь отвѣтъ давать придется горькій! Почто взводить напраслину и выдумывать то, чего нѣтъ, не было и не будетъ.

Слова эти, къ сожалѣнію, не пали на добрую почву и пропадали даромъ въ народѣ: толпа ихъ не слушала, Главный потокъ волненія казался, впрочемъ, нѣсколько слабѣющимъ, вслѣдствіе доходившихъ извнѣ слуховъ, которые не поощряли продолжавшихся безпорядковъ и не под-

[1]) Точныя слова изъ донесенія отца Константскаго Аркадію, архіепископу Пермскому и Верхотурскому.

тверждали существовавшихъ сомнѣній объ удѣлѣ. Отцу Константскому дозволено уйти домой, а вечеромъ того же дня четверо крестьянъ, пришедшихъ къ нему, просили даже его вступить по-прежнему въ служеніе по церкви; но онъ, по совѣту больнаго товарища отца Алексѣя Гедеонова, котораго была чередная недѣля служить, изволилъ исполнить ихъ просьбу. Отецъ Алексѣй не избѣгъ площадной кары наказанія и поплатился за то крѣпкимъ нездоровьемъ; отсутствіе церковной службы 13 и 14 апрѣля стало приводить Каргопольцевъ по-немногу къ самосознанію. Вечеромъ 14 апрѣля явилась къ отцу Константскому опять депутація съ просьбою о вступленіи въ служеніе. Онъ послушался на этотъ разъ убѣжденій депутатовъ, и служба его съ тѣхъ поръ возстановилась.

Въ Бакланскомъ обществѣ, Каргопольской волости, безпорядки возбуждены были выѣхавшими изъ села Батуринскаго крестьянами деревни Долгой, наэлектризовавшимися тамъ вредными примѣрами. Здѣсь схватили они 9 апрѣля сельскаго старшину въ домѣ его, въ деревнѣ Жарниковой, смежной съ деревнею Русаковою, и связаннаго увели пѣшкомъ къ расправѣ въ село Бакланское, гдѣ требовали отъ него бумагъ объ удѣлѣ и тиранили побоями и водою. Писарь успѣлъ раньше выѣхать въ Шадрипскъ, гдѣ и остался во всякомъ благополучіи до конца волненій.

Старшину, послѣ непродолжительнаго отдыха, повели въ Каргопольскую слободу связаннаго руками назадъ, въ сопровожденіи двухъ всадниковъ, которые держались за концы веревки, обмотанной вокругъ тѣла старшины и вели его не столько дорогою, сколько стороною, по грязямъ и лывамъ (лужамъ), пристегивая нерѣдко его и лошадей своихъ плетьми, имѣвшимися въ ихъ рукахъ. Въ слободѣ били его жестоко, привязывали многократно къ столбу, обливали водою и рвали волосы и бороду. Наконецъ двое грамотѣевъ, вышедъ изъ волости съ какими-то бумагами, громогласно заявили толпѣ:

— Бумаги писали и приказали Бакланскаго старшину за утайку дѣлъ лишить жизни.

Нашлись тотчасъ и исполнители, готовые на всѣ крайности. Старшину бросили съ береговой плотины въ рѣку Міясъ и держали въ ней столь долго, пока онъ не потерялъ сознанія и сдѣлался безъ чувствъ; тогда только увели его сперва въ волость, а потомъ отправили въ село Бакланское и держали тамъ въ управѣ, подъ поручительствомъ какого-то крестьянина, до 14 апрѣля. Съ 14 по 22 апрѣля переводили его постоянно изъ одной деревни въ другую и только 22 числа былъ высвобожденъ онъ изъ рукъ тираповъ, по распоряженію волостнаго правленія, возстановленнаго въ своихъ дѣйствіяхъ высшею властью.

Въ то же время обливали апрѣльскою водою помощника сельскаго писаря Михайла Кузнецова, мальчика еще по годамъ, который худо и понималъ, въ чемъ дѣло и за что его мучатъ.

Бакланскій причтъ не могъ тоже оставаться безучастнымъ зрителемъ совершающихся въ глазахъ его событій. Одинъ изъ священниковъ, по имени Василій Богомоловъ, ѣхавши въ деревню Одину 9 апрѣля, встрѣтилъ по дорогѣ партію крестьянъ, человѣкъ въ пятнадцать, которыхъ остановилъ и спросилъ:

— Куда вы поѣхали?

— Поѣхали искать конца, отвѣтили они. Говорятъ, давно числимся мы подъ барином, а дѣла ни какого не знаемъ по сіе время.

— Не лучше ли вовсе не ѣздить вамъ? Вѣдь это молва пустая, праздная.

— Воротись лучше и ты съ нами, батюшка! да поговори съ міромъ на общей сходкѣ

Черезъ нѣсколько часовъ явился къ Богомолову выборный (старшій десятникъ), съ требованіемъ его на міръ, въ управу. Тамъ встрѣтилъ онъ шумный говоръ крестьянъ, объяснившихъ ему, что у окружнаго начальника найдены дѣла, по которымъ всѣ они состоятъ нынѣ подъ господиномъ, а продали ему «ихъ господа» —писари да попы. Отецъ Богомоловъ, ревнуя о правдѣ и пользѣ крестьянъ, старался всѣми силами уговорить ихъ и убѣдить, чтобы не вѣрили праздной молвѣ, грубо обманывающей ихъ, указывая притомъ на послѣдствія подобнаго бунта въ уѣздѣ Камышловскомъ въ 1842 году, гдѣ виновники и зачинщики тяжко пострадали и жестоко наказаны. Но народъ слушалъ неохотно и глядѣлъ на священника съ недовѣріемъ.

Поутру, на другій день (10 апрѣля) отецъ Василій Богомоловъ сдужилъ утрени, впродолженіе которой сохранялась предстоящими тишина и спокойствіе. Только послѣ утрени партія крестьянъ заняла его разнородными разсросами, приправленными уже притязательностью и грубостью. Потомъ увела его съ насмѣшками и бранью къ управѣ, къ собравшемуся народу, гдѣ въ это время терпѣлъ истязанія сотскій Кирьяковъ. Онъ, увидѣвъ священника, спросилъ его о двухъ пакетахъ, привезенныхъ имъ въ февралѣ отъ становаго пристава.

— Продалъ, вѣдь, опъ за-одно съ писарями да господами міръ «подъ барина», кричалъ крестьянинъ Лундинъ

— И дѣла сожегъ, когда общество поднялось, поддакивали голоса, Сожегъ въ Великій четвертокъ въ алтарѣ, когда вносилъ туда жаровню съ жаромъ.

— Смотрите, вотъ билеты, продолжали другіе голоса, Одинъ -старый, другій—новый: въ одномъ называютъ мужика государственнымъ крестьяниномъ, а въ другомъ—казеннымъ. Значитъ, міръ проданъ, коли разница въ названіяхъ.

— Это все равно, отвѣчалъ имъ священникъ. Въ доказательство же непринадлежности вашей къ господину, я покажу вамъ церковную роспись, въ которой вы именуетесь не господскими и не удѣльными, а государственными.

Показанная вслѣдъ за симъ роспись не удовлетворила народъ, который запальчиво кричалъ:

— Прежде точно писались государственными, а теперь будемъ писаться господскими. Это старая роспись, пусть покажетъ новую: въ ней и видно, что написано.

— Роспись одна, и другой никакой нѣтъ.

— Не вѣрьте ни чему, обманъ идетъ, проданы всѣ мы съ головы на голову. Надо обыскать церковь: не хранятся ли въ ней дѣла?

— Обыскать, обыскать! раздалось въ толпѣ.

И партія въ нѣсколько человѣкъ, отдѣлившись отъ толпы, пошла съ о. Василіемъ Богомоловымъ во храмъ. Здѣсь былъ осмотрѣнъ самый престолъ въ алтарѣ, огляженный снаружи и внутри. Отецъ Василій сыпалъ энергическіе укоры и попреки оскорбителямъ святыни, дерзнувшимъ прикоснуться къ скиніи Новаго Завѣта, вопреки религіознымъ установленіямъ; но слова его оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Литургія въ этотъ день еще не начиналась. Священникъ напомнилъ объ этомъ сопровождавшимъ его прихожанамъ, и они согласились оставить его въ церкви. Въ половинѣ дня окружилъ церковь караулъ, содержавшійся послѣ того до двухъ недѣль. Между тѣмъ, по деревнямъ разнесена повѣстка всѣмъ крестьянамъ и крестьянкамъ—не ходить къ службѣ въ день Свѣтлаго Воскресенія, потому собственно, что въ этотъ день приходящіе должны будутъ принять присягу «подъ барина». Вечеромъ въ субботу (10-го апрѣля) со слезами и радостью крестьяне извѣстили причтъ, что хотя они и не дали имъ дѣлъ объ удѣлѣ, но таковыя найдены «съ Божіею помощью» въ Каргопольской волости, и что дѣлъ оттуда привезено сюда мѣшка два. Священникъ, смекнувши, что это должна быть «Земледѣльческая газета», на которую крестьяне обращаютъ особенное вниманіе, просилъ у нихъ посмотрѣть ее.

— Завтра! отвѣтили они грубо и насмѣшливо.

Въ первый день Пасхи заутреню отправляли церковники одни безъ участія прихожанъ. Вожакъ волненія крестьянинъ Лундинъ гонялъ въ это время по деревнямъ съ палкою въ рукахъ и высылалъ людей къ церкви вязать попова. Въ обѣдню дѣйствительно хлынула большая толпа крестьянъ и на слова священника «Христосъ Воскресе» хранила гробовое молчаніе, не отвѣчая обычнымъ: «воистинну воскресе». Ко кресту ни кто не подходилъ, а слышался только отвѣтъ такого рода: «это не наше дѣло»! Затѣмъ поднялся шумъ и крикъ въ толпѣ.

— Міропродавцы попы! раздались голоса. Отдайте намъ Киселевскія дѣла и царскій указъ, съ золотою строчкою на золотообрѣзной бумагѣ, съ четырьмя гербами на углахъ; добромъ не отдасте, по неволѣ отдадите!

Послѣдняя угроза не пропала даромъ. Священникъ Аоанасій Константскій и дьячекъ Коневъ были жертвами народной ярости. Та же участь

ждала и другаго священника—Богомолова, который приведенъ былъ уже къ столбу, для привязи рядомъ съ другими. Съ него уже сорвана была ряса и подрясникъ; но пытка была отложена Рѣшили вести всѣхъ ихъ на главный пунктъ сборища—въ село Каргопольское, гдѣ міръ какъ хочетъ, такъ пусть и судитъ ихъ. Толпа двинулась въ шумномъ безпорядкѣ; арестованные подвергались впродолженіи всего пути насмѣшкамъ и циничеcкой бранн. На половинѣ дороги встрѣтился гонецъ изъ волости, который велѣлъ толпѣ вернуться назадъ въ Баклапское село, гдѣ крестьяне вторично обыскивали церковь и дома церковниковъ,—и, разумѣется, ничего не нашли. Только въ Свѣтлый Четвертокъ прекратились волненія между крестьянами, и причтъ вполнѣ могъ успокоиться и вступить въ отправленіе своихъ обязанностей. Грабительства и похищенія ни въ церкви, ни въ домахъ церковниковъ сдѣлано не было, и имущество ихъ осталось неприкосновеннымъ.

Въ Устьмянскомъ обществѣ, Каргопольской волости, началось безчинніе съ дьякона Конторскаго. Онъ, взволнованный молвою о намѣреніяхъ крестьянъ тѣснить причетниковъ, пошелъ 10 апрѣля въ домъ ко священнику Никанору Гедеонову, гдѣ думалъ отсидѣться отъ возмутившихся вмѣстѣ съ отцемъ Никаноромъ. Толпа у управы была уже многолюдна. Это происходило въ самые полдни. Нѣсколько человѣкъ шумно окружили домъ священника, съ крикомъ и свистомъ:

— Держи, лови, хватай, имай.

Это означало погоню за дьякономъ, подсмотрѣннымъ на переходѣ. Священникъ спросилъ сквозь двери:

— Что вамъ надо?

— Дьяконъ къ тебѣ убѣжалъ и заперся, отвѣчали крестьяне. А онъ имѣетъ у себя дѣло и указъ о поступленіи насъ подъ барина, то и желаемъ съ нимъ поговорить.

— Не выдамъ вамъ дьякона, и не пущу никого изъ васъ, ступайте прочь!

— Что такъ строго, отецъ Никаноръ? Вѣдь мы требуемъ законно. Если правъ ты, или дьяконъ, то не для чего прятаться и запираться отъ насъ.

— Вы вѣрите ложнымъ слухамъ и поступать намѣрены дерзко, безъ всякихъ законныхъ основаній; а потому прошу васъ напередъ одуматься, образумиться, и тогда можемъ поговорить мы добрымъ порядкомъ, безъ всякаго шума и гама.

— Отопри и выйди самъ изъ дома, а то весь домъ разбросаемъ по бревну!

Дальнѣйшія увѣщанія священника не дѣйствовали на крестьянъ. Одни ломились въ двери, а другіе отдирали у дома кровельный тесъ. Дьяконъ не вытерпѣлъ, и вышелъ изъ дома священника, по совѣту послѣдняго.

— Что вамъ нужно отъ меня, спросилъ онъ крестьянъ. Для чего бѣжали вы за мною, какъ за разбойникомъ?

— Подай дѣла, какія ты принесъ сюда, кричали они съ дерзостью. Подай ихъ! Ты подписалъ насъ подъ барина! Міропродавецъ ты, измѣнщикъ! деньги большія взялъ за насъ!

— Держите его, не отпускайте!

— Попа обыскать надо.

Обыскъ произведенъ былъ самый тщательный и внимательный, хотя и безуспѣшный. Потомъ священникъ уведенъ обыскателями къ управѣ съ восклицаніями:

— Ступай и ты, отецъ, въ волость и тебя надобно поморозить вмѣстѣ съ дьякономъ: у васъ вѣдь все за-одно дѣлается.

— За-одно-то за-одно дѣлается, да дѣлается-то вѣдь не по человѣческому, а ради наживы одной. Ради наживы отца роднаго продать готовы, за мать не постоятъ. Шуточное ли дѣло, поднять руки на міръ, крестьянскій! А подняли вѣдь и бросили, какъ стадо барановъ, не боясь Бога, не стыдясь людей!

Дорогою священникъ попытался отпроситься у крестьянъ въ церковь, чтобы зайти въ нее не надолго. Они ему дозволили. А вслѣдъ за нимъ туда же сошлись и прочія духовныя лица и дьяконъ Конторскій, успѣвшій выскользнуть изъ толпы. Здѣсь облачившись въ ризы, открыли они крестный ходъ по селу Устьміясскому, съ иконами, хоругвями и колокольнымъ звономъ: посреди селенія служили они молебенъ и принимали ко кресту народъ, окропляя его святою водой. Отсюда разошлись одни изъ прихожанъ по домамъ, а другіе остались въ толпѣ. По возвращеніи крестнаго хода въ церковь, двери церковныя были заперты на запоръ, и ночь проведена въ ней въ приготовленіяхъ къ служенію на завтрашній день, какъ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Заутреня отправлена при маломъ стеченіи молельщиковъ, за замкнутыми дверями: съ вечера еще, выборный, обѣгавъ домы жителей, далъ приказаніе исходить въ праздникъ въ церковь, гдѣ будетъ тогда даваться имъ присяга подъ барина. А обѣдня начата и кончена вовсе безъ звона, такъ какъ надобности въ томъ не предстояло, по мнѣнію священниковъ. Отсутствіе звона наводило грусть и уныніе на праздничный ликъ Пасхи, столь торжественный и радостный въ другое время. У всѣхъ на умѣ была «завороха». Вмѣсто обычнаго ликованья, только шумѣли и ревѣли внѣ церкви, домогаясь отмыкнутія дверей ея, чтобы добраться до церковниковъ.

— Пропускайте, пропускайте! вопили голоса съ паперти. А то всю церковь по кирпичику раскидаемъ!

Церковный староста пытался-было вразумить народъ въ его безразсудномъ посягательствѣ на храмъ Божій, но слова его не имѣли силы и оставались пустыми. Болѣе отважные кричали:

— Отпирайте лучше, а то выбьемъ и двери, и окна!

— Намъ не церковь нужна, а нуженъ притъ, который продалъ насъ барину и утаилъ дѣла.

— Правые люди не прячутся и не сидятъ за запоромъ, а наши попы, какъ виноватые, и засѣли въ церковь, чтобы Бога и людей обмануть. Нѣтъ! Міръ не станетъ больше терпѣть! Будетъ,—потерпѣли!

— Попили мірскую кровь, пора и свою подставлять.

— Только вѣдь у насъ людей міроѣдовъ, что попы, да писари, да господа! Куда не повернись, вездѣ они—хватаютъ, глотаютъ да хапаютъ! Конца нѣтъ оборамъ да сборамъ!

Чтобы не сдѣлать церковь ареною кощунства, священникъ велѣлъ отомкнуть двери. Вошла толпа съ шумомъ и необычайнымъ гвалтомъ.

— По чьему распоряженію пришли вы въ церковь? спросилъ одинъ изъ церковниковъ.

— Я главный начальникъ! съ отвагою и дерзко отвѣтилъ крестьянинъ Харинъ.

Добраго обѣщалось мало. Никакимъ увѣреніямъ, никакимъ убѣжденіямъ, даже самымъ клятвеннымъ, крестьяне не вѣрили и не внимали. Церковники, чтобы оградить себя сколько нибудь отъ дурныхъ послѣдствій, вошли въ алтарь и облачились въ ризы; но Харинъ, съ приверженцами, ставъ въ непочтительную позу противъ царскихъ вратъ, кричалъ:

— Скидайте одежды и выходите вонъ изъ алтаря! Не думайте пробыть въ немъ цѣлыми и безгрѣшными, а то мы и сами войдемъ въ алтарь, раздѣнемъ и выведемъ васъ.

— Не отсидитесь подъ ризами: ризы вѣдь даны вамъ не міръ продавать, а Богу молиться. Только то-ли вы дѣлаете?!

Народа прибавилось отъ нахлынувшей вновь толпы, и нѣкоторые стали уже смѣло входить въ алтарь.

— Скидайте ризы и выходите изъ алтаря! насатривали крестьяне.

— Скидайте саваны и выходите вонъ, коли велятъ по добру, по здорову, сказалъ, возвысивъ голосъ крестьянинъ А. Каргополовъ.

Алтарь становился беззащитнымъ, и священники принуждены были разоблачиться. Мало того: крикуны выпудили ихъ снять одежды съ престола и жертвенника для осмотра и отысканія подъ ними «удѣльныхъ» бумагъ. Потомъ, выведя ихъ изъ церкви, разсадили на подводы и повезли насильно въ Каргопольскую слободу. Дорогою крестьянинъ Кочинъ убѣждалъ одного священника, съ которымъ сидѣлъ рядомъ, выдать народу указъ о баринѣ.

— Отдай! сказалъ онъ, отдай дѣла міру, и міръ тебя помилуетъ!

— Какія же дѣла я отдамъ, когда ихъ нѣтъ вовсе? возразилъ священникъ

— Вотъ морозить станутъ водою, такъ скажешь тогда. Нѣтъ! вода-

то нынѣ не свой братъ, —пройметъ и языкъ разшевелитъ. Сказалъ бы безъ всякихъ хлопотъ обществу объ указѣ, и гораздо было бы тебѣ лучше.

Въ селѣ Каргопольскомъ окружила ихъ многолюдная толпа и, тѣсня, требовала настойчиво выдачи дѣлъ, угрожая въ противномъ случаѣ пытками и мученіями, чему явственнымъ примѣромъ представлялся Каргопольскій священникъ Василій Константскій. Вскорѣ участь его раздѣлилъ и дьяконъ Конторскій. А Никанора Гедеонова сжалившійся прихожанинъ увелъ въ зданіе волости. Но и тамъ не укрылся онъ отъ угрозъ и притѣсненій. Крестьянинъ Андрей Мартьяновъ, вошедшій съ азартомъ и помутившимися отъ ярости глазами, свирѣпо говорилъ:

- Тащить его надо ко столбу! что на него смотрѣть!

— Отдай дѣла! повторяли другіе, отдай, либо скажи, гдѣ они? А если не скажешь, то смотри вонъ на дьякона: тебѣ тоже будетъ!

Дьякона въ это время обливали водою у столба и морозили Онъ въ безпамятствѣ отъ холода и боли, кричалъ дикимъ голосомъ, раздирающимъ душу. Между тѣмъ обливавшій его мужикъ, пеистовый и безсердечный, щелкая зубами, произносилъ: «съѣмъ! съѣмъ!»

— Скажи дѣла? приставали къ Гедеонову крестьяне, либо покажи на дьякона, что онъ сжегъ ихъ.

— Не знаю я ни какихъ дѣлъ, нѣтъ ихъ и не было, отвѣчалъ рѣшительно о. Никаноръ.

— Вести надо его на улицу, что ему вѣрить?!

И съ этими словами вывели его изъ волости, раздѣли до рубища, потомъ велѣли одѣться и опять раздѣться, повторяя это нѣсколько разъ, съ приговоркою: «надобно, надобно поморозить его!» Сцена эта отзывалась насмѣшкою, и глумящіеся крестьяне хохотали. Послѣ того Гедеоновъ былъ отправленъ съ товарищами обратно въ село Устьмѣзское за карауломъ, гдѣ обыскали домы ихъ и осмотрѣли дѣла церковныя, хранящіяся въ церковномъ архивѣ. Мучитель дьякона, щелкавшій зубами, со словами «съѣмъ!», былъ здѣсь главнымъ вожакомъ обысковъ и дерзнулъ не только войти въ алтарь, но и осмотрѣть подъ престоломъ и жертвенникомъ, понудивъ предварительно молодаго священника Алексѣя Третьякова снять съ нихъ одежды. Послѣ тщетныхъ поисковъ, церковники были опять увезены въ Каргопольскую слободу, гдѣ крестьяне не переставали требовать отъ нихъ бумагъ и указовъ, а причетниковъ Арефьева и Шельгина привязывали къ столбу, обливали холодною водою и заводили на веревкахъ въ рѣку Мѣсъ по самыя плечи, домогаясь одними и тѣми же бумагъ Въ заключеніе взяли отъ всѣхъ нихъ подписки въ томъ, что бумагъ дѣйствительно у нихъ не имѣется, и что они искать за оскорбленія и обиды, нанесенныя имъ крестьянами, не будутъ. Только тогда освободили ихъ и пустили по домамъ, съ предупрежденіемъ и внушеніемъ жить на будущее время съ міромъ по христіански, а не

по-господски и не по-писарски. Въ церкви не оказалось послѣ въ бумагахъ архива одного незначительнаго свѣдѣнія и нѣсколькихъ книгъ.

IV.

Село Мѣхонское—Мѣры предупрежденія.—Писарь Тугозвоновъ.—Волненія въ волостяхъ Бѣлоярской и Уксянской.

Въ Мѣхонской волости церковная скужба и исправленіе требъ не встрѣчали никакихъ препятствій со стороны прихожанъ; равно ни обидъ, ни оскорбленій, ни даже угрозъ не было сдѣлано духовенству. Но были основанія къ опасеніямъ, потому-что слухи и толки о волненіяхъ проникали сюда изъ сопредѣльной Каргопольской волости, не смотря на преноны къ сношеніямъ чрезъ рѣку Исеть, находившуюся тогда въ разливѣ. Переправа черезъ рѣку Исеть могла производиться въ это время одною только лодкою значительнаго размѣра, существовавшею на общественный счетъ, которую, для прекращенія всякихъ вредныхъ сообщеній, писарь Тугозвоновъ распорядился затопить, съ учрежденіемъ при ней безсмѣннаго караула для того, чтобы безъ вѣдома мѣстнаго начальства ни кто не могъ ею воспользоваться. Мѣхонское село расположено на лѣвомъ берегу рѣки Исети, а на правомъ лежатъ деревни Мурзина, Бахарева и другія, въ которыхъ тѣмъ же писаремъ были учреждены сторожевые посты для наблюденія за непропускомъ и проѣздомъ оттуда въ Мѣхонскую слободу. Недобрыхъ вѣяній и вліяній боялись именно изъ зарѣчной стороны, какъ стороны безпокойной и волнующейся. Но прекратить частные переѣзды или вообще прервать всякаго рода сношенія и сообщенія одного берега съ другимъ не было возможности, и потому мелкія ладьи, боты и лодочки, составляющія собственность частныхъ лицъ, плавали постоянно по струямъ Исети отъ одного селенія къ другому и перевозили пассажировъ, а съ ними вмѣстѣ и слухи и извѣстія всякаго рода о развившихся по-за Исетью и на Міясѣ безпорядкахъ. Подобные слухи, какъ и всегда, неимѣющіе смысла, гораздо легче воспринимаются безтолковыми головами, и не только быстро и скоро расходятся между ними, но и возбуждаютъ ихъ къ подражанію и соревнованію. Такъ случилось на этотъ разъ и съ Мѣхонцами, показавшими спервоначала признаки и готовность къ противодѣйствію и неповиновенію мѣстному начальству, заподозрѣнному ими въ обманѣ и подлогѣ на счетъ мнимой продажи ихъ какому-то «барину», неизвѣстному еще тузем ному міру.

Первый шагъ къ открытому ослушанію противъ приказаній начальства выразился со стороны крестьянъ въ отказѣ дать сторожа для затопленной общественной лодки, которую вслѣдъ затѣмъ вытащили они изъ воды, вопреки сопротивленію перевозчиковъ, и открыли на ней сво-

бодный переѣздъ черезъ рѣку Иссть 12 апрѣля. Вторичное затопленіе лодки тоже было безуспѣшно, потому что Мѣхонцы нетолько вытащили ея изъ рѣки, но, плавая на ней по волнамъ Исети, въ насмѣшку властямъ шумѣли еще, галдѣли и громко пѣли пѣсни грязнаго свойства. Такій духъ мало обѣщалъ добраго. И дѣйствительно: духъ неповиновенія торжественно проявился 15 апрѣля во время большой сходки не менѣе 500 человѣкъ изъ разныхъ деревень къ волости, гдѣ завели они открытый и крупный разговоръ о лишеніи жизни писарей Тугозвонова и Бекрѣева, людей не изъ робкаго десятка. Это серьезно встревожило послѣднихъ и невольно побудило ихъ укрыться на время отъ народной ярости. На другій день сборище увеличилось и избрало новаго голову и новаго писаря, вмѣсто старыхъ, признанныхъ неблагонадежными. Пока судили и рядили крестьяне, раздался по дорогѣ Шадринской звонъ колокольца, означавшій какого-то нежданнаго гостя. Это ѣхалъ оберъ-офицеръ корпуса жандармовъ—капитанъ Извѣковъ, командированный въ здѣшній уѣздъ изъ Перми. Толпа окружила его и закидала массою вопросовъ относительно продажи ея какому-то господину, съ настойчивымъ требованіемъ измѣнить существующій составъ новаго волостнаго и сельскаго начальства и учредить старую администрацію, къ которой общество привыкло и примѣнилось. Извѣковъ цѣлыхъ четыре часа толковалъ и внушалъ ей о ложности слуховъ и завѣрялъ при томъ, даже съ клятвою, обращаясь лицомъ къ церкви. Это успѣшно подѣйствовало на большинство крестьянъ: изъ нихъ многіе тотчасъ же разошлись по домамъ, безъ всякаго пререкословія и безъ особеннаго, повидимому, сомнѣнія, а другіе, напротивъ, остались на мѣстѣ до вечера.

17 апрѣля вышелъ изъ засады писарь Алексѣй Тугозвоновъ. Онъ, чтобы парализировать народную смуту, отважился на мѣру быструю и бойкую, съ принятіемъ дурныхъ послѣдствій ея, въ случаѣ неудачи, на свою личную отвѣтственность. Тугозвоновъ былъ человѣкъ находчивый и въ высшей степени краснобай-прибаутникъ, умѣвшій мастерски обращаться со всѣми и каждымъ, съ большими и малыми; за то и считался онъ въ мѣстномъ околоткѣ человѣкомъ стараго закала, дубовой отески и чисто Русской обдѣлки: при балагурно-игривомъ теченіи его рѣчи, онъ не могъ произнести ни одного слова безъ того, чтобы не употребить извѣстнаго грубаго, площадно-циническаго присловья, обратившагося у него въ натуру, въ привычку; не смотря на это, ни кто и никогда, однакожь, за подобное поведеніе на него не сердился и не жаловался, потому-что всякій Тугозвоновскій выкрюкъ носилъ отпечатокъ шутки, шелъ къ его физіономіи мимикѣ, соотвѣтствовалъ его пріемамъ и произносился имъ всегда кстати, ловко, мѣтко, къ случаю, къ слову, какъ говорится, и возбуждалъ только всегда и вездѣ взрывъ хохота, а ему сообщалъ кличку зубоскала и чудака. Тугозвоновъ былъ большій охотникъ и любитель говорить всякую пустяковину безъ умол-

ка, постоянно; но самъ не хохоталъ и не смѣялся, только слабо-слабо улыбался, тогда какъ другіе надрывались отъ смѣха, слушая его разсказни и прибаутки. Писарское званіе онъ принялъ, кажется, отъ нечего дѣлать; зато ни письмоводствомъ ни веденіемъ дѣлъ, ни распоряженіями, ни хозяйничаньемъ какимъ нибудь въ волости, по примѣру другихъ писарей, онъ рѣшительно не занимался, предоставляя первое помощникамъ его, а остальное выборнымъ начальникамъ, какъ и слѣдовало относительно послѣднихъ по закону. Оригинальный складъ и типъ выработалъ Тугозвоновъ изъ житейскаго опыта, которымъ по роду, и состоянію той среды, въ которой привелось ему вращаться, онъ былъ богатъ. Съ мужиками онъ былъ мужикъ и безконечный болтунъ, смѣшившій ихъ до упада, за что любили они его по-своему, и нетолько питали къ нему довѣріе и расположеніе за его искренность и дружелюбное обращеніе съ ними, но и ходили къ нему за совѣтами, въ которыхъ, разумѣется, не находили никогда отказа. Не былъ лишенъ онъ и свѣтлаго, самороднаго ума, обогащеннаго съ одной стороны жизненнымъ опытомъ, а съ другой—начитанностью; «книжками» онъ любилъ въ молодости много заниматься. Чиновниковъ уѣздныхъ и вообще начальствующихъ лицъ, стоящихъ во главѣ мѣстнаго управленія, любившихъ и посѣщавшихъ Тугозвонова, за игривый тонъ его шутливой рѣчи, онъ звалъ обыкновенно въ-глаза и за-глаза «отцами командирами», за что и они его въ отместки прозвали въ шуточномъ смыслѣ тоже отцомъ-командиромъ, выѣхавшимъ изъ Казани, гдѣ онъ былъ нѣкогда въ баталіонѣ военныхъ кантонистовъ, какъ солдатскій сынъ. Родила его солдатка въ Соликамскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, и потому онъ, какъ кантонистъ, былъ взятъ малолѣткомъ въ мѣстный батальонъ, гдѣ научили его первымъ началамъ грамотности и возвратили потомъ матери на пропитаніе, вслѣдствіе ходатайства ея о томъ, такъ какъ другихъ сыновей она не имѣла.

Біографическія черты изъ жизни Тугозвонова намъ случайно довелось почерпнуть изъ архивнаго любопытнаго дѣла о немъ въ Шадринскомъ уѣздномъ судѣ, производившагося въ 1750 году по поводу заявленія Осипскаго мѣщанина Попова, судившагося за захватъ 471 р. 36 к., принадлежащихъ бывшему казанскому управленію Шадринскихъ питейныхъ сборовъ, и по рѣшенію сената лишеннаго за это всѣхъ особенныхъ, личныхъ и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ. Заявленіе это было сдѣлано Поповымъ изъ Пермскихъ арестантскихъ ротъ: будто бы у Тугозвонова есть хищническое золото въ крупинахъ и вещахъ, неимѣющихъ клейма, вѣсомъ до двухъ фунтовъ. По обыску произведенному вслѣдствіе этого доноса губернаторскимъ чиновникомъ въ домѣ Тугозвонова, золота въ песчаномъ видѣ или слиткахъ, равно и инструмента для дѣланія золотыхъ вещей не найдено, а найдены въ подѣлкахъ разныя вещи, неимѣющіе клеймъ. Вещи эти, разумѣется, были отобраны отъ Тугозвонова, а самъ онъ брошенъ въ тюрьму, впредь

до рѣшенія дѣла, гдѣ онъ, потрясенный внезапною случайностью, такъ измѣнился нравственно и физически, что плакалъ какъ ребенокъ, и не только ослабѣлъ и изнемогъ до упадка духа, но и лишился голосъ съ головы, вылѣзшихъ у него отъ сильнаго горя втеченіе первыхъ же недѣль заключенія совершенно до-гола, а борода посѣдѣла. Въ оправданіяхъ своихъ Тугозвоновъ объяснилъ, между прочимъ, что если пріобрѣтеніе и употребленіе золотыхъ вещей въ домѣ крестьянина, жившаго въ деревни, можетъ представиться съ перваго взгляда страннымъ и почти неестественнымъ, то въ отношеніи къ Тугозвонову взглядъ этотъ долженъ измѣниться, потому что онъ жилъ въ разныхъ положеніяхъ въ обществѣ, а именно: въ 1802 опредѣленъ онъ былъ Пермскою казенною палатою во время казеннаго управленія питейными сборами помощникомъ Шадринскаго виннаго пристава, и въ этой должности находился до 1825 года; въ 1825 и 1826 состоялъ винторговцемъ при казенномъ управленіи; съ 1829 по 1830 служилъ въ Кондинской волости, Шадринскаго уѣзда, волостнымъ писаремъ; съ 1830 по 1835 г. служилъ повѣреннымъ въ Мѣхонской дистанціи отъ Шадринскаго питейнаго откупа; съ 1835 по 1839 годъ находился управляющимъ Минусинскимъ откупомъ, Енисейской губерніи, по довѣрію извѣстнаго откупщика-милліонера Д. Д. Пономарева, уроженца заштатнаго города Долматова, Пермской губерніи [1]), въ 1839 служилъ опять повѣреннымъ по Верхотурскому питейному округу, и съ 1840 года до дня катастрофы проходилъ должность писаря въ разныхъ волостяхъ по Шадринскому уѣзду. Въ первое время службы, хотя Тугозвоновъ былъ въ числѣ государственныхъ крестьянъ, но потомъ переписался въ купцы 3 гильдіи, и въ послѣднее уже время по измѣнившимся обстоятельствамъ перешелъ опять въ сословіе крестьянъ по Каргопольской волости, куда приписанъ онъ съ 1846 года. Домообзаводство же и осѣдлость имѣлъ онъ въ селѣ Мѣхонскомъ занимая тамъ большую усадьбу и держа въ оброкѣ Моховыя озера. Изъ такихъ перемѣнъ въ жизни своей Тугозвоновъ выводитъ заключеніе, что пріобрѣтеніе вещей, подобныхъ найденнымъ у него при обыскѣ, было ему доступно и легко возможно, тѣмъ болѣе, что вещи его были пріобрѣтены покупкою въ то время, когда обращеніе подобныхъ издѣлій производилось свободно и невозбранно, какъ въ Екатеринбургѣ, такъ и въ Сибири и по всей Пермской губерніи. Кромѣ того если допустить сомнѣніе въ правильности пріобрѣтенія отобранныхъ у Тугозвонова вещей, или подозрѣвать его въ какомъ-либо другомъ преступномъ дѣйствіи по отношенію къ нимъ, то подобному подозрѣнію на томъ же основаніи могутъ подвергнуться другія почтенныя лица, живущія въ разныхъ городахъ, и въ томъ числѣ въ Шадринскѣ и Екатеринбургѣ. Въ каждомъ почти старинномъ и зажиточномъ семействѣ найдет-

[1]) Онъ происходилъ изъ экономическихъ крестьянъ и былъ монастырскимъ служкою.

ся по нѣскольку золотыхъ неклейменныхъ вещей, пріобрѣтеніе которыхъ вплоть до 1840 года было такъ свободно и безпрепятственно, что каждый мастеровой безъ всякаго ограниченія могъ ихъ работать и продавать. Уѣздный судъ, однакожь, нашелъ основанія заподозрить Тугозвонова, и только благодаря Монаршей милости, подвелъ его подъ первый пунктъ манифеста 16 апрѣля 1841, а вещи рѣшилъ въ передѣлку на монету чрезъ Петербургскій монетный дворъ, съ лишеніемъ Тугозвонова права за вознагражденіе ихъ, такъ какъ онъ не предъявилъ ихъ въ свое время пробирной палатѣ. Но Пермская палата уголовнаго и гражданскаго суда, на ревизію которой восходило это рѣшеніе, не нашла основанія ни обвинить его, ни заподозрить въ преступномъ пріобрѣтеніи найденныхъ у него разныхъ золотыхъ вещей безъ клейма, по неимѣнію въ виду никакихъ къ тому доказательствъ, еще и потому, что большая часть этихъ вещей куплена женою его на ярмаркѣ въ 1839 году. И такъ, палата совершенно оправдала его, и вещи возвратила. Тугозвоновъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы и вновь поступилъ на службу, на которой оставался до своей смерти, случившейся въ 1856 году.

Вотъ этотъ-то Тугозвоновъ, вышедшій изъ засады во время пріѣзда въ село Мѣхонское жандармскаго оберъ-офицера Извѣкова, вздумалъ употребить къ прекращенію народнаго волненія въ своей волости такую мѣру, которая могла вполнѣ характеризовать пословицу: «либо панъ, либо палъ», то есть могла унять смуту сразу, во-время, не допуская до дальнѣйшаго развитія ея, или уничтожить самого Тугозвонова въ волнахъ ея теченія, если попытка его оказалась бы неудачею. Онъ 17 апрѣля, во время большаго сходбища крестьянъ, вытребовалъ сюда главнаго вожака волненія и тотчасъ же распорядился остричь ему половину головы и бороды и взять его подъ стражу,—что нетолько успѣшно было исполнено и оказалось цѣлесообразнымъ, отрезвляющимъ средствомъ, но обезоружило мужиковъ, такъ-что они сробѣвши повѣсили головы и опустили руки, не зная со стыда куда дѣваться. Другихъ зачинщиковъ точно также наскоро розыскали и забрали подъ караулъ, съ угрозою стричь и брить ихъ, если будутъ они сопротивляться. Такимъ образомъ было арестовано за-разъ болѣе 20 человѣкъ, и ни кто изъ нихъ не посмѣлъ оказать даже признаковъ ослушанія. Мужики стали расходиться сами собою, находя присутствіе свое здѣсь излишнимъ и толкуя дорогою между собою. «Тугозвоновъ, видно, правъ и міръ не продавалъ барину, когда дѣйствуетъ такъ смѣло и рѣшительно; въ противномъ случаѣ, поступить этакимъ манеромъ онъ не могъ бы отважится; стало быть, за себя онъ надѣется и къ барину ни чѣмъ не примарался». Запоздалыхъ, мужиковъ, шедшихъ еще къ волости, толпа ворочала домой, говоря имъ:

— Не ходите! нечего дѣлать, дѣло наше видно не правое: забрали которыхъ ужь ревуновъ въ руки и головы остригли, какъ колодникамъ.

Послѣ этого нетрудно было водворить порядокъ въ предѣлахъ Мѣхонской волости, возстановившійся тотчасъ же послѣ арестованія вожаковъ волненій, которые частью были заключены въ тюрьму, частью подвергнуты тѣлесному наказанію, и Тугозвоновъ по прежнему писарилъ въ Мѣхонской волости и по-прежнему каламбурилъ съ мужиками, досмерти любившими его за это.

За нѣсколько времени до своей кончины (въ 1856), Тугозвоновъ пожертвовалъ въ пользу бѣдныхъ, престарѣлыхъ и немущихъ—деревянный домъ, съ пристроями въ селѣ Мѣхонскомъ, для учрежденія богадѣльни. Но богадѣльня эта, однако, не основалась, и домъ его былъ проданъ крестьянскимъ обществомъ приходскому дьякону, а деньги употреблены ими на свои надобности; воля же жертвователя оставлена неисполненною и безъ вниманія.

V.

Волости Бѣлоярская и Уксянская.—Безпорядки въ нихъ и послѣдствія.

Можемъ перейти теперь въ противоположную сторону Шадринскаго уѣзда, въ юго-западную его полосу. Въ этой полосѣ, состоящей изъ пяти волостей: Бѣлоярской, Уксянской, Верхтечинской, Бродокалматской и Петропавловской, одновременно происходили точно такія же волненія между крестьянами за исключеніемъ Татарской Башкиріи, державшейся тогда на военной ногѣ, подъ управленіемъ капитанныхъ начальниковъ и военныхъ попечителей.

Первая ближайшая и прилегающая къ слободѣ Батуринской и къ городу Шадринску волость—Бѣлоярская, вторая—Уксянская. Мы видѣли уже начало сумятицы въ Песчано-Таволжанскомъ обществѣ (граничащемъ съ Челябинскими селеніями), принадлежащемъ къ чертѣ Бѣлоярской волости, гдѣ скопище крестьянъ, руководимое Челябинскими выходцами, вторглось въ сельское управленіе, пересмотрѣло и перевертѣло бумаги и архивъ, а старшину Буркова и писаря Бабицына било, привязывало къ огороду и обливало водою. Отсюда смутьянщики перешли и перевели начальниковъ своихъ въ слободу Бѣлоярскую, гдѣ 13 апрѣля, замкнувши церковныя двери замкомъ, потребовали на очи къ себѣ церковниковъ и церковнаго старосту, выкрикивая постоянно имъ укоризны въ продажѣ общества барину. А какъ старшій священникъ Лянустинъ находился въ это время дома, то явились къ нему съ позывомъ большая толпа крестьянъ, державшихъ въ кругу своемъ церковнаго старосту Павла Остапина и кричала:

— Попъ! выйди въ церковь и сейчасъ отдай намъ дѣла, въ которыхъ написаны сохи, бороны бедра и золотые челноки! А то—привяжемъ тебя волосами къ огороду.

Священникъ долженъ былъ повиноваться зову и пошелъ безпрекословно съ толпою въ церковь. Въ церкви перебрали крестьяне весь церковный архивъ, оглядѣли ризницу, обшарили всѣ шкафы и велѣли даже другому священнику Плотникову поднять евангеліе и ризы съ престола и жертвенника и осмотрѣть подъ ними,—что было исполнено послѣднимъ, изъ страха и боязни, какъ гласитъ донесеніе его архіерею Пермскому и Верхотурскому. Особенно настаивалъ объ осмотрѣ престола одинъ изъ вожаковъ—крестьянинъ Кулаковъ, неимѣвшій ни страха, ни совѣсти, ни благоговѣнія къ святости мѣста. Въ домахъ священниковъ и причетниковъ производились обыски для отысканія завѣтныхъ бумагъ, и были уведены у нихъ три лошади, возвращенныя уже въ послѣдствіи.

Послѣ молебна, отправленнаго духовенствомъ о избавленіи отъ насильственной смерти, когда священникъ вышелъ со крестомъ на амвонъ, Кулаковъ кричалъ:

— Не смѣйте ни кто подходить ко кресту! а кто подойдетъ, того морозить!

Угроза дѣйствовала на предстоящихъ: ко кресту разумѣется никто не подошелъ. Священника Ляпустина, по сказанію одного письменнаго источника, били и мучили мужики трое сутокъ. За то другіе члены причта сидѣли безвредно въ церкви за запоромъ, хотя и оберегались извнѣ постояннымъ карауломъ, вплоть до пріѣзда временнаго отдѣленія 16 апрѣля. Изъ должностныхъ лицъ подвергались истязаніямъ: смотритель магазина (вахтуръ) Осипъ Останинъ, сотскій Алексѣй Останинъ, и еще девять человѣкъ крестьянъ и одна крестьянка, которыхъ били жестоко и морозили безжалостно водою.

Въ Погадайскомъ селѣ, населенномъ исключительно единовѣрцами и раскольниками, толпа ихъ подошла 12 апрѣля къ церкви, послѣ утрени, и съ азартомъ кричала:

— Подайте намъ всѣ дѣла, какія имѣются въ церкви!

Когда же дѣла были вынесены и выложены на столъ въ церкви, вошелъ въ нее, съ обломкомъ оглобли, крестьянинъ Замятинъ и сказалъ:

— Несите дѣла на улицу.

Тогда столъ съ бумагами былъ вынесенъ на площадь, гдѣ крестьяне пересмотрѣвъ опять кричали:

— Подайте намъ тѣ дѣла, въ которыхъ записаны мы подъ господина!

На отвѣтъ причта, что такихъ дѣлъ у него нѣтъ и ни отъ кого объ этомъ онъ не слыхалъ,—крестьяне болѣе и болѣе ожесточались. Священникъ и служитель, озадаченные свирѣпымъ азартомъ толпы, протискались въ церковь, гдѣ, облачившись каждый въ соотвѣтственныя своему сану одежду, вышли опять на площадь съ евангеліемъ и крестомъ при благовѣстѣ въ одинъ колоколъ; цѣлуя слова евангелія и крестъ Спасителя, увѣряли они народъ, что дѣлъ ни какихъ болѣе нѣтъ, ни-

чего они не знаютъ о нихъ и о барине. По булнъ Замятинъ (по имени Иванъ) кричалъ церковникамъ:

— Спасаетъ васъ теперь только одежда, а послѣ вамъ не то будетъ! Дьячку же Малыгину [1]) кишки всѣ вымотаемъ.

Затѣмъ, напумѣвшись до-сыта, крестьяне разошлись-таки по домамъ.

На другій день, послѣ вечерни, двое пріѣзжихъ всадниковъ пришли къ церкви, въ сопровожденіи многихъ другихъ, и вывели изъ нея священника Кондрата Кстова, съ тѣмъ, чтобы больше ему не служить, требъ не исправлять, а церковь запереть и запечатать. Вечеромъ, когда священникъ вышелъ изъ дома, двое всадниковъ остановили его, изъ которыхъ одинъ, сидя верхомъ на лошади, замахнулся на него плетью и, схвативъ его за руку, потащилъ за собою къ дому, матерно ругая его съ попадьею вмѣстѣ; потомъ, созвавъ другихъ, намѣревались морозить его и приковать къ стѣнѣ. Добрые совѣты прихожанъ Торопова и Ляхова, обращенные къ бунтовщикамъ, спасли священника. 14 апрѣля тѣ же крестьяне, пришедъ въ домъ ко священнику, обносили жену его бранью, требовали какихъ-то дѣлъ и хотѣли морозить ее въ рѣчкѣ Погадайкѣ; но, видя двухъ младенцевъ, плачущихъ на рукахъ ея, остановились исполнить злое намѣреніе свое, а вошедши въ горницу, сорвали со стѣнъ картины, разбили много посуды и утащили сундукъ, въ которомъ хранились деньги 50 рублей ассигнаціями, составленная грамота и прочія бумаги и книги [2]).

Въ Уксянскую слободу безпорядки перешли изъ слободы Батуринской, во время возвращенія Уксянскихъ крестьянъ оттуда 8 и 9 апрѣля. Слухи объ удѣлѣ, распространившіеся съ быстротою вѣтра изъ устъ въ уста, считались достовѣрными и не порождали ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ основательности. Многіе утвердительно говорили:

— Проглазопучили глаза-те старики—старые псы! Вѣдь всѣ ушли подъ барина [3])!

10-го апрѣля можно было, по многимъ признакамъ, видѣть, что на горизонтъ Уксянскій собралось много тучъ, готовыхъ ежеминутно разразиться. Два крестьянина изъ деревни Лебяжской, Петропавловско-Татарскаго общества, прискакавшіе рано поутру въ сосѣднюю съ селомъ Уксянскимъ деревню Любимову (иначе—Голухина), привезли туда множество нелѣпыхъ толковъ и совѣтовали крестьянамъ немедленно начать бунтъ, для отвращенія палегающей на нихъ бѣды отъ барина,

---

[1]) Малыгинъ (какъ и попъ Кондратій) происходилъ изъ крестьянъ-раскольниковъ, и въ пятидесятыхъ годахъ былъ найденъ убитымъ въШадринскѣ, вблизи тамошней единовѣрческой церкви.

[2]) Изъ отношенія Аркадія, архіепископа Пермскаго, начальнику губерніи.

[3]) Изъ черновыхъ отмѣтокъ противъ бунтовавшихъ крестьянъ въ регистрѣ Уксянскаго волостнаго правленія.

поповъ, писарей и господъ [1]). Пашлись переметчики, сообщившіе объ этомъ Уксянцамъ, а Уксянцы сказали о недобрыхъ слухахъ мѣстнымъ священникамъ Василію и Саввѣ Шепнымъ, которые, не тратя напрасно времени и желая предупредить зло въ корнѣ, тотчасъ открыли въ деревню Любизову крестный ходъ, со святыми иконами, при колокольномъ звонѣ, гдѣ, послѣ отправленія молебствія въ часовнѣ, собравшимся крестьянамъ было дано отцомъ Саввою словесное наставленіе о предохраненіи себя отъ мятежа и дурныхъ его послѣдствій. На возвратномъ шествіи, при входѣ процессіи въ село Уксянское, священники увидѣли большее стеченіе народа у кабака и волости, расположенныхъ одинъ противъ другой, черезъ улицу,—почему и направился съ крестнымъ ходомъ туда, для богослуженія и ослабленія безпорядковъ. Шумъ несся самый оглушительный на встрѣчу крестному ходу; говоръ и крикъ стоялъ всеобщій. Отецъ Савва объяснилъ собравшимся здѣсь крестьянамъ всѣ худыя послѣдствія, могущія постигнуть ихъ за безпорядки, и совѣтовалъ имъ производить поиски или розыски, если таковыхъ они желаютъ, о несуществующемъ удѣлѣ и о мнимомъ барипѣ, спокойно и хладнокровно, путемъ обыкновеннымъ, путемъ законнымъ; слухамъ же, разошедшимся въ преувеличенной мѣрѣ, какъ безосновательнымъ и ложнымъ, не вѣрить и ходу преступнымъ фантазіямъ, разгулявшимся подъ внѣшними впечатлѣніями, не давать; въ противномъ случаѣ, все общество попадетъ въ пагубу и въ большее несчастіе. Въ доказательство своихъ словъ, онъ крестился, клялся и представлялъ во свидѣтели все священное, что могло только имѣть силу надъ отуманенными мозгами волновавшихся крестьянъ. Мало того: онъ далъ, по требованію толпы, подписку на гербовомъ листѣ, выпесенномъ изъ волости, о непринадлежности крестьянъ къ удѣлу, или къ господину. Результатомъ этого было временное затишье, нарушенное лишь внезапнымъ появленіемъ въ среду народа унтеръ-офицера Алексѣя Маленькихъ, имѣвшаго на груди до шести знаковъ военныхъ отличій, который дерзко сказалъ священнику Саввѣ Шепну: «дѣйствительно всѣ крестьяне проданы барину, и что онъ, Савва, объ этомъ знаетъ, но міру не сказываетъ и міръ обманываетъ; воинскою же командою стращаетъ о. Савва мужиковъ напрасно, потомучто они, солдаты, пособямъ мужикамъ, и команды де той не боятся: сами де мы того поля ягоды». Волненіе въ толпѣ, вслѣдствіе поджигательныхъ словъ унтеръ-офицера, стало возобновляться съ явною наклонностью къ насиліямъ противъ сельскихъ властей и духовенства.

Видя недовѣріе, священники окружили нѣкоторыхъ изъ должност-

---

[1]) Свѣдѣнія объ Уксянскихъ безпорядкахъ заимствованы, сверхъ сказаній очевидцевъ и старожиловъ, частью изъ двухъ отношеній Пермскаго архіерея начальнику губерніи (отъ 8 іюля 1843, №№ 5472 и 5473) и частью изъ отдѣльныхъ объясненій членовъ причта, поданныхъ ими въ Уксянское волостное правленіе.

ныхъ лицъ (голову, засѣдателя и другихъ) и пошли съ крестнымъ ходомъ въ церковь. Вслѣдъ имъ сыпались ругательства и неслись вопли.

— Почто попа отпущаете? Надобно и крестъ изъ рукъ его вырвать и бить его [2]).

Во время литургіи, толпившійся у волости народъ нанесъ побои сельскому старшинѣ, который былъ привязанъ для этой операціи къ огороду. Десятники между тѣмъ, обѣгали домы жителей и дали приказъ такой, чтобы никто не ходилъ къ службѣ въ церковь: ни въ Великій четвергъ, ни въ пятницу, ни въ субботу, ни въ первый день Пасхи. Свѣтлое Воскресеніе прошло спокойно, и безпорядковъ особенныхъ не было, кромѣ сборищъ и скопищъ. Въ церкви, за службою, народа было довольно, и священникомъ Саввою сказано было поученіе. На вторый день, въ понедѣльникъ, послѣ богослуженія, толпы народа, небывшаго въ церкви, и съ разныхъ деревень и мѣстъ начали стягиваться въ одну обширную массу къ волости. Священники (два брата) Шепны, дьячекъ Тороповъ и нѣкоторые изъ крестьянъ и сельскихъ начальниковъ поспѣшили перебраться въ храмъ, запертый изнутри, который на-скоро былъ обступленъ волнующимися крестьянами, по распоряженію вышеупомянутаго солдата Малепькихъ. На ночь, для охраны церкви, было поставлено въ караулъ къ ней съ кольями и дубинами не менѣе 70 человѣкъ.

13 апрѣля начались междоусобія и драки между крестьянами и была подана отъ нихъ въ церковное окно записка, съ требованіемъ выдачи «незаконныхъ» бумагъ и выхода изъ церкви священноцерковнослужителей и начальниковъ. Но получивъ на эту записку записку же, которою крестьяне призывались къ порядку и спокойствію,—зачинщики волненій взялись за находившихся у нихъ подъ стражею дьякона Якова Торопова и дьячка Крутиховскаго и начали морозить ихъ холодною, колодезною водою, поливая ею изъ ведра на голову. На перваго, раздѣтаго до-гола, было вылито ими до 50 ведеръ, а на втораго—болѣе. Оба они подверглись мукамъ по простотѣ и довѣрчивости, не желая скрыться вовремя, при существовавшей возможности, по примѣру другихъ, въ церковь. Дьякона спрашивали крестьяне:

— Не знаешь ли гдѣ бумаги?

— Какія бумаги нужны вамъ? спрашивалъ въ свою очередь дьяконъ. Скажите, какія нужны вамъ бумаги?

— Якобы мы уходимъ подъ барина, и потому скажи намъ подлинникъ, на которомъ золотый орелъ и золотыя три строчки?

— Нигдѣ я не видалъ такого указа, отвѣчалъ дьяконъ, стоя передъ

---

[2]) Такъ отмѣчено въ регистрѣ Уксянскаго волостнаго правленія противъ имени крестьянина Евѳима Архипова.

иконою и крестясь. Не знаю его, и слышу въ первый разъ объ немъ. Возьми те вотъ ключъ отъ моего ящика и осмотрите, въ немъ ничего нѣтъ.

Съ ключемъ ходили въ домъ дьякона для осмотра ящика сотскій и попятые. Когда возвратились съ пустыми руками, поднялся крикъ въ народѣ:

— Что вѣрить дьякону и слушать его божбу! Вѣдь правда у него подъ пятою. Морозить его надо!

Повели опять его къ колодцу. Велѣли тамъ ему раздѣться и рвали на немъ одежду, говоря:

— Шевелись старый песъ! а то вотъ тебѣ плеть: возьмемъ охаживать, такъ держись только за землю!

Дьяконъ палъ на колѣни предъ мужиками. Раздѣвшись уже, сталъ просить о пощадѣ.

— Морозить надобно! роздались голоса.

Стали лить въ три ведра водою, останавливались лишь для вопросовъ:

— Скажи, дьяконъ, гдѣ подлинникъ?

— Не знаю ничего, отвѣчалъ страдалецъ.

— Скажи, дьяконъ, гдѣ подлинникъ? спросилъ солдатъ Маленькихъ. Мнѣ жалко тебя, лиха ты намъ не дѣлалъ, скажи правду: гдѣ подлинникъ?

— Ничего не знаю.

— Лейте еще воду!

Стали лить воду съ головы, не вдругъ, исподволь.

— Стойте! вскричали заплечные мастеры. Дайте отдыхъ!

— Скажи, дьяконъ, гдѣ подлинникъ?

— Ничего не знаю.

— Видите, до чего дошли наши попы да дьяки, съ нашими писарями да начальниками-вахлаками, что и говорить съ нами не хотятъ объ указѣ.

— На большое жалованье польстились, такъ вотъ и продали міръ на ногахъ, какъ стадо барановъ.

— Не довольны сдѣлались, видно, міромъ; огнѣвались, значитъ на его добродѣтель, такъ и стали подъ него подкопы подводить да барыши свои вымышлять.

— Грѣхъ бы жаловаться имъ на міръ православный: ни чѣмъ, кажется, не оставлялъ онъ ихъ. Вѣдь не выѣзжали почти они изъ міра за разными сборами да поборами: то за славленымъ, то за Петровскимъ, то за ругою, то за осеннымъ, то за праздничнымъ, то съ помочью, то съ спряжкою, то съ копотихою, то съ мотами, то за хлѣбомъ, за овощами, за капустою, за огурцами, то за тѣмъ, то за другимъ—безъ поры, безъ времени, безъ конца-краю; а винища-то, винища-то сколько вылопали—мѣры пѣтъ, и все не сыты—голодны.

— Да вѣдь и пудовки-те и мѣшки-те свои подѣлали и возили по міру большущіе, чтобы больше уходило въ нихъ нашего добра, а у пудовокъ, сверхъ того, днища подѣланы изъ холста, и какъ станемъ поднимать ихъ, такъ полупудовки зерна и ухнетъ туда, а на то мѣсто опять насыпай снова хлѣба. Грѣховодники, право, наши радѣтели! Хоть кряхти и тресни, а пудовки и мѣшки имъ тащи!

— И опивали, и обдирали—достатки наживали да міръ притѣсняли, а добра не помянули, насъ же за нашу хлѣбъ-соль и подвели подъ барина. Терпи, міръ! всякія бѣды и напасти на тебя валятся.

— Не подумаютъ, окаянные, что міръ и безъ того стономъ-стонетъ отъ нихъ и слезы лопатами сгрѣбаетъ, а царь-батюшка ничего не знаетъ. Правду говорятъ, что до Бога высоко, а до царя далеко!

— Скажи, дьяконъ, гдѣ подлинникъ? обратились снова мужики къ нему.

— Ничего не знаю! отвѣчалъ дьяконъ, оцѣпенѣлый отъ холода.

— Лейте воду на него!

Дьяконъ обезумѣлъ отъ воды и въ изнеможеніи палъ на землю.

— Слушайте, православные! сказалъ онъ, подлинникъ, который вы ищите, находится въ церкви, на престолѣ, подъ святымъ евангеліемъ.

— Повинился дьяконъ! повинился дьяконъ! раздался торжествующій крикъ въ народѣ.

— Подлинникъ сказалъ дьяконъ, подлинникъ-находится! Сообщали мужики одинъ другому.

— Слава Богу, дѣло идетъ на ладъ!

— Оправь Богъ правыхъ, обвини виноватыхъ! шептали старики и старухи.

— Дьяконъ повинился! кричалъ скакавшій мимо церкви верховой, обращая слова свои къ стражникамъ. Держите крѣпче, ребята, караулъ: дьяконъ сказалъ подлинникъ.

Повели дьякона въ волость, съ попреками, что сразу не сказалъ о подлинникѣ, ругали здѣсь его и плевали въ глаза и бороду. Оттуда пошли съ нимъ крестьяне къ церкви, для очной ставки съ запершимися въ ней священниками. Чрезъ окно въ нижнемъ этажѣ требовали выхода ихъ и грозили въ противномъ случаѣ заморить голодомъ. Но отецъ Савва Шеинъ растолковалъ имъ, что подъ евангеліемъ на престолѣ подлинникъ есть—св. антимисъ, и увѣщевалъ ихъ оставить заблужденіе. Но слова эти шли на вѣтеръ, потому что крестьяне ни чему не вѣрили и были убѣждены въ правотѣ и силѣ своихъ постояній, которыя какъ бы подкрѣплялись явственными перемѣнами въ административныхъ учрежденіяхъ и вновь вводимыми порядками въ быту крестьянскомъ.

Отсюда водили дьякона то въ волость, то въ управу, наконецъ посадили его подъ караулъ и распорядились не давать ему во весь день ни пить, ни ѣсть. Домъ его обыскали вторично, выпивъ при этомъ за-

пасное виноградное вино, стоявшее гдѣ-то въ углу и взявъ $^3/_4$ фунта пороха. Солдатъ Маленькихъ, бывшій при обыскѣ, колотилъ въ брюхо беременную сноху дьякона, жену бывшаго въ церкви пономаря, дьяконскаго сына Матвѣя, и кричалъ ей:

— Только брюхо тебя спасаетъ, а то бы и ты стыла у колодца.

Дьячка Александра Крутиковскаго, одновременно съ дьякономъ, взяли крестьяне изъ его дома, говоря ему: «ты первая ябеда съ попомъ, за-одно съ нимъ, все ты знаешь», и повели его въ волость, ругая и всячески оскорбляя Тамъ солдатъ Маленькихъ спрашивалъ его съ азардомъ:

— Гдѣ у васъ подлинникъ, на которомъ золотая обложка и гербъ и золотыя три строчки?

— Я ничего не знаю, не вѣдаю! отвѣчалъ онъ.

— Врешь! кричали ему со всѣхъ сторонъ.

— Обманыва(е)шь!

— Міръ проводишь!

— Съ писарями за-одно.

— Право, ничего не знаю; хоть на части всего сѣките, а сказать ничего не могу, говорилъ дьячекъ.

— Вретъ, вретъ! не вѣрьте!

Привязали дьячка къ столбу и, обливая водою, обросывали въ то же время мокрою грязью. Жена его, вызванная слухомъ о его страданіяхъ, пришла, желая помочь ему въ чемъ нибудь, но была обругана толпою и прогнана нагайками. Отсюда водили дьячка къ церкви на показъ попамъ, гдѣ одинъ, изъ отчаянныхъ, хотѣлъ убить его на одинъ взмахъ. Потомъ взяли его въ волость, а изъ волости въ крестьянскую избу подъ стражу, куда пришелъ крестьянинъ Заворницынъ и сталъ спрашивать его съ азартомъ:

— Скажи мнѣ, дьячекъ, сущую правду: гдѣ подлинникъ? а не то опять станемъ морозить.

— Не знаю.

Заворницынъ сѣлъ на стулъ, а дьячекъ сталъ на колѣни передъ нимъ и просилъ съ великимъ усердіемъ (собственныя слова Крутиковскаго) оставить его въ покоѣ.

16 апрѣля вновь затребовали у дьячка сказать: гдѣ подлинникъ? такъ какъ дьяконъ сказалъ о таковомъ.

— Скажите, вотъ на этомъ мѣстѣ плаха положена для моей головы, сказалъ дьячекъ,—такъ я согласенъ лечь на нее, а о подлинникѣ ни о какомъ ничего не знаю.

— Ежели ты не скажешь, дьячекъ, правду о подлинникѣ съ золотымъ гербомъ и обложкою, со строчками, то не примемъ мы тебя въ свой приходъ, и скитайся ты, какъ скотина по полю,—пригрозили мужики.

— Сказалъ вамъ, что не знаю и стою на томъ, что не знаю, да и впредь буду стоять на томъ и говорить, что не знаю, потому что точно ничего не знаю. Вотъ вамъ Богъ въ томъ порукою.

Пономаря Дмитрія Тюцпякова держали подъ стражею въ управѣ и волости пять дней, доспрашивались у него объ «указѣ». И хотя грозили морозить его за утайку, но не морозили

Жену волостнаго писаря Рѣшетникова, уѣхавшаго въ Шадринскъ, обыскивали, угрожали мороженьемъ, для чего выводили раза четыре на улицу, но всякій разъ какъ-то оставляли свободною.

— Самого-то бы надо криваго пса писаря, да ушелъ, міроѣдъ-грабитель, въ Шадринъ! говорили крестьяне въ толпѣ. Увезъ, собака, съ собою видно подлинникъ! Теперь здѣсь хоть ищи, хоть не ищи, ничего не найдешь!

— Жалко, что уѣхалъ онъ и не попался намъ въ руки, а то бы натерпѣлся муки! Повытрясли бы изъ него лишнюю кислую шерсть да мірскія слезы.

— Отольются волку овечьи слезы, отвѣчали другіе: Неправо нажитое добро—прахомъ возьмется, не пойдетъ ему въ прокъ! Не имѣйте въ этомъ сумнѣнія старики!

— Ну, да все-таки встряску дать ему слѣдовало бы за кривой его глазъ—золъ онъ больно!

— Сами виноваты, что отпустили его съѣхать въ Шадринскъ. Стопло, вѣдь, только присмотрѣть да задержать, вотъ бы онъ и не уѣхалъ!

Архивныя дѣла и разныя бумаги въ волости были пересмотрѣны крестьянами, и многія изъ нихъ разобраны ими по домамъ, для забавы дѣтямъ.

Ко крестьянину Константину Соколову до ста человѣкъ приходили съ обыскомъ для отысканія сельскаго писаря. Старшину же за то, что онъ сказалъ имъ: «видите, Соколовъ пріѣхалъ только изъ Шадринска», толкали въ шею, провожая пинками отъ крыльца до колодца. Это было 10 апрѣля. Многихъ изъ крестьянъ Уксянскихъ, неприкосновенныхъ къ бунту- били и ругали возмутители. Два брата Яковъ и Константинъ Соколовы ушли вмѣстѣ съ другими въ церковь, гдѣ и сохранились отъ народной ярости. За то жену и дочь послѣдняго захватили крестьяне въ домѣ ихъ, угрожали истязаніями и, приводя къ церкви, хотѣли обливать водою—морозить. Кузницу его, стоявшую внѣ селенія, ограбили и оставили пустую.

Двухъ-этажную каменную церковь, занятую священниками и семействами ихъ, содержали крестьяне въ осадѣ, и подходя нерѣдко къ ней, уговаривали осажденныхъ выйти. Солдатъ Маленькихъ, руководившій волненіями зорко наблюдалъ за поддержаніемъ стражи около храма и ругая священниковъ, кричалъ одному изъ нихъ, Саввѣ:

— Ты хуже дьявола! Ты все попъ знаешь, да міру не объясняешь.

13 апрѣля подошелъ къ церковнымъ дверямъ церковный староста Степанъ Юровскихъ, съ большою толпою. Онъ хотѣлъ разбить двери силою, для чего нѣкоторые изъ его способниковъ засунули уже пешню въ дверный запоръ, но безуспѣшно, со стыдомъ отошли обратно. Въ пищѣ и питьѣ осажденнымъ вовсе было отказано, а на требованіе просфоръ отъ старосты для служенія, онъ грубо отвѣчалъ: «попъ ихъ не наше дѣло!»

Другой же возмутитель Семенъ Чюрихинъ, сторожившій церковь, разбилъ штофъ, несенный священникомъ для воды на служеніе обѣдни и называлъ при этомъ святыя иконы—лѣсомъ [1]). Въ другій разъ заставлялъ онъ бить крестьянина Осипа Юровскихъ, говоря:

— Бейте его! вѣдь, попъ Савва посулилъ ему десять семей въ управленіе.

Ночью со вторника на среду въ домахъ священноцерковнослужителей и прочихъ достаточныхъ жителей было похищено разное имущество, а къ церкви приставлена усиленная стража.

14 апрѣля староста (церковный) съ довольнымъ количествомъ людей опять сдѣлалъ набѣгъ къ дверямъ храма, но сломать ихъ не могъ. Одинъ изъ болѣе отважныхъ—Филипинъ Южаковъ кидалъ въ это время камнями въ церковь и убралъ изъ дома священника кошму [2]). Другіе, стоя на-сторожѣ, кричали осажденнымъ:

— Васъ можно убить, а церковь вновь освятить [3]).

— Умирайте съ голоду: не выпустимъ, пока не отдадите подлинника отъ господина, а хотя въ Камышловѣ, говорите вы, и стегали, да всѣхъ вѣдь не перестегать [4]).

— Не житье ли вамъ, попы! Надо ли насъ продавать? Теперь не пеняйте на насъ: сами себя ѣдите, а не мы [5]).

Немного времени спустя, была подана въ церковное окно записка отъ осаждавшихъ такого содержанія:

«Нашего государя императора Николая Павловича книга, которая прислана во святую церковь, священнику Саввѣ Шепну, выдать всему обществу, непремѣнно оказать ее. Еще съ книгою подлинникъ золотаго орла, со строчками золотыми, въ томъ, что проситъ все общество, и вамъ признаться обѣимъ священникамъ Шеннымъ» [6]).

На это духовные дали отвѣтъ такій, что того нѣтъ и не видано,

---

[1]) Означено въ отмѣткѣ противъ имени Чюрихина въ черновомъ регистрѣ Уксянскаго волостнаго правленія.

[2]) Тоже.

[3]) Говорилъ крестьянинъ Ларіонъ Засыпкинъ.

[4]) Это говорилъ крестьянинъ Иванъ Хмѣлининъ.

[5]) Слова Григорья Худоронкова, по регистру Уксянскаго волостнаго правленія.

[6]) Изъ дѣла о народномъ возмущеніи въ 1843, хранящагося въ архивѣ бывшаго Шадринскаго уѣзднаго суда.

чего они ищутъ, и что они были и есть государственные крестьяне, ни какому барину государь императоръ Николай Павловичъ не отдавалъ ихъ, и не отдастъ; почему они, вѣря обманщикамъ и ложному сказанію, бунтуютъ безъ причины.

Въ полдень пріѣхали въ Уксянскую слободу на верховой лошади родитель священниковъ, Першинскаго села причетникъ Елисей Шенинъ, думавшій повидаться здѣсь съ дѣтьми. Между тѣмъ, вдругъ поднялся въ народѣ ревъ и крикъ, возбужденный появленіемъ Елисея. Кто изъ толпы бросился съ ружьемъ, кто съ копьемъ, иный съ косою, и каждый съ какимъ либо орудіемъ для поимки Елисея, который былъ сбитъ съ лошади и утащенъ за общественные магазины, стоящіе вблизи церкви, гдѣ, по полученіи побоевъ, безпамятный былъ водимъ онъ по городу и спрашиваемъ солдатомъ Маленькихъ объ удѣльныхъ бумагахъ и «указѣ-подлинникѣ». Причетникъ Шенинъ, полумертвый, отвѣчалъ солдату незнаніемъ. Но крестьяне не удовлетворились этимъ, привязали его къ столбу у церковныхъ лавокъ, въ глазахъ сыновей, и ругались надъ нимъ, какъ надъ преступникомъ. Солдатъ же Маленькихъ, приставляя къ груди его копье, грозилъ заколоть, если не скажетъ онъ нужныхъ обществу бумагъ. Отсюда перевели Елисея къ волости, гдѣ вылили на него, до-гола раздѣтаго, воды изъ колодца больше 50 бадей и помѣстили потомъ подъ стражу.

На осѣненіе крестомъ послѣ каждой службы изъ дверей верхней церкви и на привѣтственное слово «Христосъ воскресе»—изъ волнующихся никто не снималъ шапки и не отвѣчалъ ничего, кромѣ тѣхъ, которые были пригнаты сюда побоями и плетьми. И въ этотъ день было граблено оставшееся безъ призора имущество духовенства и нѣкоторыхъ крестьянъ, и разсылались послы и гонцы въ разныя стороны и деревни, съ просьбою оказать помощь и немедленно съѣхаться, несогласныхъ же выгонять силою и плетьми. Къ церкви, на ночь было приставлено вновь нѣсколько человѣкъ стражи. Въ слѣдующіе два дня (15 и 16 апрѣля) крестьяне многократно подходили и подводили къ церкви причетниковъ Шенина и Крутиковскаго и вызывали изъ нея осажденныхъ, но получили въ томъ рѣшительный отказъ.

17 апрѣля Елисей Шенинъ снова подведенъ къ церкви, въ сопровожденіи стражи, для вызова сыновей его и начальниковъ на очи міру. Священники, толкуя со стражниками о дурныхъ послѣдствіяхъ безпорядковъ, успѣли внушить имъ, что имъ желательно переговорить съ родителемъ одинъ-на-одинъ, и когда тѣ, поддавшись хитрости, отклонились нѣсколько отъ стѣнъ церковныхъ, осажденные воспользовались этимъ моментомъ и быстро втащили Елисея въ церковь. Только этимъ и былъ спасенъ старикъ отъ новыхъ истязаній. Одинъ только стражникъ Алексѣй Яковлевъ, случившійся ближе другихъ къ Елисею, ухватился-было за полу его подрясника, съ отчаяннымъ крикомъ: «караулъ, караулъ!

отбили арестанта», но удержать не могъ. Въ 5 часовъ вечера прибыло сюда временное отдѣленіе съ отрядомъ солдатъ и положило конецъ дальнѣйшимъ безпорядкамъ

Въ Петропавловскомъ селѣ (иначе Татарскомъ), отстоящемъ отъ Уксянской слободы въ семи верстахъ, богослуженія не было, и церковь находилась взаперти отъ прихожанъ восемь дней (съ 13 по 21 апрѣля); также не было и колокольнаго звона Вслѣдствіе прекращенія церковныхъ службъ, крестьяне наивно говорили отцамъ духовнымъ:

— Что вамъ за радость! мы вѣдь плачемъ!

Народныя сходбища здѣсь, прозванныя въ оффиціальныхъ бумагахъ причта «позорищами», отличились точно такими же оскорбленіями и обидами, которыя наносились лицамъ духовнаго вѣдомства и начальственнаго персонала, вынужденнымъ терпѣть и сносить ихъ невольно, страха ради Архивъ церковный былъ разрытъ и растрепанъ. Дьячекъ Василій Смородинцевъ подвергнутъ побоямъ и обливу водою изъ рѣчки Барневки.

— Кому ты вѣруешь: Богу, или министру? спрашивали его крестьяне. Если вѣруешь Богу, то ступай, имай лошадь и поѣзжай на войну съ нами. А если вѣруешь министру, то ступай къ мосту на Барневкѣ; будемъ тамъ морозить водою.

Обливая Смородинцева на мосту, привязаннаго къ перилamъ, говорили:

— Лейте больше: мостъ еще не трясется!

Дьякона Ивана Тѣшпякова восемь разъ спрашивали крестьяне объ удѣльномъ указѣ, но обидъ дѣйствіями никакихъ не причинили, кромѣ угрозъ. Отъ священниковъ Евоима Дроздова и Льва Меркульева требовали крестьяне подлинникъ съ золотымъ орломъ и золотыми строчками, говоря при этомъ, что обоихъ ихъ надлежитъ разстричь, а дьякона надобно сковать съ попомъ Львомъ нога за ногу и держать ихъ на одномъ мочальномъ лыкѣ: одинъ другаго стоютъ! На увѣренія отца Льва о ложности слуховъ, принятыхъ ими такъ близко къ сердцу, они отвѣчали:

— Не клянись ты ни священствомъ, ни церковью, ни дѣтьми своими, мы тебѣ не вѣримъ! Вѣдь какъ Уксянскаго дьякона стали морозить, такъ онъ и повинился.

— Надобно попа Льва къ хвосту привязать и все тѣло его на стружки изстрогать,—добавилъ крестьянинъ Евѳимъ Архиповъ.

Этотъ Архиповъ былъ запѣваломъ въ своемъ обществѣ и, захвативъ самовольно лошадь у священника Меркульева, ѣздилъ на ней три дня, какъ на своей собственной.

VI.

Песчанскія волненія.—Слобода Верхтечинская.—Буйства, грабежи.—Башкирская команда.—Приставъ Сажинъ.—Бродокалматскія смуты.

Первоначальные признаки безпокойствъ въ предѣлахъ Верхтечинской волости возникли между крестьянами Песчанскаго общества въ граничащихъ съ Челябинскимъ уѣздомъ деревняхъ: Карасевой, Галкиной, Лобовой и Убiенной, гдѣ на сборищахъ, происходившихъ 7 и 8 апрѣля, обыватели совѣщались уже о мѣрахъ, какія предпринять должно, къ отраженію грозы «отъ барина» Большинство ихъ ѣздило въ это время въ Батурпнскую слободу, для полученія нужныхъ данныхъ для послѣдующихъ дѣйствій. Молвы и говора по этому случаю неслось въ деревняхъ такъ много, что нельзя было переслушать, а страхи и ужасы, эти спутники невѣжества и невѣдѣнія, не имѣли ни конца, ни предѣловъ, облекаясь нерѣдко въ фантастическіе образы самаго безсмысленнаго свойства. Выходцы Батурпнскіе вернулись со вредными впечатлѣніями и съ неблагопріятнымъ настроеніемъ противъ чаемаго врага. Верхтечинскій волостный голова Коноваловъ хотя пріѣхалъ-было сюда для успокоенія взволновавшихся умовъ, но его ни кто не слушалъ и довѣрія къ нему ни какого не питалъ. Напротивъ, 10 апрѣля по-утру приперли его крестьяне въ управѣ, а сами пошли къ церкви выжидать выхода изъ нея отъ утрени сельскаго писаря и духовныхъ лицъ. Шумъ, крикъ, бѣготня и рыканье на коняхъ показывали ясно, къ чему готовились крестьяне Сельскаго писаря Егора Мещерякова, вышедшаго изъ церкви, схватили они вмѣстѣ съ грамотниками Михрепинымъ и Гавриловымъ и, ведя въ управу, били дорогою дреколиnами и конскими бичами. Въ управѣ потребовали они отъ нихъ «дѣла министерскія». И когда тѣ отозвались незнаніемъ, вытащили ихъ на улицу, били и рвали на всѣхъ (за исключеніемъ головы) одежду и обнаженныхъ потомъ облпвали у озера водою, привязывая въ то же время къ огороду назадъ руками.

— Что на нихъ смотрѣть! кричали мужики яростно. Мы, вѣдь, видѣли въ Челябинскомъ уѣздѣ, какъ вяжутъ веревками къ жолобамъ и бьютъ до смерти головъ, старшинъ и писарей. Также надо и намъ со своими поступить.

Духовенство Песчанское, исполняя долгъ свой, вышло изъ церкви на площадь для убѣжденія волновавшихся крестьянъ. Но тѣ его не слушали и, покушаясь схватить кого-либо изъ него, обзывали поповъ «міро-

продавцами», «кровопійцами». Окруживъ ихъ, настоятельно требовали выдачи имъ «министерскихъ бумагъ» насчетъ продажи ихъ барину, а о. Ивана Смирнова укоряли, что потому и живетъ онъ жирно и богато, что взялъ съ барина деньги за крестьянъ.

— Никакихъ нѣтъ бумагъ ни у меня, ни у товарищей моихъ, говорилъ отецъ Иванъ. Если же вы сомнѣвастесь, то идите въ мой домъ и осмотрите всѣ имѣющіяся тамъ книги и бумаги.

Мужики пошли. Священникъ думалъ убѣдить ихъ тѣми мѣстами въ бумагахъ, гдѣ именовались они государственными крестьянами, а не удѣльными и не господскими. Но мужики только допустили отца Ивана войти въ домъ, какъ тотчасъ же приказали ему выходить обратно. Когда же вернулся онъ въ ограду и сталъ-было убѣждать ихъ, схватили его за кушакъ и насильно увлекли въ управу. Между тѣмъ, около домовъ заподозрѣнныхъ лицъ и въ томъ числѣ духовенства поставили вездѣ стражу. Два товарища отца Ивана—священники Бѣляевъ и Покровскій, видя перваго въ рукахъ опасности, придумали отвлечь толпу крестнымъ ходомъ при соборномъ благовѣстѣ. Но на пути шествія рыщущіе всадники не оказывали ни какого уваженія и почтенія ко святынѣ, а напротивъ, размахивая кнутами, воспрещали еще другимъ присоединяться ко крестному ходу. У управы нѣтъ былъ молебенъ, къ которому вышелъ и о. Иванъ Смирновъ, для совокупнаго послѣ молебна убѣжденія прихожанъ оставить пагубныя заблужденія и увлеченія. Но успѣхъ, къ сожалѣнію, не сопутствовалъ благому ихъ дѣлу: духъ крамолы сильно созрѣлъ уже въ крестьянахъ и искалъ выхода, что и не замедлило выразиться взрывомъ ярости тутъ же на мѣстѣ. Однихъ изъ заподозрѣнныхъ лицъ подвергли крестьяне побоямъ, другихъ угрозамъ, и въ томъ числѣ священника Бѣляева толкали и колотили въ грудь палками. Отца Ивана утащили насильно въ зданіе управы, а отъ священника Покровскаго требовали, чтобы разоблачился, говоря:

— Снимай и ты ризы! отдавай бумаги и дѣла.

Не смотря однакожъ, на безчинства, крестный ходъ возвратился въ церковь безпрепятственно и заперъ за собою двери, для прекращенія дальнѣйшихъ сношеній съ народомъ.

Отецъ Иванъ остался въ управѣ. Крестьяне вымогали у него бумаги «о баршѣ». Онъ всячески увѣрялъ ихъ о ложности слуховъ, и хотя многократно требовалъ изъ церковнаго архива разныя бумаги для опроверженія нелѣпыхъ слуховъ, но мужики стояли на своемъ и твердили одно: «дай да выложь дѣла удѣльныя»!

— Если ты не отдашь дѣла, то и тебѣ тоже будетъ, говорили ему крестьяне, показывая на мучимыхъ ими на площади людей.

— Ей Богу, нѣтъ у меня ни какихъ бумагъ, отвѣчалъ отецъ Иванъ. И хоть вѣрьте, хоть не вѣрьте, говорю вамъ честью и совѣстью, пелицемѣрно, по священническому сану, что никто васъ никакому ба-

рину не продавалъ, и всѣ вы числитесь и считаетесь государственными крестьянами, а не другими какими нибудь. Смотрите и читайте сами вотъ объ этомъ въ метрическихъ книгахъ и церковныхъ росписяхъ.

— Напишете вы, пожалуй,—вѣрь вамъ! Захотѣли у себя совѣсти! Гулять она давно ушла! Толкуй ты намъ меньше, слушаемъ мы тебя плохонько, а бумаги-то вотъ давай о баринѣ!

— Какъ ты самъ-то себя не закабалилъ господину? Міръ-то вотъ продалъ, а себя выгородилъ.

— Да никто васъ не продавалъ, и никакого барина нѣтъ у васъ, кромѣ обыкновеннаго начальства, поставленнаго царемъ и закономъ.

— Барина нѣтъ—говоришь ты. А кафтаны съ позументами отъ кого? Запашки отъ кого? картофель отъ кого? жалованье отъ кого? мѣдныя берда отъ кого?

— Что-жь прежде ничего этого не было, а теперь вдругъ потребовалось и понадобилось?

— Ты скажи лучше, попъ, много ли денегъ взялъ съ барина за общество?

— Ничего я не взялъ и взять не съ кого, потому что барина я никакого не слыхалъ и не знаю, да и общество ни я, ни другій ни кто ему не продавалъ. Образумтесь, православные! разсудите сами: возможное ли и статочное ли дѣло продать цѣлое общество какому-то барину безъ воли и согласія царя и закона? Вѣдь мы живемъ подъ царемъ и закономъ, и помимо ихъ сдѣлаться у насъ ничего не можетъ.

— Знаемъ и видимъ мы, батюшка, какъ вы насъ ощипываете и розоряете до послѣдней рубашки, а живете вѣдь тоже подъ царемъ и закономъ! Да знаетъли это царь-то? Такъ и въ теперешнемъ дѣлѣ царь обманутъ и законъ обойденъ, а попы съ писарями да господами хомутаются и надъ міромъ потѣшаются.

— Воля имъ дана—уйму нѣтъ: что хотятъ то и творятъ!

Прочій причтъ Песчанскій содержался въ церкви десять дней подъ стражею, явно и тайно окружавшею его и недопускавшею проносить къ нему хлѣбъ, который отнимали караульщики съ смѣхомъ и ѣли сами. Кромѣ того не дозволяли ходить въ церковь къ службамъ ни кому изъ прихожанъ, возвращая ихъ съ дороги обратно. Двери церковные грозились разбить, осажденныхъ убить, или голодомъ уморить, домы ихъ разграбить и сжечь; умершихъ самовольно закапывали въ землю, прежде трехдневнаго срока, безъ отпѣванія.

Голову, старшину, нѣсколькихъ крестьяне и сельскаго писаря Мещерякова, содержа подъ карауломъ, крестьяне истязали побоями, обливали водою, брызгали въ нихъ грязью, привязывали къ жолобамъ и, сверхъ того, хотѣли писаря повѣсить и умертвить, если не скажетъ онъ удѣльныхъ бумагъ. Потрясенный въ разсудкѣ, слабый по природѣ и вдобавокъ трусъ, онъ, страха ради, выболталъ, что бумагъ много въ Верх-

теченскомъ волостномъ правленіи, и что смотрѣть ихъ надобно тамъ. Это приняли мужики за повинную, и чтобы больше оформить ее, потребовали отъ писаря подписку, которую тотъ и написалъ трепетною, трясущеюся рукою въ такомъ смыслѣ:

«1843 года, апрѣля 10 дня. Верхтеченской волости, Песчанскаго сельскаго управленія, сельскій старшина Иванъ Бушуевъ и сельскій писарь Мещеряковъ объяснили обществу, что требовали они, будто бы подписаны какому-то барину плетъ рисунокъ, о сохѣ, боронѣ, кроснахъ, бердѣ и челнокѣ у насъ не имѣются; таковые тоже найдены въ Батуринскомъ волостномъ правленіи. Въ томъ старшина Бушуевъ приложилъ свою печать. Подписалъ сельскій писарь Мещеряковъ».

Имя старшины употреблено здѣсь произвольно, безъ его согласія и вѣдома, и потому печать его къ запискѣ не приложена. Записка эта найдена впослѣдствіи въ числѣ разныхъ другихъ бумагъ у крестьянина Жаворонкова, пойманнаго въ Шадринскѣ, куда прибылъ онъ въ качествѣ повѣреннаго отъ общества, для подачи просьбы (по собственнымъ его объясненіямъ) въ какую-то военную коммисію и государю императору на-счетъ минмаго поступленія крестьянъ въ удѣльное или крѣпостное вѣдомство. Писарь, запуганный угрозами, очевидно, потерялъ здравый разсудокъ и руководимый страхомъ и отчаяніемъ, написалъ чепуху въ пользу вожаковъ волненія, выражая тѣмъ вполнѣ не только малодушіе и тупоуміе свое, но и всю свою полуграмотность, приносящую вредъ, а не пользу и не помощь ему. Крестьяне заполучивъ отъ него таковую бумагу, имѣли теперь въ рукахъ своихъ не только подтвержденіе, но и оправданіе своимъ сомнѣніямъ и фактическій поводъ къ дальнѣйшимъ смутамъ. А всякая подобная неосторожность могла только воспламенить горючій матеріялъ, тушить который невсегда удается легко и удобно. Такъ это и случилось въ данномъ случаѣ, по поводу легкомысленнаго поступка писаря Мещерякова.

Другая записка, подобная вышеприведенной, данная тѣмъ же писаремъ, говорила о потерѣ какого то указа. Все это указывало крестьянамъ дорогу въ слободу Верхтеченскую, куда они и отправились многочисленною ватагою 12 апрѣля, захвативъ вмѣстѣ съ собою голову, старосту и писаря.

Въ Верхтеченской слободѣ толпа была готова уже и также многочисленна. Распорядки среди ея происходили тѣ же, что и въ окрестныхъ мѣстечкахъ. Церковь окружена была стражею; въ ней сидѣли и заперлись священники и причетники, убѣжденія и внушенія которыхъ, раздававшіяся съ балкона верхняго этажа, не приносили пользы, а сопровождались, напротивъ, угрозами со стороны крестьянъ наказать ихъ жестоко, или даже и умертвить. Осада продолжалась семь дней (съ 11 по 18 апрѣля) подъ надзоромъ многочисленнаго караула вооруженныхъ стражниковъ. Дѣла и книги въ волости были разрыты и частью рас-

хищены. Гербовая бумагъ для билетовъ и бланки для паспортовъ вынуты изъ кладовой и сложены на столахъ, для расхищенія кому вздумалось бы. Архивъ весь разбитъ и сваленъ въ кучу; бумаги изорваны, разбросаны куда ни попало. Денежная сумма, хранившаяся при волости, въ количествѣ 271 р. 97 3/4 к. расхищена безъ остатка. Насилія и истязанія должностныхъ лицъ продолжались здѣсь съ неистовствомъ и лютостью. Церковнаго старосту, посланнаго изъ церкви за просфорами, послѣ утрени задержали стражники, изорвали на немъ одежду, отняли мѣшокъ съ просфорами и били безчеловѣчно. Возвратился опъ въ церковь уже вечеромъ. Церковный чайникъ у старосты тоже отняли, и потому литургія совершена не была. Новорожденныхъ младенцевъ, приносимыхъ для крещенія, не впускали въ церковь и прогоняли съ побоями, воду же проливали; не позволяли приносить пищу осажденнымъ. Каждодневно тысячи крестьянъ, подходили къ церкви, со звѣрскимъ видомъ, наглымъ образомъ требовали отъ священно-церковнослужителей «подлинникъ объ удѣлѣ» и не вѣрили никакимъ отрицаніямъ и клятвамъ ихъ, ни словеснымъ, ни письменнымъ.

Въ первый день Пасхи священникъ Василій Бенедиктовъ вышелъ изъ церкви, съ попомаремъ Рычковымъ, и оба были схвачены стражниками, изъ которыхъ первый успѣлъ въ понедѣльникъ, подъ предлогомъ взятія изъ церкви Святыхъ Даровъ, укрыться въ ней, а другой вплоть до 18 апрѣля служилъ по неволѣ крестьянамъ, какъ благонадежный человѣкъ, для разбора и чтенія разныхъ архивныхъ бумагъ и дѣлъ въ управѣ и волости. Бывшій дьяконъ Плесавскій, съ попомаремъ Суворовымъ, тоже были схвачены и держаны въ каталажкѣ (арестантской), а потомъ отпущены въ церковь. Въ домахъ ихъ расхищены съѣстные припасы и нѣкоторыя другія вещи.

Голова Коноваловъ, изможденный побоями, не устоялъ противъ угрозъ и ужасовъ пытокъ, предстоящихъ впереди. Онъ, по свидѣтельству одной записки, найденной у вышеупомянутаго крестьянина Жаворонкова, написанной безграмотною рукою, увѣрилъ общество въ томъ, что въ волости сказалъ ему какой- то Вязниковецъ-торгашъ, увидавшій бумагу на столѣ: «вотъ, еще у васъ есть удѣльные люди, и потому, видно, находятся въ дѣлахъ у нихъ какіе-то указы, и опъ (голова) ни кому не нофальшитъ и никого не покроетъ: ни писарей, ни поповъ, и что опъ розыщетъ ихъ самъ и отдастъ ихъ міру своими руками». Подъ запискою приложена печать головы и подписались свидѣтелями священникъ Бенедиктовъ и попомарь Рычковъ.

Теперь понятно намъ, какимъ способомъ воспользовались священникъ Бенедиктовъ и попомарь Рычковъ, чтобы одному вырваться изъ рукъ крестьянъ и перейти въ церковь 12 апрѣля, а другому сдѣлаться чтецомъ и истолкователемъ разныхъ бумагъ въ волости до самаго конца безпорядковъ.

Въ Бугаевскомъ обществѣ созывались сборища по настоянію самихъ же волнующихся крестьянъ, разсылавшихъ гонцовъ по деревнямъ, для высылки людей на «завороху». Гонцы безцеремонно употребляли въ дѣло и палки, и плети, чтобы не было ослушныхъ. Старшину и и старосту здѣшнихъ содержали крестьяне въ кутузкѣ при сельской управѣ, а дѣла и бумаги въ послѣдней забрали, называя ихъ удѣльными, и отослали вмѣстѣ съ начальниками на сборный пунктъ въ Верхтеченскую слободу.

Отсюда проникали посланцы въ Першинское общество, Далматовской волости, съ цѣлью нарушенія тамъ тишины и спокойствія; но были прогнаны оттуда съ безчестіемъ нѣсколькими старожилами, противившимися безпорядку. Эти охранители порядка были награждены управляющимъ Пермскою палатою государственныхъ имуществъ Михаломъ Кузьминскимъ, при торжественномъ собраніи народа, въ одинъ праздничный день, въ заштатномъ городѣ Далматовѣ, похвальными листами отъ министерства и деньгами по 10 рублей на человѣка. Всѣхъ награжденныхъ было четверо!

Петропавловская волость, оставаясь въ предѣлахъ законности, не смотря на ближайшее сосѣдство ея съ селеніями Верхтеченской волости, сберегала себя отъ всякаго участія въ демонстраціяхъ и безпорядкахъ народныхъ.

Близость и сопредѣльность Челябинскаго уѣзда съ Шадринскимъ, поддерживая сношенія тамошнихъ крестьянъ съ здѣшними, давали полную возможность имъ постоянно переѣзжать изъ одного пункта въ другой и распространять слухи объ удѣлѣ, какъ о достовѣрномъ, непререкаемомъ фактѣ. Такими пунктами со стороны Шадринскаго уѣзда служили слободы Батурпинская и Верхтеченская, гдѣ находился притонъ и центръ самыхъ многолюдныхъ съѣздовъ. Бродокалматская волость, расположенная въ юго-западномъ углу уѣзда, окруженная съ одного бока Башкирцами, а съ другаго—поддержанная резиденціею втораго стана въ селѣ Теченскомъ, казалось, не могла бы принять участія въ безпорядкахъ, тѣмъ болѣе, что Башкирцы готовились уже выступить въ походъ, для водворенія тишины и спокойствія, и стояли для того отрядами на границѣ. Но вышло не такъ. Крестьяне этой волости сносились съ безпокойными Челябинскими мѣстностями и питались впѣчатлѣніями изъ чуждаго имъ лагеря.

Уздою, сдерживающею пока порывы волненія у здѣшнихъ крестьянъ, служилъ отрядъ Башкирцевъ, сформированный попечителемъ Добрынинымъ, вслѣдствіе требованія полицейскаго начальства. Часть этого отряда во 100 человѣкъ стала на квартиры въ самомъ селѣ Бродокалматскомъ, а другая въ 250 человѣкъ прошла въ село Теченское, въ распоряженіе пристава 2-го стана Ивана Сажина. Шадринскій земскій судъ, дѣйствуя энергически на первыхъ порахъ безпорядковъ, воз-

никшихъ въ уѣздѣ, просилъ попечителя Башкирскихъ кантоновъ немедленно сформировать отряды казаковъ и идти съ ними къ слободѣ Батуринской на помощь осажденнымъ. Но попечитель медлилъ и не подавалъ отклика, а волненія между тѣмъ росли и ширились. Теченскій приставъ, обращаясь съ настояніями къ попечителю, видѣлъ уже, что размѣръ волненія великъ и мало по-малу можетъ развиться, а потому поѣхалъ самъ 11 апрѣля въ 3-й Башкирскій кантонъ, имѣвшій резиденціею деревню Курманову. Тамъ онъ потребовалъ въ дополненіе къ 150 казакамъ вновь еще 150, всего 300 человѣкъ. Обратно въ Теченское село вернулся онъ 12 апрѣля съ попечителемъ и отрядомъ въ 250 человѣкъ. Не теряя времени, приставъ тотчасъ же выѣхалъ съ командою въ Песчанское село, для подавленія и прекращенія возникшихъ тамъ безпорядковъ. На походѣ въ село Бѣлкульское, приставъ и попечитель встрѣтили въ жителяхъ не только непокорство, но и явное неповиновеніе и неуваженіе къ нимъ: никто изъ крестьянъ не снялъ шапки предъ ними, не давалъ телѣгъ и лошадей, а одна женщина даже погрозила имъ черезъ окно палкою. Въ расправѣ никого не было, кромѣ неохотно двигавшихся четырехъ или пяти человѣкъ. Вскорѣ стали появляться толпы крестьянъ, подготовленныхъ уже къ сопротивленію. На требованіе пристава, они отказали ему какъ отъ продовольствія людей, такъ и отъ фуража конями казачьими. Признавъ невозможнымъ пробиваться впередъ со слабымъ отрядомъ, въ виду многочисленности волновавшагося населенія, попечитель и приставъ рѣшили возвратиться отсюда обратно въ Теченскую слободу, тамъ обождать, пока стянутся другіе отряды, формировавшіеся въ Башкиріи, и тогда уже выступить съ ними для покоренія и наказанія непокорныхъ. Между тѣмъ волненія народныя не медлили: они росли и умножались въ разныхъ мѣстностяхъ и требовали одновременныхъ живыхъ и быстрыхъ мѣръ къ ихъ прекращенію. А отряды Башкирскіе, какъ нарочно, формировались вяло, группировались туго: то за неохотою казаковъ, то за послабленіями и нераспорядительностью есауловъ и урядниковъ, то за недостаткомъ лошадей, фуража и продовольствія. Да, впрочемъ, когда и выступали они въ походъ изъ деревень своихъ, то, при недостаточной исправности, не могли на-столько успѣшно слѣдовать къ пунктамъ народныхъ сборищъ, на-сколько требовали обстоятельства. Приставъ и попечитель не могли доставить своевременно Башкирскому воинству ни фуража, ни провіанта, такъ какъ крестьяне добровольно не доставляли таковаго, а добывать силою находили они недобросовѣстнымъ и противнымъ совѣсти и долгу службы. Все это, вмѣстѣ взятое, служило сильною задержкою къ успѣшному движенію отрядовъ, не говоря уже о распущенности и недисциплинности Башкирскихъ казаковъ, игнорировавшихъ совершенно свое званіе.

Въ деревняхъ Сугоятской, Бакланской, Черепановой и Никитиной,— ближайшихъ къ Башкирскимъ селеніямъ, отрядъ казаковъ расположился

на квартирахъ, для наблюденія за отрядомъ. Этотъ отрядъ, убѣдившись, что кругомъ его обстоитъ все тихо и благополучно, крестьяне оказываютъ ему покорность и уваженіе,—повелъ себя такъ распущенно и безъ заботно, какъ можно жить только дома за домашнимъ очагомъ. Но крестьяне только прикинулись смиренниками, въ виду грубой и вооруженной силы; въ глубокой тайнѣ и тишинѣ они подготавливали внезапный и дружный натискъ на Башкировъ.

Въ одинъ прекрасный день, когда команда стала собираться на назначенный ей пунктъ, крестьяне, въ числѣ до 500 человѣкъ, столкнулись съ нею и, пользуясь оплошностью и слабостью Башкировъ, напали на нихъ такъ дружно и внезапно, что отбили у многихъ оружіе, у другихъ лошадей и сбрую; иныхъ ранили, трехъ человѣкъ убили, восемь взяли въ плѣнъ; изъ этихъ послѣднихъ двое возвратились впослѣдствіи изъ села Нижне-Петропавловскаго, а прочіе безъ вѣсти пропали. Военно-судная коммиссія, разбиравшая на мѣстѣ бунтъ Шадринскій, отнесла этихъ безъ вѣсти пропавшихъ къ числу убитыхъ потому что ихъ ни живыхъ, ни мертвыхъ найдено не было, а вернувшіеся изъ Нижне-Петропавловскаго села два Башкира, объяснили, что ихъ содержали тамъ постоянно въ оковахъ подъ стражею, обливали ежедневно водою по три раза и мучили тирански. Кромѣ того, изъ разсказовъ старожиловъ и современниковъ извѣстно, что крестьяне, схватывая казаковъ, убивали ихъ и прятали трупы ихъ въ кочкахъ по болотамъ, въ колодцахъ, по полямъ и зарывали въ землю, гдѣ ни попало.

Теченское село—резиденція становой квартиры, становилось, наконецъ, небезопасныхъ для пребыванія пристава и попечителя: волненія охватывали это село со всѣхъ сторонъ. Приставъ, распорядившись наскоро заготовленіемъ фуража и провіанта, поспѣшно выѣхалъ самъ съ попечителемъ и командою въ Татарскую деревню Курманову, резиденцію кантоннаго управленія, думая тамъ собрать Башкиро-казачьяго войска съ тысячу и болѣе человѣкъ. Отъ думы до дѣла—шагъ немалъ. Между тѣмъ, Теченцы, видя пристава отсутствующимъ, казаковъ выѣхавшими, собрались на сходку и принялись мучить и истязать старшину, жену его и другихъ; дѣла въ становой квартирѣ разбили, разхитили и разстеряли, а другія брали въ расправу для просмотра, гдѣ тоже рвали и бросали куда и какъ попало; притомъ взяли и унесли нѣсколько разныхъ вещей, относящихся къ слѣдственному производству, и расхитили собственнаго имущества пристава на 433 руб. 31½ коп. сер. Духовныя лица въ это время сидѣли и спасались въ церкви за запорами.

Въ селѣ Нижне-Апостольскомъ, иначе—Нижне-Петропавловскомъ, духовенство тоже сидѣло въ церкви. Церковникамъ не позволялось выходить и нельзя было служить, по недостатку необходимыхъ принадлежностей, а постоянная стража около храма бодрствовала день и ночь.

Въ Бродокалматской слободѣ 11 апрѣля разжигались народныя страсти посланцами изъ Песчанскаго общества, но были сдержаны присутствіемъ казачьяго отряда, стоявшаго здѣсь на квартирахъ. Зато въ Бѣликульскомъ селѣ, 14 апрѣля, собравшаяся толпа арестовала старшину и писаря, и сами отправились на совѣщаніе въ Песчанское село. На другой день ходила эта толпа вмѣстѣ съ Кошкульскими крестьянами въ деревню Теренкульскую, для оцѣпленія карауломъ дома волостнаго головы, который находился тогда въ волости, и условились здѣсь пробраться въ село Бродокалматское, чтобы перебить всѣхъ жившихъ тамъ казаковъ или выгнать ихъ вонъ, а волостныхъ и сельскихъ начальниковъ забрать и сковать. Но замыслы эти въ исполненіе не были приведены, и крестьяне разбрелись по домамъ и по чужимъ деревнямъ.

Въ это смутное время, каждое селеніе, каждая деревня за Исетью въ Шадринскомъ уѣздѣ—представляли цѣлое гнѣздо шмелей-буяновъ, готовыхъ кусать и жалить, безъ разбора средствъ и безъ мѣры. Куда ни посмотри, куда ни кинь взглядъ, вездѣ съ поразительнымъ согласіемъ было одно и тоже; вездѣ кишмя-кишела картина разрушенія тишины и спокойствія: вездѣ творились крестьянскій судъ и крестьянская расправа. Словомъ—былъ полный хаосъ.

Казачья команда, по неизвѣстнымъ причинамъ, была вызвана изъ Бродокалматскаго села 16 апрѣля и стянута къ кантонной квартирѣ—въ деревнѣ Курмановой, гдѣ былъ ея главный сборный пунктъ. Крестьяне заняли тотчасъ ея мѣсто, въ числѣ 700 человѣкъ. Входъ и прибытіе свое въ селеніе они ознаменовали стрѣльбою изъ ружей и дикимъ криками:

— Хватайте! имайте! бейте!

Духовныя лица и сельскіе начальники успѣли укрыться въ церковь гдѣ составилось ихъ нѣсколько семей, именно: протоіерей Василій Соколовъ, съ женою и дѣтьми, дьячекъ Тороповъ, церковный староста, засѣдатель, добросовѣстный, сборщикъ податей, сельскій писарь съ семействомъ, жена волостнаго писаря, три помощника послѣдняго, ученикъ изъ крестьянскихъ мальчиковъ и шесть крестьянъ. Толпа приблизившись къ церкви, окружила ея, требовала выхода запершихся, или грозила выбить двери, а домы ихъ разбить и дѣтей утопить. Отсюда перешла она къ волости, гдѣ вытащивъ бумаги изъ архива и шкафовъ, рыла ихъ, рвала, бросала; кладовую обыскивала; домы осажденныхъ осматривала и грабила; должностныхъ лицъ истязала, била, стегала плетьми, обливала водою и держала въ оковахъ подъ карауломъ. Болѣе другихъ пострадали: полицейскій засѣдатель, Сугоятскій сельскій старшина, добросовѣстный и другіе, изъ которыхъ у первыхъ двухъ толпа отобрала форменные кафтаны и низвела ихъ изъ присударей (полу-сударей)—въ рядовыхъ крестьянъ. Расхищено имущество у протоіерея Соколова, у дьячка Торопова, писарей Рѣпистникова, Выборова и другихъ: у послѣднихъ

двухъ причинено убытковъ на нѣсколько тысячъ рублей. Впрочемъ, о достояніи ихъ крестьяне выражались лаконически:

— Съ міра все награблено и нажито—въ міръ пусть и пойдетъ! вѣдь у писарей своя-то душа да тѣло, а тутъ все—мірское, хапомъ взятое, міру, значитъ, и принадлежитъ. Разговоры коротки!

VII.

Козаки.–Рота солдатъ.–Дѣйствія ихъ.–Генеральная баталія, данная крестьянами на Верхтеченскихъ поляхъ.–Усмиреніе бунта.–Судъ.–Рѣшеніе–заключеніе.

Пока совершались происшествія въ разныхъ мѣстностяхъ за-Исетскаго края въ Шадринскомъ и Челябинскомъ уѣздахъ, приставъ 2-го стана Сажинъ изо всѣхъ силъ хлопоталъ въ деревнѣ Курмановой о сформированіи Башкирскаго войска при квартирѣ, куда, по призыву попечителя майора Добрынина, постепенно стягивались изо всѣхъ сторонъ отряды и партіи казаковъ. Судя по суетѣ, сопровождавшей сборы въ походъ Башкирскаго воинства, слѣдовало ожидать успѣха и быстроты; между тѣмъ на дѣлѣ, всѣми этими крыками попечителя Добрынина и самоподбодриваніями прикрывалась вялость, неисправность и медлепность, самая непростительная въ данномъ случаѣ: Башкирское войско выступило въ походъ только къ концу безпорядковъ, когда миновала почти надобность въ немъ.

Еще въ Теченскомъ селѣ отрядъ Башкирской команды требовалъ отъ становаго пристава Сажина продовольствія для себя и фуража для лошадей, такъ какъ ни того, ни другаго не было взято казаками изъ мѣстъ ихъ жительствъ; равно не было и теперь въ деревнѣ Курмановой, гдѣ назначена имъ стоянка и сборъ другимъ частямъ команды. Сажинъ изыскивая средства къ удовлетворенію нуждъ казаковъ, отпустилъ имъ изъ Теченскихъ амбаровъ собственнаго овса до 400 пудовъ и сѣна до 200 копенъ (1,000 пудовъ); сверхъ того, распорядился онъ покупкою фуража на свой счетъ у мѣстныхъ жителей, пославъ съ этою цѣлью нарочныхъ въ разныя селенія, въ томъ числѣ въ Колчеданское и Петропавловское. Хлопотъ съ провіантомъ было у Сажина по горло, потому-что возложить эти хлопоты рѣшительно было не на кого, да и къ тому же кругомъ резиденціи Башкирской всѣ административныя власти были ниспровергнуты крестьянами. Деревенька Курманова, сама по себѣ незначительная и крошечная, сдѣлалась вдругъ центромъ скопленія для Башкирскаго воинства, требовала провіантской помощи: она не имѣла достаточныхъ средствъ къ продовольствію людей и силы вынести гнетъ воинскаго постоя. Созывъ и сборъ команды, какъ мы уже замѣтили, былъ очень медленный, съ большими промежутками, во время которыхъ

уничтожались быстро тѣ убогіе запасы, какіе могъ сдѣлать Сажинъ, единственный въ то время представитель дѣйствующей въ краѣ власти.

Сажинъ разрывался на части, Попечитель разсылалъ во всѣ концы гонцовъ, требовалъ, подтверждалъ, настаивалъ, умолялъ, грозилъ отвѣтственностью. Ни что не помогло: дѣло шло черепашьими шагами. А движеніе крестьянское, между тѣмъ, росло и одновременно развивалось въ шести волостяхъ: Бродокалматской, Верхтеченской, Укляпской, Бѣлоярской, Батуринской и Каргопольской, охвативъ разомъ до 40,000 крестьянъ мужскаго пола [1]). Въ прочихъ волостяхъ, за исключеніемъ Мѣхонской, спокойствіе хотя держалось, но тоже было ненадежно и висѣло на волоскѣ; ручаться за него было нельзя; слухи и примѣръ, поданный возставшими волостями, помимо своей обольстительности, были весьма заразительны, носили на себѣ эпидемическій характеръ.

Самый Шадринскъ—уѣздный городъ—пребывалъ въ тревожномъ состояніи, опасаясь, не безъ основанія, нашествія крестьянскаго. Дѣйствительно, многіе изъ крестьянъ открыто говорили, что Шадринскъ надобно взять народомъ и властей тамошнихъ истребить и уничтожить, какъ зловредныхъ и ничтожныхъ тварей. Шадринскъ, какъ извѣстно, стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Исети, а на правомъ расположены Батуринскія деревни: Осѣева, Ершова, Нердупова, Тумакова, Полевая и другія! Рѣка находилась въ это время въ разливѣ, и потому естественно прекращала обыкновенныя сообщенія ея одного берега съ другимъ, кромѣ ботовъ и лодокъ, на которыхъ переправа и перевозъ производились крайне осторожно и осмотрительно. Сверхъ того, учрежденъ былъ на городскомъ берегу постоянный наблюдательный пикетъ. Тревоги, впрочемъ, оказались напрасными.

Благодаря прекращенію сношеній между прибрежными жителями разливомъ рѣки Исети, вѣсти и слухи изъ южныхъ мѣстъ о происходившихъ тамъ безпорядкахъ не доходили въ сѣверныя и оттого, вѣроятно, удержалось спокойствіе въ полной мѣрѣ, не смотря на воспріимчивость

---

1) Народонаселеніе по 8-й ревизіи, составленной въ 1883 году, показывалось въ инвентарныхъ описаніяхъ въ слѣдующихъ цифрахъ—по волостямъ:

Бродокалматской	муж. п. 6,070	жен. п. 6,798
Верхтеченской	„ „ 7,190	„ „ 8,028
Укляпской	„ „ 5,320	„ „ 5,694
Бѣлоярской	„ „ 5,010	„ „ 5,427
Батуринской	„ „ 5,680	„ „ 6,230
Каргопольской	„ „ 5,410	„ „ 1,292
Мѣхонской	„ „ 5,150	„ „ 5,802
	39,830	44,271
	84,101	

Примыкала еще часть Осиновскаго общества Маслянской волости, въ числѣ не менѣе 1,000 душъ.

умовъ, тоже шаткихъ и ненадежныхъ. Съ другой стороны могъ служить сдерживающею уздою примѣръ прошлогоднихъ волненій, происходившихъ за одиннадцать мѣсяцевъ передъ этимъ: одни были жестоко наказаны, а другіе и теперь еще содержались въ мѣстномъ острогѣ, ожидая рѣшенія ихъ участи.

Подгородное Барневское общество, принадлежащее къ составу Батуринской волости не приняло ни-какаго участія въ настоящихъ крестьянскихъ волненіяхъ, какъ бы искупая тѣмъ прежніе грѣхи свои за Пугачевскую эпоху, когда оно измѣнило Императрицѣ Екатеринѣ II и предалось самозванцу. За то старшина и писарь здѣшніе награждены медалями, а общество удостоено Монаршаго благоволенія, выраженнаго въ особой грамотѣ отъ министра государственныхъ имуществъ графа Киселева, хранящейся теперь въ мѣстной приходской церкви. Барневцы, чуждаясь безпокойныхъ мѣстностей и уклоняясь отъ сношеній съ ними, не ѣздили туда и у себя дома содержали постоянный караулъ днемъ и ночью, чтобы не пустить возмутителей и гнать ихъ прочь отъ селенія. Разъ ночною порою, всколошились овцы, спавшія цѣлымъ стадомъ на скотскомъ выгонѣ, вслѣдствіе какого-то испуга; стражники приняли это за приходъ или нашествіе волнующихся крестьянъ и извѣстили о томъ не только спокойно спавшихъ Барневцевъ, но и жителей другихъ прибрежныхъ селеній, которые, встревожившись взаправду, приняли всѣ мѣры, чтобы отбить пришельцевъ и отразить ихъ «смертнымъ боемъ». Также вѣсть перешла и въ Шадринскъ гдѣ жители, собравшись въ многолюдную толпу, цѣлый слѣдующій день простояли на берегу въ ожиданіи непрошеннаго врага, съ оружіемъ въ рукахъ, приготовившись къ бою и отраженію. Переполохъ оказался, разумѣется, пустымъ а овцы—непріятелемъ.

Такимъ образомъ, размѣръ и вспыхъ, страстей, ширившихся не по днямъ, а по часамъ, требовалъ къ прекращенію ихъ мѣръ самыхъ быстрыхъ и рѣшительныхъ. А гдѣ ихъ взять было въ то время, и кому изыскать, когда начальники уѣзда сидѣли въ осадѣ у Батуринцевъ? Инвалидная команда хотя выдѣлила отрядъ въ распоряженіе временнаго отдѣленія, но отрядъ этотъ содержался тоже въ Батуринской осадѣ и оказывался безполезнымъ; больше же выдѣлить солдатъ изъ этой команды было нельзя, по малочисленности ея и по необходимости отправленія другихъ служебныхъ обязанностей въ городѣ. Да если бы Шадринская инвалидная команда и отдѣлила еще три-четыре десятка человѣкъ, то что могла подѣлать эта горсть съ сорокатысячнымъ скопищемъ возставшихъ крестьянъ?! Стало быть, военная помощь требовалась серьезная, пзвнѣ, снабженная артиллеріею и боевыми припасами, на случай надобности.

Такъ и поступилъ исправникъ Черносвитовъ, пославъ нарочнаго еще 7 апрѣля въ Екатеринбургъ къ начальнику Уральскаго хребта Глинкѣ,

съ просьбою командировать въ Шадринскій уѣздъ двѣ роты пѣхоты, для усмиренія возставшихъ крестьянъ. Отставные солдаты, жившіе по деревнямъ, хотя собирались по третьему стану изъ спокойныхъ волостей; но солдаты эти оказывались дряхлыми, немощными, увѣчными и годными только къ гарнизонной легкой службѣ, а не къ тяжелымъ походнымъ трудамъ. Въ качествѣ резерва, впослѣдствіи чины эти содержали кое-гдѣ караулы въ деревняхъ и селеніяхъ и исполняли другія маловажныя порученія, да и то кое-какъ, съ грѣхомъ по-поламъ.

13 апрѣля прибыла въ Шадринскъ изъ Екатеринбурга рота солдатъ, при одной пушкѣ, слѣдовавшая для скорости на обывательскихъ подводахъ. На станціяхъ задержки въ лошадяхъ не встрѣчалось, потому что заготовлены онѣ были заблаговременно, по распоряженію мѣстныхъ властей. На другой день, послѣ краткаго роздыха, переправясь черезъ рѣку Исеть, рота вступила проселками чрезъ лѣса и поля въ Батуринскую слободу. Прибытіе ея сюда не было замѣчено. Толпа крестьянъ, между тѣмъ, была многочисленна, не менѣе 500 человѣкъ, и стояла въ боевомъ порядкѣ. Осажденные завидѣли команду съ колокольни и, прежде всякаго другаго дѣйствія, озаботились добычею воды, во что бы ни стало, для утоленія нестерпимой, жгучей жажды. Пользуясь передвиженіями и суматохою толпы, начавшимися вслѣдъ за прискакавшими гонцами съ какими-то вѣстями, смѣльчаки изъ осажденныхъ бросились опрометью къ рѣчкѣ за водою, и хотя были встрѣчены ружейнымъ огнемъ изъ толпы, но воды таки-достали: впрочемъ, одна пулька ударила-было въ грудь рядоваго Шаврина, но вреда не причинила, не пробивъ даже казеннаго сукна.

Военная команда вступала въ слободу въ боевомъ порядкѣ и была встрѣчена крестьянами не только молча, но и покорно, безъ всякихъ признаковъ къ ослушанію. Командиру и офицерамъ роты не представилось большаго труда уговаривать крестьянъ добровольно разойтись по домамъ. Они исполнили это тотчасъ же, бросивъ на мѣстѣ сборища нѣсколько ружей, пикъ, кистеней и другихъ разныхъ орудій. Оружія найдено, однакожъ, мало, сравнительно съ численностью бывшаго народа и, по словамъ совѣтника Пермскаго губернскаго правленія Соболева, находившагося при командѣ, оно было скрыто крестьянами еще до прихода роты [1]) За то кольевъ и дреколій собрано до 4000, пересчитанныхъ впослѣдствіи солдатами, при помощникѣ окружнаго начальника Данилевскомъ. [2]) Члены временнаго отдѣленія, обрадованные помощью, вышли изъ церкви и присоединились къ командѣ. Изъ числа вожаковъ крестьянскаго движенія —главные были тотчасъ же задержаны и отправ-

---

[1]) Изъ донесенія его Пермскому губернатору, отъ 19 апрѣля 1843, № 13

[2]) Изъ записки о волненіяхъ, составленной Шадринскимъ окружнымъ начальникомъ Кирхнеромъ.

лены въ Шадринскъ, для заключенія въ тюрьму; другіе, по указаніямъ должностныхъ лицъ, переписаны впредь до особаго распоряженія. Порядокъ хотя возстановился на первый разъ безъ затрудненія, но ручаться за прочность его было нельзя, потомучто многіе изъ здѣшнихъ крестьянъ отправились, по словамъ «Записки о волненіяхъ окружнаго начальника Кирхнера», прямо отсюда къ тѣ сосѣднія волости, для сговоровъ и совѣщаній, гдѣ страсти и безпорядки были еще въ разгарѣ.

На слѣдующій день 16 апрѣля, команда, вмѣстѣ съ временнымъ отдѣленіемъ, вступившимъ въ отправленіе своихъ обязанностей, двинулась къ селу Бѣлоярскому, гдѣ, не встрѣтивъ никакихъ сборищъ (крестьяне успѣли разойтись уже), высвободила изъ осады въ церкви священно-церковно-служителей и другихъ лицъ. Въ Уксянской слободѣ, отстоящей отъ Бѣлоярской въ 12 верстахъ, толпа тоже разсѣялась до прихода команды, и потому осадное положеніе тамошней церкви было снято и осажденнымъ возвращена свобода, безъ всякаго затрудненія. Вожаковъ волненія забирала въ руки полиція: однихъ жестоко сѣкли розгами, а другихъ отправляли въ тюрьму, смотря по мѣрѣ ихъ преступленія.

На походѣ изъ Бѣлоярской слободы въ село Уксянское дошли слухи до команды, что центромъ борьбы съ нею избрана крестьянами Верхтеченская слобода, куда стягиваются многолюдныя толпы ихъ со всѣхъ сторонъ. Въ Уксянскомъ селѣ команда пмѣла ночлегъ, и на другой день (18 апрѣля) выступила ускореннымъ шагомъ въ Верхтеченскую слободу, гдѣ скопище крестьянъ дѣйствительно было большое, и, кромѣ того, ожидалось прибытіе еще нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, обѣщавшихся изъ Челябинскаго уѣзда. Не доходя съ этой стороны до Верхтеченской слободы верстъ трехъ, пересѣкаетъ дорогу незначительная рѣчка Басказыкъ, впадающая въ рѣку Течу; низкіе берега ея, змѣйкою извиваясь по иловатому ложу среди полей крестьянскихъ, едва не соприкасаются между собою и поросли мѣстами кустарникомъ; дно грязное и вязкое, русло мелкое и узкое. Но въ то время, по случаю весны и спѣготанія, эта рѣчка находилась въ разливѣ, и бассейнъ ея былъ полонъ воды. Здѣсь-то вотъ и вздумали крестьяне встрѣтить команду солдатъ, главнымъ образомъ кулачнымъ боемъ (впрочемъ было и огнестрѣльное оружіе) и состязаться съ ея силою своею силою. Лѣвый берегъ рѣчки буквально покрытъ былъ народомъ, конпымъ и пѣшимъ, въ одномъ мѣстѣ скучившимся, въ другомъ разъединившимся, въ рукахъ котораго видпѣлись ружья, пики и палки съ желѣзными наконечниками. Мостъ черезъ рѣчку оказался спятымъ и лѣсъ убраннымъ. У опушки березняка, ростущаго по бокамъ дороги, группировались массы передовщиковъ, хотѣвшихъ воспрепятствовать переходу и переправѣ солдатъ. Во всякомъ случаѣ, намѣреніе ихъ было твердое: защищаться и обороняться, избѣгая, однакожъ, наступательныхъ дѣйствій, на прочность и успѣшность которыхъ они не надѣялись, по своей неопытности и неумѣлости въ во-

сиюмъ дѣлѣ. Команда подошла вечеромъ, часовъ въ восемь, колоннами и стала въ боевомъ порядкѣ на безлѣсномъ противоположномъ берегу Баскажика, открытомъ на значительномъ пространствѣ. Обѣ противныя стороны измѣряли одна другую глазами и молча стояли, не начиная ничего. Прибывшій въ это время совѣтникъ правленія Соболевъ, совокупно съ другими чинами, находившимися при отрядѣ, желалъ разсѣять толпу мѣрами кротости, силою словесныхъ убѣжденій и увѣщеваній. Но крестьяне отвѣчали ему общимъ крикомъ, что они никого изъ нихъ не пустятъ чрезъ мостъ и не дадутся больше въ обманъ, какъ случилось это въ Батуринскомъ селѣ, и что пусть всѣ они, и бары, и солдаты, убираются прочь, по-добру, по-здорову. Болѣе часа прошло въ различныхъ совѣтахъ, соображеніяхъ и разсужденіяхъ: никакія внушенія не дѣйствовали на крестьянъ, и всѣ старанія чиновниковъ оставались тщетными, а ропотъ и дерзость со стороны крестьянскаго сборища возрастали. Наконецъ крестьяне стали уже браниться, бросать пики въ говорившихъ съ ними солдатъ и стрѣлять изъ ружей въ казаковъ, а отдѣлившаяся часть конныхъ и пѣшихъ начала-было обходное черезъ лѣсъ движеніе въ тылъ отряда, состоявшаго изъ одной роты и одного единорога. По стратегическимъ соображеніямъ усмирителей, требовалось имѣть рѣчку въ тылъ роты и обезпечить ея безопасность отъ фланговыхъ обходовъ и нападеній. По этому послана была сначала для острастки одна граната, взвившаяся и пронесшаяся надъ головами крестьянъ. Это нисколько не испугало ихъ, а напротивъ, вызвало только ругательства и говоръ, что за правое дѣло не беретъ, вотъ, ихъ и пуля. Новый, уже прицѣльный, выстрѣлъ картечью, направленный косвенно въ бокъ толпы, хотя положилъ нѣсколько человѣкъ изъ среды ея, но стойкости и геройства ея не поколебалъ и не умалилъ: посланная вслѣдъ за этимъ команда взять мостъ пятью пиками была встрѣчена ею съ необыкновеннымъ остервенѣніемъ и лютостью. При этомъ штурмѣ моста, въ подпоручика Лепкова одинъ изъ бунтовщиковъ прицѣлился въ упоръ; но въ первый разъ, произошла осѣчка, а при второмъ прицѣливаніи подпоручикъ не потерявъ присутствія духа, выхватилъ ружье изъ рукъ крестьянина и ударомъ толкнулъ бунтовщика подъ мостъ; впрочемъ онъ и самъ полетѣлъ туда же, сбитый сильнымъ ударомъ въ голову. При томъ же штурмѣ, рядовой Скородскій былъ раненъ пикою.

Эти предварительныя мѣры не могли прекратить народнаго волненія, потому что толпа усилилась приближеніемъ такой изъ лѣса, а по концамъ и кругомъ ея ѣздили верники съ нагайками, для наблюденія за робкими и трусами, понуждая послѣднихъ стоять твердо и упорно. Кромѣ того, тянулись къ селу Верхтечепскому, какъ къ сборному пункту, массы народа изъ разныхъ окрестныхъ мѣстъ, и ожидалась помощь изъ Челябинскаго уѣзда, жители котораго находились уже въ то время въ сборищѣ при деревнѣ Галкиной, близъ границы Шадринской. Но они

запоздали и, узнавъ здѣсь о пораженіи, нанесенномъ Верхтеченцамъ, разсѣялись въ разныя стороны, безъ причиненія вреда другимъ.

Для исхода борьбы остался одинъ путь—употребленіе силы, такъ какъ голыя слова и убѣжденія не оказывали надлежащаго дѣйствія. Выстрѣлъ картечью въ концѣ-концовъ и ружейный огонь разсыпанныхъ по берегу стрѣлковъ живо очистили мостъ и разогнали толпу. Занявъ мостъ, рота обезпечила себя отъ обхода, къ тому же, наступила и близка была ночь, подъ кровомъ которой крестьяне легко могли отважится на дерзкое предпріятіе, произвести набѣгъ или нападеніе. Убитыхъ и раненыхъ на мѣстѣ найдено, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, 35 человѣкъ; но, вѣроятно, были еще легко раненые, разбѣжавшіеся по лѣсу и окрестностямъ [1]), потому что вслѣдъ за выстрѣлами бунтовщики бросились въ-разсыпную, на утекъ. Многіе сами себя топтали и мяли по дорогѣ торопясь укрыться и спрятаться, а Башкирцы преслѣдовали ихъ по пятамъ, съ гикомъ и гамомъ, и наводили на нихъ большой страхъ и ужасъ.

По переходѣ рѣки Басказыка черезъ наскоро-сдѣланный мостъ, на лѣвомъ берегу ея, гдѣ была стоянка крестьянъ, найдено множество пикъ, кистеней и другихъ орудій. Съ прибытіемъ потомъ роты въ слободу Верхтеченскую, мѣстные священно-церковно-служители были освобождены изъ церкви, а чиновниками и солдатами заняты квартиры въ обывательскихъ домахъ, подъ прикрытіемъ часовыхъ. Для оказанія же помощи раненымъ, былъ посланъ нарочный въ Шадринскъ за уѣзднымъ врачемъ Пономаревымъ, вызывавшемся спѣшно и съ надлежащими инструментами. Составленный на другой день (19 апрѣля) временнымъ отдѣленіемъ протоколъ о происшествіяхъ былъ заключенъ такъ: «виновныхъ въ сопротивленіи отправить къ Шадринскому городничему, для содержанія подъ стражею, и въ томъ числѣ уволеннаго въ безсрочный отпускъ унтеръ-офицера Ивана Полуянова и отставныхъ солдатъ Евсѣя Попова, Карпа Шарыпова и Никиту Болотина; а штабъ лѣкаря Пономарева просить ускорить прибытіемъ въ село Верхтеченское, съ нужными инструментами, для пособія раненымъ крестьянамъ, при ихъ сопротивленіи».

Ни совѣтникъ Соболевъ, ни командиръ роты штабсъ-капитанъ Фохтъ не имѣли намѣренія по словамъ очевидцевъ, открывать огонь противъ заблудившихся крестьянъ, на что они и не были уполномочены, безъ крайней необходимости. Но сцѣпленіе обстоятельствъ, сложившихся столь неблагопріятно, при сильномъ упорствѣ толпы, и излишняя ярость исправника Черносвитова, требовавшаго рѣшительныхъ дѣйствій и своеруч-

---

[1]) Въ протоколѣ временнаго отдѣленія, составленномъ 19 апрѣля 1843, означено убитыхъ и раненыхъ 35 человѣкъ Между тѣмъ въ приговорѣ военно-судной коммиссіи написано убитыхъ 24 человѣка и одинъ умершій отъ ранъ; о раненыхъ не говорится ни слова. Между тѣмъ, частные слухи и разсказы очевидцевъ и современниковъ простираютъ число тѣхъ и другихъ за 80 человѣкъ.

по приставившаго даже фитель къ единорогу,—заставили ихъ рѣшиться на крайній шагъ, имѣвшій омерзительную картину человѣческой бойни. Послѣ этой ихъ кровопролитной расправы съ крестьянами, имъ приводилось долго и нерѣдко выслушивать, или просто слышать горькія порицанія и попреки отъ людей благомыслящихъ, находившихъ въ дѣйствіяхъ ихъ больше оффиціальной эффектности, чѣмъ человѣколюбія и сострадапія. Вообще тогда долго и много говорили и доказывали въ мѣстномъ образованномъ кружкѣ, что замиренія крестьянскаго движенія можно было бы достичь другими путями, болѣе мягкими и болѣе гуманными.

Слухи о нанесенномъ пораженіи крестьянамъ были скоро разнесены ими же во всѣ концы взволнованнаго края, и вездѣ поселили паническій страхъ и трепетъ, невольно вынуждая расходившіяся страсти присмирѣть и стихнуть. Порядокъ сталъ водворяться самъ собою. Такъ, въ Песчанскомъ обществѣ духовенство вышло само изъ церковной осады 19 апрѣля и не было ни кѣмъ тронуто. 20 апрѣля прибыла сюда рота и пріѣхалъ управляющій Пермскою палатою государственныхъ имуществъ Кузьминскій. Вскорѣ примчался за нимъ и самъ старичекъ, Пермскій губернаторъ Илья Ильичъ Огаревъ, при которомъ безпорядки въ краѣ окончательно подавлены и спокойствіе водворено всюду. Рота, не оставаясь праздною, постоянно передвигалась изъ одной мѣстности въ другую, по указанію временнаго отдѣленія, подавляя то тамъ, то сямъ остатки волненій. Бунтовщиковъ Челябинскихъ частью выгнали изъ предѣловъ Шадринскаго уѣзда, частью переловили и отправляли въ тюрьму. На родинѣ ихъ уже ожидали линейныя войска: однихъ «усмиряли домашнимъ образомъ»—безпощадною поркою, другихъ сковывали и бросали въ тюрьмы, впредь до разбора всей Шадринской крестьянской «заворохи» военно-судною коммиссіею.

Въ стычкахъ съ регулярными войсками, крестьяне имѣли также свои трофеи; они успѣли взять въ плѣнъ безсрочноотпускныхъ солдатъ, примкнувшихъ къ ротѣ, этихъ плѣнныхъ они жестоко избили и бросили въ лѣсу, гдѣ нашли ихъ патрули и отправили потомъ въ городскую больницу для излѣченія.

Башкирская команда, съ большими усиліями сформированная попечителемъ Добрынинымъ и становымъ приставомъ Сажинымъ, выступила въ Русскія волости тогда уже, когда прибыла сюда рота солдатъ изъ Екатеринбурга. Всего Башкирскаго воинства сосредоточено было около деревни Курмановой, по однимъ сказаніямъ, до 1200 человѣкъ, а по другимъ — до 2177. За первую цифру держалась Шадринская полиція, а послѣднюю выдвигала администрація казачьяго войска, какъ видно это изъ архивнаго дѣла о народныхъ безпорядкахъ, хранящагося въ Шадринскомъ уѣздномъ судѣ, и изъ донесенія кантоннаго начальника Бахметева Оренбургскому военному губернатору. Только 21 апрѣля многочисленный отрядъ этотъ занялъ селенія Бродокалматской волости и упо-

требилъ тамъ энергическія мѣры къ прекращенію безпорядковъ безпощаднымъ сѣченіемъ крестьянъ, безъ отбора правыхъ отъ виноватыхъ. По освобожденіи изъ церкви причта, въ Бродокалматскомъ селѣ былъ отслуженъ на другій день, въ присутствіи попечителя и пристава, благодарственный молебенъ, съ многолѣтіемъ Государю и окропленіемъ святою водою. Въ этотъ же день двинулась команда въ деревни Осолодскую, Папову, Кошкульскую и другія. Гдѣ и какъ затѣмъ производила она походы—изъ дѣлъ мѣстныхъ архивовъ не видно, а по устнымъ преданіямъ и разсказамъ современниковъ—команда эта хотя недолго держалась въ предѣлахъ края, но за то много сдѣлала, именно: производила вездѣ произволъ и насилія, вносила опустошенія и озорничества и наводила всеобщій страхъ и ужасъ.

«Какъ жадные волки, накинулись на насъ эти Азіаты-Татары», говорили послѣ крестьяне. «Не давали спуска ни мужикамъ, ни бабамъ. А о баранахъ, лошадяхъ и коровахъ—и говорить нечего: хватомъ хватали! Въ конецъ разорили они нашу сторону, и зорить (неистовствовать, грабить) имъ было ловко: ни заступы, ни пристателей (предстателей) за насъ не было, начальства оберегательнаго для мужиковъ не существовало, а существовало оно только для казаковъ да солдатъ: имъ во всемъ вѣрили, а намъ ни въ чемъ. Солдаты же были лучше, и грѣхъ жаловаться на нихъ, опричь отставныхъ и безсрочныхъ,—тѣ хоть кровь имѣли крестьянскую и крестъ на вороту! А эти казаки Башкирскіе не имѣли ни креста, ни совѣсти и грабомъ грабили, и съ руками рвали! Была, говорятъ, въ старые годы Пугачевщина, да та не въ примѣръ была легче. А эта наша заворуха, бунтовка солона досталась намъ изъ-за Татаръ, да изъ-за судовъ съ тѣми же Татарами. Богъ съ ними со всѣми! Сами мужики виноваты: безъ ума дурѣли».

Не говоря уже о начальствѣ и распущенности Башкиръ и Мещеряковъ, дошедшихъ до крайнихъ предѣловъ во время участія ихъ въ усмиреніи крестьянъ,—эти звѣри-Азіаты употребляли, въ обращеніи съ послѣдними, неслыханный произволъ, возмущающее душу своеволіе и жестокость. Послѣ «усмиреній», между Башкирами и крестьянами завязалось длинное и сложное судебно-слѣдственное дѣло, составившееся изъ обоюдныхъ извѣтовъ и жалобъ. Башкиры претендовали на то, что множество ихъ лошадей загнано и пало отъ скорой ѣзды, что извѣстное количество коней, а равно сбруи и прочаго имущества отбито и похищено крестьянами на значительную сумму—25,000 рублей по первымъ заявленіямъ, и на 7,246 р. ассигнаціями по дополнительнымъ; кромѣ того, убито три Башкира и раненъ одинъ за-урядъ-эсаулъ и 33 казака. Крестьяне жаловались на причиненіе имъ Башкирами разныхъ обидъ и похищеній; тоже на значительную сумму, съ поруганіемъ даже чести женъ и дочерей ихъ; причемъ ясно обнаруженъ захватъ Башкирами у

крестьянъ 24 лошадей, впослѣдствіи возвращенныхъ имъ по распоряженію начальства. По этому дѣлу велась обширная переписка между губернаторомъ Оренбургскимъ военнымъ и Пермскимъ гражданскимъ, отданная на разборъ временному отдѣленію Шадринскаго земскаго суда. Здѣсь она, въ свой чередъ, разрослась и образовала объемистое и крайне толстое дѣло. Но чѣмъ кончились эти Башкиро-Русскія взаимныя претензіи—сказать мы не можемъ, за неимѣніемъ подъ руками данныхъ, такъ какъ подлинное дѣло переслано въ другія высшія инстанціи, для окончательнаго приговора, сути котораго мы къ сожалѣнію, тоже не знаемъ. Впрочемъ, можемъ замѣтить, что изъ устъ крестьянъ слышали только ропотъ и вопли негодованія на ихъ усмирителей и успокоителей.

Судя по ходу усмиренія и дѣйствіямъ усмирителей, можно догадываться, что, съ прибытіемъ Пермскаго губернатора въ Шадринскій уѣздъ, усмирительная дѣятельность Башкиръ была прекращена, и они выпровожены во-свояси. Впрочемъ, небольшая часть ихъ была удержана на мѣстѣ бывшихъ волненій.

Главныя скопища крестьянъ въ селахъ Батуринскомъ и Верхтеченскомъ были разсѣяны, какъ мы видѣли, безъ особеннаго затрудненія, и мятежъ считался прекращеннымъ. Стихло все. Настала мертвенная тишина, эта предвѣстница новой бури, бури карательной за грабежи и буйства. Крестьяне чувствовали всю тяжесть этаго гнетущаго нравственнаго состоянія и съ апатическою покорностію ожидали возмездія, расплаты. Временное отдѣленіе, сопровождаемое ротою, переселялось изъ одного селенія въ другое, подвергло менѣе виновныхъ на мѣстѣ же примѣрной поркѣ; а зачинщиковъ и вожаковъ отправляли въ Шадринскъ къ тамошнему городничему, для содержанія подъ стражею. Шадринскій острогъ былъ заваленъ арестантами, и не доставало уже мѣста въ немъ для всѣхъ ихъ. Къ 25 апрѣля спокойствіе водворено было совершенно во всѣхъ мѣстностяхъ уѣзда, и губернаторъ Огаревъ, возвращаясь въ Пермь, по разсказамъ современниковъ, со спокойствіемъ могъ сказать:

—У Филя были, у Филя ѣли-пили, да Филю же и били!

Подъ Филею разумѣлъ Огаревъ крестьянъ, подвергшихся крутымъ и безпощаднымъ мѣрамъ укрощенія.

Одновременно подавлялся мятежъ и въ Челябинскомъ уѣздѣ, какъ узнаемъ мы объ этомъ изъ предложенія Оренбургскаго губернатора генералъ-лейтенанта Обручева, который писалъ изъ деревни Тукмаповой Шадринскому городничему 25 апрѣля, прося его поймать бѣжавшаго въ Шадринскъ агитатора-крестьянина Ѳедюшина. При этомъ Обручевъ сообщалъ, что въ пограничныхъ съ Шадринскимъ уѣздомъ волостяхъ Чумляцкой, Кочердацкой, Куртамышевской и Каменской крестьяне приведены въ спокойствіе, а въ прочихъ затѣмъ волостяхъ будетъ водворенъ порядокъ окончательно къ 27 апрѣля.

Такимъ образомъ улеглась и прекратилась волна разгулявшихся страстей крестьянскихъ, вихремъ пронесшаяся надъ двумя уѣздами. Наступила другая пора, пора расплаты за поступки, за дѣянія, противныя закону и нравственности. Органомъ карательной власти выступилъ военный судъ, въ сопровожденіи прикомандированной роты солдатъ, отдѣленной отъ Пермскаго внутренняго гарнизоннаго батальона, взамѣнъ роты Екатеринбургской, возвращенной къ своему мѣсту. Всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу, въ болѣе, или менѣе сильной, или слабой степени, было 4800 человѣкъ слишкомъ. Это—только обвиняемыхъ! Но сверхъ того, суду предстояло допросить, выслушать показанія, записать жалобы громадной массы обиженныхъ, ограбленныхъ, свидѣтелей, очевидцевъ, и т. п. Какъ трудно было тогда опредѣлить многоразличныя степени виновности лицъ, прикосновенныхъ къ волненію,— можно судить по тому, что волненія сразу охватили широкою полосою семь многолюдныхъ волостей, въ которыхъ, за немногими исключеніями, были почти всѣ болѣе или менѣе причастны сумятицѣ. Кромѣ того судъ подмѣтилъ въ обвиняемыхъ нежеланіе выдавать другъ друга, вслѣдствіе чего они держались однообразной и удивительно-согласной программы: одному на другаго не показывать, грѣхи чужіе не обнаруживать, про свои не говорить, одному другаго не топить [1]). Приговоръ военно-судной коммиссіи сильно изумилъ крестьянъ, когда они узнали, что тѣ изъ нихъ которые больше буйствовали и озорничали, остались или свободными отъ всякой отвѣтственности, или отдѣлались легкими наказаніями, совершенно несоотвѣтствовавшими ихъ дѣяніямъ, а тѣ, которые мало принимали участія въ волненіяхъ, или хотя и принимали, но невольнымъ образомъ, по принужденію, страха ради,—были зачислены въ разрядъ главныхъ преступниковъ и наказаны Сибирью и каторгою.

Въ послѣдніе четыре дня декабря 1843 года военно-судная коммиссія окончательно рѣшила дѣло о народныхъ волненіяхъ въ Шадринскомъ уѣздѣ и постановила приговоръ о наказаніи виновныхъ. Степень виновности крестьянъ раздѣлила она на пять разрядовъ. Въ первый отнесла она 173 человѣка, изъ которыхъ 49 приговорила, въ страхъ и примѣръ прочимъ, къ наказанію шпицрутенами чрезъ тысячу человѣкъ шесть разъ и къ отсылкѣ въ Сибирь въ каторжную работу. О головѣ же Вторушинѣ, утвержденномъ въ должности палатою и губернаторомъ, предоставила усмотрѣнію ихъ. Одного отставнаго солдата, по лишеніи воинскаго званія и знаковъ отличій, къ наказанію шпицрутенами чрезъ тысячу человѣкъ—три раза и къ отсылкѣ въ Сибирь въ каторжную работу. 110 человѣкъ къ наказанію шпицрутенами чрезъ тысячу человѣкъ по три раза и отдачѣ способныхъ, имѣ-

[1]) Почти точныя слова изъ приговора военно-судной коммиссіи, составленнаго 28, 29 30 и 31 декабря 1843 года.

ющихъ, менѣе 35 лѣтъ, въ солдаты, а неспособныхъ по годамъ и тѣлеснымъ недостаткамъ въ крѣпостную работу въ Бобруйскую крѣпость на 6 лѣтъ; тѣхъ же, коимъ выше 45 лѣтъ, къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Отставныхъ и безсрочноотпускныхъ нижнихъ чиновъ, счетомъ 12, лишивъ военныхъ отличій, у коихъ имѣются, на мѣстѣ преступленія наказать шпицрутенами чрезъ тысячу человѣкъ по два раза и отослать въ Сибирь на поселеніе. Во второй разрядъ коммиссія отнесла крестьянъ 302, безсрочноотпускныхъ солдатъ 1, должностныхъ лицъ 2, всего 305 человѣкъ, изъ которыхъ первыхъ, за исключеніемъ престарѣлыхъ, приговорили къ наказанію шпицрутенами чрезъ тысячу человѣкъ до два раза и оставленію въ жительствѣ, а престарѣлыхъ пять человѣкъ къ выдержанію въ тюремномъ замкѣ по шести мѣсяцевъ. Втораго (солдата) оставить въ подозрѣніи, съ обращеніемъ по-прежнему на службу, безъ наказанія. О третьихъ заключила предать на благоусмотрѣніе начальства. Въ третій разрядъ вошло крестьянъ 1359 и должностныхъ лицъ 5, итого 1364 человѣка, изъ которыхъ первые приговорены судомъ къ наказанію палками по 250 ударовъ, кромѣ престарѣлыхъ 8 человѣкъ, подлежащихъ тюремному заключенію срокомъ на одинъ мѣсяцъ каждаго. А о вторыхъ предоставлено усмотрѣнію начальства. Въ четвертый разрядъ внесено отставныхъ солдатъ 6, должностныхъ лицъ 3 и крестьянъ 1677, итого 1686 человѣкъ, изъ которыхъ первые оставлены въ сильномъ подозрѣніи, вторые предоставлены усмотрѣнію начальства, а изъ числа послѣднихъ,—десятый, по жеребью, приговоренъ судомъ къ наказанію розгами по 150 ударовъ каждый, съ подтвержденіемъ впредь безпорядковъ не дѣлать. Тѣхъ же изъ нихъ (25 человѣкъ), которые стары, или дряхлы, если падетъ на нихъ жребій къ наказанію, выдержать при волостныхъ правленіяхъ на хлѣбѣ и водѣ каждаго по одному мѣсяцу. Въ пятый разрядъ вошли 72 человѣка, обвиняющіеся въ томъ, что они во время безпорядковъ, смотря на другихъ, открыли своевольныя сборища, на которыхъ, объявляя претензію на продажу ихъ «подъ барина», дозволили себѣ избирать начальниковъ и писарей; но эти безпорядки прекратились сами собою безъ дальнѣйшихъ дурныхъ послѣдствій, и крестьяне укрѣпили себя взаимными подписками, чтобы на сборища толпами не собираться, шума и буйства не производить, почему заключено: всѣмъ имъ, помимо одного, сдѣлать строгое подтвержденіе, чтобы сборищъ не дѣлали; а одному Анчугову (антагонисту Мѣхонскаго писаря Тугозвонова), подстрѣкавшему къ безпорядкамъ прочихъ, вмѣнить въ наказаніе долговременное содержаніе его подъ стражею въ Шадринскомъ замкѣ. Сверхъ того коммиссіею переданы особому гражданскому суду два чиновника: Павловъ и Сарафанниковъ и 21 женщина; духовному суду: два духовныхъ лица; усмотрѣнію начальства: одинъ голова (Верхтечепскій), одинъ старшина и одинъ писарь (Песчанскіе); обсужденію ближайшаго Екатеринбургскаго военна-

го суда: 56 человѣкъ неспрошенныхъ здѣсь по разнымъ причинамъ; оставлено безъ заключенія объ ошибочно-вдвойнѣ записанныхъ по многолюдству и другихъ неспрошенныхъ и вовлекшихся въ дѣло по совершенному неразумѣнію, подражая старшимъ, 134. Совершенно оправдано: чиновниковъ 1, унтеръ-шахтмейстеровъ 1, крестьянъ 11, солдатъ 2, мѣщанъ 2, итого 17. Всѣхъ лицъ, подпавшихъ суду, поименовано въ длинномъ приговорѣ военно-судной коммиссіи 3866 Растраченную изъ волостныхъ и сельскихъ управленій гербовую бумагу, паспортные бланки и казенную сумму приговорено пополнить съ подсудимыхъ крестьянъ, а о растратахъ у частныхъ и должностныхъ лицъ, причиненныхъ раздѣленіемъ у многихъ одежды, расхищеніемъ хлѣба и другаго движимаго имущества, на сумму до 10,000 р. сер., предоставлено истцамъ просить на виновныхъ съ ясными доказательствами особо-формальнымъ порядкомъ, такъ какъ коммиссія не могла различить, кто дѣйствовалъ здѣсь сильнѣе, и кто слабѣе[*]).

Императоръ Николай Павловичъ сильно облегчилъ участь осужденныхъ. Это видно изъ предложенія министра внутреннихъ дѣлъ начальнику Пермской губерніи (11 сентября 1844, № 4825):

«Разсмотрѣвъ представленное мнѣ военно-судное дѣло о государственныхъ крестьянахъ Шадринскаго уѣзда, сужденныхъ военнымъ судомъ, за оказанное ими въ 1843 году неповиновеніе и буйство противъ начальства,—я входилъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ по положенію коего государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ:

«1. Причисленныхъ военнымъ судомъ къ 1-му разряду крестьянъ (слѣдуютъ имена ихъ) всего 28 человѣкъ, кои, бывъ главными дѣйствователями возмущенія, оказались вмѣстѣ съ тѣмъ виновными въ явномъ неуваженіи и поруганіи святыни, или въ необыкновенной дерзости противъ мѣстной полиціи и окружнаго начальника государственныхъ имуществъ—наказать шпицрутенами чрезъ пятьсотъ человѣкъ три раза и сослать въ каторжную работу; сему же наказанію подвергнуть сельскихъ должностныхъ лицъ: голову Ворушина, Теченскаго сотскаго, старосту и добросовѣстнаго (причисленныхъ ко 2-му разряду), кои сами руководили возмущеніемъ и причинили истязаніе, тогда какъ по обязанности своей должны бы были служить примѣромъ исполненія законнаго порядка и удерживать другихъ отъ буйства.

«2. Поименованныхъ также въ 1-мъ разрядѣ приговора военнаго суда крестьянъ и одного мѣщанина Шадринскаго, всего 90 человѣкъ, кои преимущественно виновны въ истязаніяхъ надъ священно-церковнослужителями, внѣ храмовъ и надъ сельскими начальниками или въ грабежѣ въ домахъ; равно причисленныхъ военнымъ судомъ ко 2-му разряду и изобличенныхъ въ тѣхъ же преступленіяхъ, но въ меньшей сте-

[*]) Извлечено изъ приговора военно-судной коммиссіи.

ніи, всего 107 человѣкъ: и наконецъ должностныхъ лицъ, поименованныхъ въ 3-мъ разрядѣ военно-суднаго приговора: старосту и трехъ добросовѣстныхъ, кои вмѣсто того, чтобы удерживать крестьянъ отъ буйства, сами принимали въ немъ дѣятельное участіе,—наказать шпицрутенами чрезъ пятьсотъ человѣкъ по два раза, кромѣ престарѣлыхъ и изъятыхъ по закону отъ тѣлеснаго наказанія, коихъ выдержать въ тюрьмѣ по одному мѣсяцу, и затѣмъ: первыхъ 90 человѣкъ, причисленныхъ военнымъ судомъ къ 1-му разряду, отдать годныхъ въ солдаты, а неспособныхъ сослать въ Сибирь на поселеніе; прочихъ же изъ поименованныхъ крестьянъ, значащихся во 2 и 3 разрядахъ военно-суднаго приговора, согласно сему послѣднему, оставить на прежнихъ мѣстахъ жительства, но ни въ какія должности не выбирать и въ общественныя собранія не допускать.

«3. Остальныхъ крестьянъ, включенныхъ въ 1-й разрядъ военно-суднаго приговора, всего 40 человѣкъ, производившихъ истязаніе и побои простымъ крестьянамъ, распространившимъ мятежъ и упорствовавшихъ въ ономъ—наказать розгами по сто ударовъ и оставить на прежнемъ жительствѣ, не допуская также въ общественныя собранія, ни къ выбору въ какія-либо должности.

«4. Изъ остальныхъ прикосновенныхъ къ дѣлу должностныхъ лицъ: сельскаго старосту и добросовѣстнаго (они поименованы въ 4-мъ разрядѣ военно-суднаго приговора), оглашенныхъ въ томъ, что первый съ сообщниками билъ крестьянина Задорина за неучастіе въ возмущеніи, а послѣдній былъ въ числѣ первыхъ возмутителей народнаго спокойствія, хотя неизобличенныхъ, но и непредставившихъ противъ обвиненія опроверженія,—выдержать въ тюрьмѣ на хлѣбѣ и водѣ по мѣсяцу и потомъ оставить на прежнемъ жительствѣ, впредь ни къ какимъ должностямъ не опредѣлять; Верхтеченскаго волостнаго голову Абрама Коновалова, давши крестьянамъ подписку, и писаря Мещерякова (причисленнаго къ 3-му разряду военно-суднаго приговора), писавшаго въ ней, что въ волости находились отыскиваемыя бумаги, къ чему они принуждены были побоями и мученіями,—не опредѣлять впредь къ должностямъ; а старшину Бушуева, и какъ необвиненнаго въ участіи съ другими согласно съ приговоромъ военнаго суда, оставить свободнымъ.

«5. Затѣмъ всѣхъ прочихъ подсудимыхъ государственныхъ крестьянъ простить, со строжайшимъ подтвержденіемъ, чтобы впредь въ подобныя заблужденія не вдавались, подъ опасеніемъ наказанія.

«6. Виновныхъ по настоящему дѣлу отставныхъ и безсрочноотпускныхъ нижнихъ чиновъ, кои должны лучше, нежели крестьяне, понимать обязанности въ отношеніи къ установленнымъ властямъ и ближе могли видѣть заблужденіе поселянъ, а потому гораздо болѣе, нежели сіи послѣдніе, виновны въ возбужденіи и распространеніи безпорядковъ—подвергнуть всѣхъ должному взысканію, именно: а) причисленныхъ къ

1-му разряду военно-суднаго приговора и имѣющихъ знаки отличія св. Анны, кромѣ медалей и другихъ знаковъ, отставныхъ рядовыхъ (6) и унтеръ-офицеровъ (2), лишить имѣемыхъ ими знаковъ отличій и затѣмъ перваго (Максима Рюмина), согласно съ приговоромъ суда, сослать на каторгу, а прочихъ, тоже согласно съ приговоромъ, отправить въ Сибирь на поселеніе, освободивъ всѣхъ ихъ отъ тѣлеснаго наказанія, на точномъ основаніи послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія 22 октября 1843; б) причисленныхъ также военнымъ судомъ къ 1-му разряду, но неимѣющихъ знаковъ отличія св. Анны, ни военнаго ордена, кои освобождаютъ подсудимыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, именно: отставныхъ унтеръ-офицеровъ 2 (неимѣющихъ медалей), кантонармуса, рядоваго и уволеннаго въ безсрочный отпускъ Попова, по лишеніи знаковъ отличія, наказать шпицрутенами: первыхъ двухъ чрезъ пятьсотъ человѣкъ четыре раза, а послѣднихъ трехъ, какъ меньше виновныхъ, чрезъ пятьсотъ человѣкъ—два раза, и затѣмъ всѣхъ ихъ сослать въ Сибирь на поселеніе; в) причисленнаго военнымъ судомъ ко 2-му разряду, состоящаго въ безсрочномъ отпуску солдата оставить въ подозрѣніи, по участіи его въ возмущеніи и обратить по-прежнему на службу, не лишая медали; г) поименованныхъ въ 4 разрядѣ военно-суднаго приговора отставныхъ солдатъ (4), унтеръ-офицера (одного) и состоящаго въ безсрочномъ отпуску (1), достаточно непзобличенныхъ въ участіи по возмущенію, оставить, согласно съ приговоромъ суда, въ сильномъ подозрѣніи и обратить вновь на службу, доколь отличнымъ поведеніемъ очистятся отъ подозрѣнія.

«7. Лицъ, кои, бывъ оглашены по участію только въ неповиновеніи начальству, остались неспрошенными за болѣзнью или отлучкою изъ мѣста жительства, освободить отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, по тѣхъ изъ нихъ, кои оговариваются въ явномъ неуваженіи ко святынѣ, въ истязаніи священнослужителей и начальниковъ, и въ грабежѣ имущества во время происходившихъ безпорядковъ, - предать по явкѣ или выздоровленіи сихъ лицъ суждепію Екатеринбургскаго военнаго суда; женщинъ же оглашенныхъ въ такихъ преступленіяхъ, предать гражданскому уголовному суду.

«8. Поступки дьякона села Макаровскаго и причетника Бродокалматскаго, прикосновенныхъ къ настоящему дѣлу, предоставить разсмотрѣнію Пермской духовной канцеляріи.

«9. Оставленные безъ обсужденія поступки прикосновенныхъ также къ сему дѣлу отставнаго коллежскаго регистратора Сарафанникова и коллежскаго секретаря Павлова—подвергнуть разсмотрѣнію Екатеринбургскаго военнаго суда, съ тѣмъ, чтобы постановленный объ означенныхъ чиновникахъ приговоръ, по силѣ ст. 1624, т. XV Св. Зак. былъ порядкомъ уголовнымъ внесенъ въ правительствующій сенатъ.

«10. Относительно вознагражденія за похищенное крестьянами во

время происходившихъ безпорядковъ—имущество и вообще за причиненные въ то время убытки, а также касательно взысканія издержекъ, кои употреблены и будутъ употреблены по настоящему дѣлу, поступить согласно съ заключеніемъ военно-судной коммиссіи».

Такъ закончилось и завершилось крестьянское движеніе 1842 года въ Шадринскомъ уѣздѣ. Эта, по мѣстному крестьянскому выраженію и опредѣленію, «завороха» и ея послѣдствія нанесли большой вредъ нравственному и экономическому быту крестьянъ, какъ объ этомъ высказался пишущему эти строки его возница, во время проѣзда чрезъ Верхтеченскую волость въ 1852 году. Возница этотъ съ вида былъ мужикъ неглупый, зрѣлый годами. Разговоръ начался съ воспоминанія о столкновеніи роты солдатъ съ толпою крестьянъ въ Базказыкской долинѣ.

— Вотъ мѣсто мужичьяго побоища, сказалъ ямщикъ (когда мы въѣзжали на худенькій и узкій мостикъ черезъ рѣчку Басказыкъ), указывая кнутовищемъ на низкіе берега ея.

— Кому же больше досталось здѣсь во время столкновенія мужиковъ съ солдатами? спросилъ я въ свою очередь.

— Кому?–вѣстимо, мужикамъ. Вѣдь пушки да ружья не свой братъ–тягаться съ ними не станешь! отвѣчалъ ямщикъ уныло.

— Урокъ, поди, большой былъ во время побоища, какъ ты называлъ?

— Уроку было многое множество, за то и слезъ потомъ пролито видимо-невидимо! Жалости не было тогда ни въ солдатахъ, ни въ начальникахъ: терзали и мучили они нашихъ мужиковъ безо всякой милости, какъ лютые звѣри. Эта сѣкуція, которую производили послѣ разбѣжки толпы, не разбирала въ суматохѣ ни праваго, ни виноватаго, и была такъ сильна и жестока, что многіе хезнули (зачахли) отъ нея, другіе искалѣчились, а иные и въ землю ушли. Лучше бы было на свѣтъ не родиться, или въ утробѣ матерей просидѣть, чѣмъ видѣть этакую кару, или теритъ такую муку горькую! Начальство тогда злобилось, въ сердцахъ на мужиковъ, и не допускало до себя никакихъ отъ нихъ резоновъ, а Башкирцы, какъ настоящая спущенная кара небесная, злодѣйствовали въ нашихъ деревняхъ безъ уйму, безъ страха, безъ боязни, не имѣя ни креста на вороту, ни крови христіянской въ себѣ.

— Значитъ, мужикамъ очень жутко приходилось тогда?

— Э!—да какъ жутко-то, что и свѣта Божьяго не видать было: кругомъ стояла тьма необозримая! Не приведи Богъ, имѣть дѣло съ Башкирцами. да съ нашими домашними господами. Они Христа не знаютъ и готовы кожу съ мужика снять, если онъ мало-мало въ лапы имъ попался. Высшее начальство вотъ то есть побольшее, совсѣмъ другое дѣло: то милостивѣе какъ-то, и добрѣе—допускаетъ до себя крестьянъ

безъ задержки, просто, свободно, когда хочешь иди—смѣлый только будь! А къ нашему становому, или исправнику, или къ окружному, иди да назадъ оглядывайся, какъ разъ зуботычину получишь, либо другую какую-нибудь затрещину! Лютый народъ и бѣдовый! Посмотрѣли бы вы, что они дѣлали со своими Башкирцами въ бунтовый годъ—не приведи Богъ! Не разбирали бѣлаго отъ чернаго, или краснаго отъ чернаго, а драли, истязали и лупили безъ милости всякаго, кто подъ руку попался или подвернулся, хоть по дѣлу, хоть безъдѣла—все равно! Татарскія нагайки долго памятовались нашимъ мужикамъ, а о грабежахъ и захватахъ въ то время и говорить нечего—простота и воля имъ была, что хотѣли, то и творили! Военный судъ когда ужь наѣхалъ, такъ призатихли тѣ терзанья, да и тогда не совсѣмъ—отрыгали въ частовую. Кормежки, постои, подводы, гостинцы, разныя разности и всякія всячины не знали ни краю, ни берегу, ни грани, ни мѣры. Казаки долго шлялись въ нашихъ деревняхъ и овецъ этихъ или барановъ—жоромъ жрали и почти всѣхъ пріѣли! Гдѣ ни даютъ имъ добромъ, тамъ берутъ они хайломъ (хлоткою), или силою, лихомъ! А жаловаться къ кому пойдешь, коли начальство отступилось и на мужиковъ же осерчало? Самъ, скажутъ, виноватъ, чертъ ли тебѣ велѣлъ бунтовать! Поневолѣ молчали, чтобы не угрузнуть въ острогъ, дорога въ который куда-какъ широка была, а обратно выходить изъ него—узка!

— Въ острогъ нельзя засадить безъ причины и безъ преступленія.

— Вотъ тебѣ и нельзя! У насъ тогда все было льзя! Мало ли погибло людей ни за что, ни про что, за то только, что были простоваты да глуповаты! А настоящіе бѣдокуры и лиходѣи изжили дома вмѣсто Сибири за свою смѣтку, потому что умѣли во-время извернуться да милостивцевъ найти. Вѣдь не повѣрите, что оборы тогда были такіе большіе, что и сказать страшно, а писари и другіе-прочіе стали послѣ того тузы-тузами, съ тугими мѣшками! Не доказали, значитъ, на нихъ, или судъ обошелъ ихъ по невѣдѣнію! Вѣдь, судъ изъ людей же былъ составленъ, и самъ не могъ знать виновныхъ. Бѣда, какъ мужики забились съ тѣхъ поръ! Жили кое-какъ, съ кошелемъ по-поламъ! За то ручные какіе стали они, смиренники такіе, что дѣлай съ ними что хочешь, хоть веревки изъ нихъ вей—ни пикнутъ! Житье начальству нашему было тогда привольное, какъ коту масляница, и нажива очень прибыльна и легка; богатѣли не по днямъ а по часамъ!

— Твой разсказъ много схожъ съ баснею Крылова, подъ заглавіемъ «Волки и овцы».

— Какая это басня? озадаченно спросилъ меня возница.

Я разсказалъ и прочиталъ ему басню цѣликомъ. Мужикъ покачалъ головою и сказалъ:

— Точнохонько такъ было и у насъ, какъ написано въ твоей побасенкѣ. Только вотъ что говорятъ еще наши мужики: что если бы они

не бунтовали въ 1843 году, то чисто бы ушли всѣ подъ барина, а то вотъ и отстоялись этою заворохою.

— Неправда! слова глупыя сказалъ ты въ оправданіе мужикамъ: озадачилъ я возницу. Вы, вѣдь, видите, что порядки идутъ и продолжаются тѣ же[1]), какіе были тогда, изъ-за которыхъ вы волновались: и палата существуетъ, и окружные существуютъ, съ головами, старшинами, добросовѣстными и другими-прочими, а крестьяне всѣ государственные, принадлежатъ царю и государству, а не барину и не господину.

— Брехаютъ другіе.... такъ я слыхалъ отъ нихъ. Мало толковы мы, худо морокуемъ, а оттого и въ бѣды попадаемъ.

— Надобно грамотѣ учиться, школы заводить; пословица не напрасно говоритъ: ученье свѣтъ, а неученье—тьма.

— Есть, вѣдь, въ нашихъ мѣстахъ эти школы-те, да что толку-то въ нихъ: учатъ плохо, старанья мало, а лѣни много. Учить, такъ учить бы ладомъ, а не въ пень колотить, да день проводить....

Крестьянинъ не договорилъ, порвалъ супонь у хомута, а впереди передъ глазами у насъ лежала подъ грудою соломы Верхтеченская слобода, въ которую мы и въѣхали чрезъ нѣсколько минутъ.

Александръ Зыряновъ.

---

[1]) то разговоръ этотъ происходилъ въ 1852 году.

Печатано по постановленію Пермскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

ПЕРМЬ.
Типографія Пермскаго Губернскаго Правленія.
1884.

2007080044